

А.В. ЧЕРНЯК

ЖУРНАЛИСТИКА
И РЕВОЛЮЦИИ
В РОССИИ

ЧАСТЬ I

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
АКАДЕМИЯ МЕДИАИНДУСТРИИ

А. В. Черняк

ЖУРНАЛИСТИКА И РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Часть I

МОСКВА 2017

УДК 070.1

ББК 76.01

Рецензенты:

кандидат философских наук, профессор-консультант ФГБОУ ДПО Академия медиаиндустрии, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации **С.Д.Мизеров**,

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования **В.С.Хелемендик**,

кандидат военных наук, руководитель Экспертного совета Комитета по обороне Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации **Б.М. Усвятцов**

Ч-49 Черняк А.В. Журналистика и революции в России. Монография. В 2-х частях. Ч. I. Академия медиаиндустрии, 2017. 217 с.

ISBN 978-5-902899-40-2

В 2017 году отмечается столетие Февральской и Октябрьской революций в России. В книге предпринята попытка осмыслить эти события с позиций сегодняшнего дня и новых материалов, ставших достоянием общественности. Кто же разжигал их пламя: царь своей политикой, депутаты, политические партии, масоны, журналисты или народ?

На основе анализа документов и академических трудов, материалов печати, мемуаров участников происходивших событий делается вывод, что «запевалами» революций выступали не просто обнищавшие массы, а грамотные, имущие люди, как правило, интеллигенция, будоражащая народ, СМИ, политические партии, а также сама власть, не умеющая властвовать. Немалую роль сыграли и силы извне. Все это вместе взятое и спровоцировало народный взрыв. Книга представляет интерес для всех, кто стремится глубже познать путь, пройденный страной.

ISBN 978-5-902899-40-2

© Академия медиаиндустрии, 2017.

© Черняк А.В., 2017.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ГЛАВА 1. ПЕЙЗАЖ ПЕРЕД БУРЕЙ	8
Закулисье	40
Корни и крона	44
ГЛАВА 2. ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ БУРИ	49
От революции 1905-го к февралю 17-го	49
Как качался маятник	53
Новое вино в старые меха?	63
Штрихи к портрету В.Н.Коковцова	74
По наклонной вниз	76
Лицо Думы от власти	83
Что их заботило?	89
Автомобиль без шофера	94
Перед развязкой	108
ГЛАВА 3. И ГРЯНУЛ ГРОМ... ФЕВРАЛЬСКИЙ	121
Последняя капля	132
Штрихи к портрету И.В.Кирпичникова	132
Двоевластие	143
Конец самодержавия	154

ГЛАВА 4. ТАК КТО ЖЕ ЗАЖИГАЛ РЕВОЛЮЦИЮ?	164
Купец революции – Парвус	186
Наполеон оказался прав	197
И кто же вершил революцию?	207

Каждый прожитый нами час, день — это уже история. Без прошлого нет будущего, ибо свой следующий шаг мы делаем исходя из предыдущего. К сожалению, историю нашей страны все время переиначивают. Сначала большевики сплошь черной краской покрасили то, что было до них. В годы перестройки либералы представляли дореволюционную страну в сплошь светозарном цвете, сокрушаясь о той России, которую мы потеряли. Позже, делая глазки могучим покровителям заемного либерализма, иные отечественные историки, будто соревнуясь между собой, начали представлять Россию как извечную страну варваров.

Известный испанский романист Сервантес еще 400 лет назад предлагал лживых историков казнить, как фальшивомонетчиков. Жаль, у нас не прислушались к его совету. И сегодня немало еще авторов, которые продолжают писать историю по собственному усмотрению, не утруждаясь поразмыслить, почему она сложилась так, а не иначе. Замечено давно, что люди смотрят на свое вчера, как на часы, первым делом обращая взор на минутную стрелку, а не на часовую, интересуются частностями, а не явлениями.

За сто лет после свершения Февральской, а затем и Октябрьской революций написаны горы книг по истории страны, но интерес к ней не ослабевает. Всплывают новые факты и обстоятельства, а зачастую и старые, очищенные от коррозии, представляют нам те или иные явления совсем в ином свете.

Со школьных лет в памяти многих осело представление, будто революции в России совершались обездоленными массами, которые не могли мириться с существующими порядками, боролись за лучшую жизнь, справедливость. Это так, но не совсем. Тут есть свои нюансы и тайны, о которых в силу ряда объективных и субъективных причин мы не знали. В данной работе предпринята попытка приоткрыть некоторые из них.

ПЕЙЗАЖ ПЕРЕД БУРЕЙ

В 2017-м году — 100 лет Февральской и Октябрьской революциям. Но корни их уходят в середину XIX века. Несмотря на периодически возникающие волнения и бунты, общественный уклад российской жизни мало изменился. К этому времени стала очевидной экономическая невыгодность подневольного крепостнического труда как на заводах и фабриках, так и в деревне, в помещичьих и крестьянских хозяйствах. Неотложность отмены крепостного права показала Крымская война, принесящая много горя России. Люди не хотели жить по-старому. Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии зарегистрировало в 1858 году 86 крестьянских волнений, а спустя два года уже — 108.

Угроза революции заставила Александр II подумать о реформах. Он пришел к выводу, что существующий порядок владения людскими душами не может оставаться неизменным. Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнет отменяться снизу. 19 февраля 1861 года Александр II подписал соответствующий манифест и «Положение об устройстве крестьян». Крестьянин лично объявлялся свободным, получил право заключать договор от собственного имени, заниматься торговлей, промыслами, ремеслом, владеть движимым и недвижимым имуществом, мог выйти из крестьянского сословия и записаться, например, мещанином или купцом. Помещик больше не мог ни покупать, ни обменивать его.

Так-то оно так, но реформа 1861 года, по существу, кинула крестьянина из огня да в полымя: большинство лишалось той земли, которую имело до реформы — наделная земля уменьшилась на 20 процентов. В целом по стране к помещикам перешло более пятой доли всех земель. На одного же бывшего частновладельческого крестьянина после реформы досталось лишь 3,3 десятины. При этом за волю и землю

крестьянин вынужден был заплатить помещику. Правда, деньги на это отпустило государство, но крестьянин обязывался вернуть их казне с процентами в течение 49 лет, внося ежегодно выкупные платежи.

Следует отметить еще одну деталь — в России преобладали мелкие крестьянские хозяйства, при этом многие были безлошадными и малые клочки земли не всегда как следует обрабатывались, поэтому урожай собирался мизерный. Большинство крестьян считало себя обманутыми, а отмена крепостного права лишь взбудоражила страну — крестьянских волнений стало больше. Только за два года (1861—1863) их произошло свыше двух тысяч, в 400 случаях оказано сопротивление войскам. И, что характерно, если раньше был глухой протест против отдельных помещиков, то теперь высказывалось недовольство всей системой власти. Этому способствовало то, что к концу XIX века в России СМИ активно распространяли теории коренного переустройства жизни страны.

Отмена крепостного права вызвала необходимость проведения и других реформ. Земская реформа 1864 г. вводила новые всеобщие выборные органы местного самоуправления — земства. В соответствии с «Городовым положением» (1870 г.) создавались органы общественного самоуправления — городские думы и управы, избираемые на основе имущественной цензы. Наиболее последовательной была судебная реформа 1864 года, положившая в основу суда прогрессивные принципы: бессловность, гласность, состязательность (прокуратура и адвокатура), несменяемость судей, их независимость от администрации; введен институт присяжных заседателей. Комплекс военных реформ 1860—70-х гг. направлен на совершенствование системы управления вооруженными силами, военного образования и на перевооружение армии. В 1874 году рекрутский набор заменен всеобщей воинской повинностью, срок службы сокращен до 6 лет в армии и 7 лет на флоте вместо дореформенных 20 лет.

Критика прежнего порядка, поиск наилучших для страны форм общественного устройства и путей их достижения вызвали поляризацию политических сил. В общественном движении России сформировалась идеология революционного народничества, теоретики которого видели дальнейшее развитие России через социальную революцию.

Идеи эти находили отклик у тысяч людей. Особенно воспламенялась разночинная молодежь, переполненная энтузиазмом и желанием

быть востребованной. В начале 60-х годов XIX века в Петербурге появились политические тайные общества. Они появились под влиянием созданной в Лондоне «Народной воли», лидерами которой были Либерман, Гойзденберг, Цукерман, Серно-Соловьевич. Наиболее заметное в России тайное общество — «Земля и Воля» (1862 г., в рядах основателей были Н.Г. Чернышевский, Н.Н. Серно-Соловьевич, М.А. Натансон), поставившее перед собой задачу создать Всероссийское объединение революционеров для преобразования государственного строя. У членов этой организации имелись деньги на пропаганду и агитацию. В Лондоне при журнале «Колокол» функционировала особая «открытая касса», принимавшая пожертвования на «Землю и волю». Внутри России действовали агенты-сборщики, которые выдавали особые квитанции, подтверждающие пожертвования.

А.И. Герцен со страниц своего журнала «Колокол», издаваемого за границей, призывал русских революционеров «идти в народ» и вести там революционную пропаганду. Народники настраивали людей на неповиновение властям, на восстание. В 1863 году оно вспыхнуло в Польше, перебросилось в Литву, Белоруссию, частично на Украину, но не получило всеобщего размаха. «Хождение в народ» продолжалось более 10 лет и заглохло во второй половине 70-х. Большинство крестьян не разделяли идей своих «заступников».

Идеологи народничества, обвинив тех, кого они хотели просветить в неблагодарности, перешли к новой форме борьбы — террору, уничтожению видных представителей власти. В 1866 году происходит первое покушение на Александра II. В 1876 возрождается «Земля и Воля», в программе которой стоит задача дезорганизации государства и уничтожение наиболее «вредных» или известных членов правительства. От землевольцев отпочковываются в самостоятельные организации «Народная воля» (В.Н. Фигнер, С.Л. Перовская, А.А. Квятковский, А.И. Желябов и др.) и «Черный передел» — более радикальное крыло (Г.В. Плеханов, И.Б. Аксельрод, В.И. Игнатов, А.Г. Дейч, В.И. Залкинд, О.В. Аптеклеси и др.). Убийство следует за убийством. От рук террористов падают Александр III, министры МВД В.К. Плеве, Д.С. Сипягин, министр просвещения Н.П. Боголепов... Покушения были и на губернаторов Ф.В. Дубасова, Н.Н. Богдановича, Д.Ф. Трепова, А.А. Хвостова...

Отмена крепостного права хотя и не решила коренных проблем, но дала ощутимый толчок развитию страны. К началу XX века удельный вес России в мировом производстве подрос и составил 5 процентов, она вышла на пятое место среди развитых стран. В 1900 году в стране работало 38140 торгово-промышленных предприятий, но промышленных товаров производилось в 13 раз меньше, чем в Германии и в 21,4 раза меньше, чем в США. Россия по-прежнему оставалась аграрной: сельским хозяйством занималось 97 млн человек (77 процентов), в ценовом выражении они давали более половины от всей производимой в стране продукции. На одного помещика приходилось 2333 десятины, на крестьянское хозяйство — около 7 десятин. 5,6 млн крестьян не имели своих лошадей, инвентаря. В деревне появился сельский пролетариат (3,5 млн человек), который жил только продажей рабочих рук.

Рабочий класс к началу XX века имел в своих рядах около 2,3 млн человек (1,5 процента населения). Средний годовой заработок их колебался в зависимости от регионов и отраслей в среднем от 170 рублей (текстильщики) до 350 (обработка металла, электротехническая отрасль). Продолжительность рабочего дня длилась 10–14 часов.

В многонациональной России остро стоял национальный вопрос. Если в прежние царствования жители некоторых окраинных областей еще пользовались относительными льготами и элементарными национальными правами, жили своей внутренней культурной жизнью, то администрация Николая II эти послабления стала отнимать и перечеркивать. Последнего царя без преувеличения можно назвать организатором крупнейшего в истории империи наступления на все права национальных меньшинств, считает М. Касвинов. Именно при нем Россию стали называть «тюрьмой народов»¹.

И это не гипербола. Нигде в мире не было ничего подобного: русские составляли только 43 процента населения, т. е. менее половины, а все остальные бесправны, ибо инородцы. В эту эру, отмечают французские историки Лависс и Рамбо, в общем, не слишком склонные критиковать деятельность царской администрации, все

¹ Касвинов М.К. «Двадцать три ступеньки вниз». М., 1976. 175 с.

подводятся под один ранжир. На народы, населяющие империю, надето одинаковое ярмо: под запретом национальные языки, подавлена национальная культура. Драконова политика дискриминации, преследования и подавления, разжигания национальной розни осуществляется по указаниям царя во всех инородческих губерниях, на всех окраинах, опоясывающих Россию от Балтики до Кавказа. Но, пожалуй, еще круче предпринимались меры против поляков. Поляки (не принадлежавшие к аристократической верхушке) не могли занимать в империи государственные должности. В юго-западных губерниях они лишались права владеть землей. Польский язык в самой Польше был вычеркнут из программ школ — сначала средней, а затем начальной, а потом и высших учебных заведений. В учреждениях Царства Польского воспрещалось употреблять родной язык².

Революции, утверждают марксисты, случаются тогда, когда верхи не могут жить по-старому, а низы не хотят, то есть власть в силу ряда причин не способна обеспечить людям нормальную жизнь, а низы в свою очередь не в силах больше терпеть такую власть, хотят по-новому строить свою жизнь. Недовольство властью зреет долго, подспудно, потом вдруг, подобно извержению вулкана, вспыхивает в одночасье. Однако анализ революций в России и некоторых других странах показывает, что совершаются они не столько от слабости государства, сколько от слабости власти. И не от нищеты народа, а больше от желания людей жить более комфортно.

Революции — это результат действий различных, порой, казалось бы, совершенно несовместимых групп людей, социально-политических сил, преследующих свои собственные цели. Но они возможны только тогда, когда их поддержит народ, не обязательно весь, такое случается редко, а поддержат широкие массы.

По В.И.Ленину, революция — это высшая форма борьбы классов. Переход государственной власти из рук одного в руки другого класса есть главный признак революции как в строго научном, так и в практически-политическом значении этого понятия. Современный историк С. Кара-Мурза, ссылаясь на К.Маркса и Ф.Энгельса, приходит к выводу, что революция — это борьба прогрессивных и реакционных народов, которая неизбежно ведет к внутреннему расколу, разделению народа на два и больше лагеря. По его мнению, в определении

² Лави Э. История XIX века. Т. 7. М., 1939. 212 с.

революции как классовой борьбы выпадают все коренные противоречия между общностями людей, не подпадающими под понятие класса (национальными, религиозными, культурными и др.). Это исключительно узкое и ограниченное марксистское понятие, считает он, служит заслоном, который не позволяет нам увидеть целые типы революций, причем революций реальных, определяющих судьбы народов. Более того, это понятие ошибочно, заявляет он, ибо задает ложную модель³.

В суждения Кара-Мурзы есть рациональное зерно. Если следовать строго учению К. Маркса, то революции в России вообще были невозможны, так как русский пролетариат еще как таковой не «оперился», не был силен, ибо страна еще не вышла из общинно-крестьянского состояния, капитализм в России только зарождался.

В советских учебниках по истории утверждалось, что революцию совершает некая полунущая «голытьба». Как раз наоборот — запевалами выступают грамотные, имущие люди, как правило, интеллигенция, будоражающая народ, политические партии. Очень часто власти сами, от неумения властвовать, а иногда в силу других причин, провоцируют народный взрыв, порождают бурю негодования, зажигают пожар революции, который не только уничтожает верхи, но и, прокатываясь по огромной стране, опаляет практически каждого. И не один раз уже оставлял на месте нашего общего дома пепелище, коверкал судьбы миллионов людей.

Объективные предпосылки революции, по марксистскому учению, измеряются количеством абсолютно обнищавших людей, которые дальше так жить не могут. Однако в начале XX века в России ничего подобного не было. 1920–1934 годы с точки зрения объективных показателей жизни людей были более революционными годами, так как благосостояние народа при царе было выше. Так же как и в 1980 году, наши люди жили лучше, чем в 1991–2000 годах. Скажем, в 80-е годы нищих в СССР не было, а в 2000 году за чертой бедности находилось свыше 30 миллионов человек. А это — критическая масса. Но революцией в стране и не пахло.

Революции очень часто инспирируются извне, что особенно проявилось в XXI веке. Впрочем, это характерно и для царской России. На стыке XIX–XX веков в стране началось бурное структурирование

³ Кара-Мурза С. «Маркс против русской революции». М., 2008. 48 с.

общественных сил – появились первые политические партии, объединения, общества, союзы. Наиболее значимые – Петербургские социал-демократические группы «Рабочее Знамя», «Рабочая мысль», «Социалист». В 1896 году в Москве появляется «Московский рабочий союз». Начинает свою бурную деятельность «Бунд» – Еврейский социал-демократический союз. В 1898 году выходит на арену Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП). В 1902 году заявила о себе партия социалистов-революционеров (ПСР, эсеры). На окраинах России возникли национальные партии. На Украине – Революционная украинская партия (РУП), в Белоруссии – Белорусская революционная партия, в Латвии – Латышский социал-демократический союз, в Литве – Литовская социал-демократическая партия, в Польше – «Лига народов», в Армении – Армянская социал-демократическая партия и Армянский революционный союз. Несколько партий существовало в Финляндии. В 1897 году партии росли, как грибы после хорошего дождя, к 1917 году их уже было более сотни.

К партиям мы еще вернемся. Но возникает вопрос: почему на протяжении всей предшествующей истории в стране, где всегда бок о бок жили угнетенные и угнетатели, а недовольство низов верхами то и дело перехлестывалось через край, действовали всевозможные разбойные шайки и группы, случались и восстания, но при этом никаких политических партий и объединений, за исключением тайных обществ декабристов, унаследовавших идеи Французской революции, не было?

Марксистско-ленинская наука объясняла это ростом самосознания трудящихся масс. Отрицать данный тезис бессмысленно – самосознание людей, конечно же, росло еще со времен Просвещения из года в год на протяжении столетий. Но все это время, тем не менее, люди терпели угнетения, а тут практически в одночасье прозрели! Значит, что-то способствовало этому.

Начало XX века – период, когда Россия оказалась на историческом перепутье, как отмечал советский историк Г. Иоффе. Самодержавие завело ее в тупик, из которого необходимо было найти выход. В стране развернулась острейшая борьба трех социально-политических сил или, как принято говорить, лагерей: революционно-демократического, буржуазно-либерального и монархического. Революционная

демократия стремилась к ликвидации монархии и замене ее демократической республикой; либералы хотели превратить самодержавие в конституционную монархию; царизм пытался сохранить самодержавный режим, как любил повторять Николай II, чтобы было все, как встарь. И, что характерно, в вышеназванных лагерях самое активное участие принимали представители всех слоев населения⁴.

Историки отмечают, что на рост самосознания людей, безусловно, влияла мировая общественная мысль, книги, печать, поездки россиян за границу (побывав там, другими вернулись в Россию Петр I, декабристы). Особенно воздействовали на российскую общественность правящие круги США, Англии, Германии, Франции, используя при этом масонские организации, стремясь к переделу мира.

Масоны. Тема масонов одно время для большинства людей – тайна за семью печатями. Русские масонские ложи оберегались так надежно, что, не случись Вторая мировая война, мы, скорее всего, многого так никогда и не узнали бы, пишет известный исследователь масонства историк О. Платонов в объемистой (704 стр.) книге «Терновый венец России. Тайная история масонства». После войны масонские архивы, хранившиеся на Западе, попали в Москву. Но и к ним доступ имел лишь узкий круг лиц, да и то по специальному разрешению⁵.

Тут следует оговориться, что среди ученых существует две противоположных точки зрения о масонах. Один из первых исследователей дореволюционного масонства в России, на которого ссылаются многие отечественные историки, В.Иванов в монографии «Русская интеллигенция и масонство», изданной в Харбине в 1934 году, считает, что масоны совершали все революции в России. При этом он утверждает: их делал не народ, а воспитанная масонством либерально-радикально-социалистическая интеллигенция. Известный советский историк А.Аверх, полемизируя с ним, а также с Н.Н.Яковлевым, В.И.Старцевым и другими, пишет, что масоны особого влияния на массы ни в одной из революций не имели⁶.

Автор не столь категоричен в своих суждениях по данной проблеме и не склонен однозначно становиться на ту или иную сторону, полагая, что революции все-таки делал народ, однако на него

⁴ «Переписка на исторические темы». М., 1989. 70 с.

⁵ Платонов О. «Терновый венец России. Тайная история масонства». М., 2002. 7 с.

⁶ Аверх А. «Масоны и революции». М., 1990. 339 с.

оказывали влияние многие внутренние и внешние силы. И в данном случае сбрасывать со счетов такое явление в российском обществе, как масонство, было бы ошибкой. Впрочем, нельзя признавать масонов и всеобъемлющей силой, приписывать только им все произошедшие общественные потрясения.

Тайные силы — это не одни только масоны. Абсолютно прав В.Грачев, полагая, что не последнюю роль в деятельности закулисья всегда играют интересы властных структур тех или иных групп, государств, финансовых кругов. Нельзя сбрасывать со счетов и деятельность спецслужб, осуществляющих чьи-то интересы, равно как нельзя оставлять без внимания и по стечению ряда обстоятельств, всевозможных интриг и инсинуаций не только политиков, но и всякого рода авантюристов типа Георгия Гапона, Пинхаса Рутенберга, Григория Распутина. Но в конечном итоге последнее слово принадлежит народу. Да, его могут обмануть, увести туда, куда он не хотел бы, но он хозяин положения.

Масонство, согласно наиболее распространенному в историографии определению, есть не что иное, как религиозно-философское и политическое течение, возникшее в Германии в XIII веке (хотя насчет родины масонства у историков единодушия нет). Одни считают его родиной Англию XVI века. Сами масоны возводят истоки своего ордена «Великого братства» чуть ли не к Адаму.

«Целью масонства, — читаем в “Словаре религий народов Современной России”, — является достижение всем человечеством, независимо от расовой, национальной, духовной культуры, принципов свободы, равенства, братства, “царство истины и любви”, земного рая... Вторая задача масонства (наряду с религиозной борьбой, религиозной моралью, церковью и духовенством) — это уничтожение национальной государственности. Конечная идея масонства — сверхгосударство, основными признаками которого являются свобода, равенство и Богом которого является человечество, мораль которого не религиозная и в котором разум человеческий будет мерой всех вещей»⁷.

⁷ Словарь религий народов современной России. М., 1994. 24 с.

О. Платонов, основательно проанализировавший секретные документы, вывезенные после войны из Германии, утверждает:

«Масонство во всех его проявлениях — тайное преступное общество, преследующее цель достижения мирового господства на началах иудаистского учения об избранности народа»⁸.

В России ложи братьев — свободных каменщиков, доносил в записке в 1821 году Александру I масон генерал-лейтенант Е. Кушелев, возникли «во времена царствования блаженной памяти государя императора Петра Великого по возвращении его из чужих краев». И хотя масонов в России было немало, это движение не имело своего национального лица. Т.А. Бакунина в своем списке масонов России XVII — первой четверти XIX века установила фамилии 3267 масонов, из них русские — 1731, но, по ее же оценкам, их было до 5 тысяч. А поскольку заявления о принятии в масоны не писались, то установить доподлинно причастность того или иного лица к вольным каменщикам не так просто. Отсюда и многие разночтения у историков.

На первых порах масонство поддерживалось правительством, ибо носило просветительский характер, развивало русскую философскую мысль, хотя в самом масонстве оригинальных философских идей не содержалось. Но потом масонство стало как обоюдоострый меч — наносило вред обществу, подрывало устои православия, вносило дух вольности во все слои населения. В 1822 году Александр I издал высочайший рескрипт «Об уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ». Но искоренить масонство росчерком пера, хотя и царского, невозможно. Масоны ушли в подполье. Указ Александра I о запрещении тайных обществ повторен в 1826 году Николаем I.

Возрождение масонства в начале XX века связывается историками с именем М. Ковалевского, долгие годы проведенного за границей. Он, Г. Вырубов и З.В. де Роберти основали в 1887 году в Париже ложу «Космос», которая особенно активизировалась в 1898 году. Мотором ее стал Н. Финкельштейн, тесно связанный с американскими финансовыми кругами. «Оживились масоны и в самой России. С. Котляревский, Д. Шаховской, В. Маклаков, Г. Львов стали одними

⁸ Платонов О. «Русская старина». Т. VII (январь—октябрь). СПб., 1884. 467 с.

из первых адептов вольного каменщичество в России», — замечает В. Грачев⁹. В Петербурге в январе 1904 года своего рода сборищем масонов стал основанный И. Петрункевичем «Союз освобождения».

Анализируя историю российского масонства, аналитический центр «Намакон» приходит к тому, что именно оно в известной степени «несет ответственность за успех» российского революционного движения. В подтверждение приводятся признания директора Департамента полиции А. Лопухина: «Масонство..., страшно нам как сила не действующая, а оказывающая поддержку; от него, по всей вероятности, у революционеров деньги»¹⁰. Лопухин высказал лишь предположение, но многие факты подтвердили его правоту. Николай II в 1906 году отменяет повеление Александра I о запрете масонских лож. И они расцветают махровым цветом, всемерно содействуя разжиганию революций. Как и появившиеся политические партии.

Образование политических партий. Партия — в упрощенном толковании — это группа людей, политическая организация, выражающая общие или основные интересы какой-то части народа. Запрещенные в стране политические партии до 1905 года формировались в основном за границей или же создавались в глубоком подполье. В ходе революции 1905 года и особенно после принятия Манифеста 17 октября они легализовались и начали активную работу в массах. Если до осени 1905 года в России было около трех десятков нелегальных политических партий, из которых только три общероссийские, остальные национальные, то после издания Манифеста 17 октября 1905 г. возникло более 50 общероссийских и более 100 национальных и региональных политических партий.

Социал-демократы. Собравшись в Минске 1–3 марта 1898 года, Кремер, Эйдельман, Кац, Мутник, Радченко, Вигдорчик, Ванновский, Петрусевич и Тучанский стали отцами-основателями РСДРП. Поспорив о названии, согласились, что лучше подойдет Российская (не русская) социал-демократическая рабочая партия (РСДРП), тем самым подчеркивая уже в названии ее интернациональность. Высшим руководящим органом партии провозглашался съезд, а исполнительным — Центральный Комитет, в который вошли Кремер, Эйдельман и Радченко. «Союз русских социал-демократов за

⁹ Грачев В. Масоны у власти. М., 2006. С. 7. «Завтра» — 2006. — №377-378.

¹⁰ История России. М., 1996. 23-24 с.

границей» признавался составной частью партии. Официальным органом партии объявлялась «Рабочая газета», а ее редактором избрали В. И. Ленина.

До программы партии и Устава собравшиеся не дошли, но Манифест РСДРП вскоре появился. Его написал П.Б. Струве, сын Пермского губернатора. Правда, Струве через год открестился от Манифеста, перешел в партию эсеров, где стал одним из теоретиков.

И хотя первый съезд в Минске принял решение о создании РСДРП, партии как таковой в конце столетия еще не было: пятерых из девяти участников съезда арестовали, Киевский «Союз борьбы» и редакцию «Рабочей газеты» разгромили, в рядах российских революционеров-марксистов начались разброд и шатания. Надо было начинать все сначала. За это и взялся по окончании ссылки В.И.Ленин, поставив первым делом задачу организовать регулярный выпуск общерусской политической газеты, с ее помощью объединить революционные кружки и группы в единую партию. Окончательную программу газеты, которую назвали «Искрой», собравшись в Пскове, обсудили Ленин, Мартов, Потресов, С. и Л.Радченко, Струве, Туган-Барановский. Собрав пожертвования на газету, Ленин, Потресов и Мартов в июле отправились в Женеву для переговоров с Плехановым о его подключении к выпуску «Искры» и журнала «Заря».

Первый номер «Искры» вышел в Лейпциге 11 декабря 1900 г., а первый номер «Зари» увидел свет 1 апреля 1901 г. К середине 1902 г. «Искра» смогла представить проект программы партии. Перед этим Ленин изложил ее основные положения в своей работе «Что делать?», других статьях.

Проделав огромную работу, «искровцы» собрали 17 июля 1903 года в Брюсселе II съезд РСДРП. На него прибыло 43 делегата с 51 одним голосом, из коих 30 от местных социал-демократических организаций России, не менее года занимавшихся активной революционной деятельностью. Среди этих 43 делегатов рабочих, правда, было только 4, подавляющее большинство — интеллигенты: Цедербаум (Мартов), Бронштейн (Троцкий), Бауман, Дейч, Аксельрод, Кнунянц, Драбкин (Гусев), Мандельштам (Лядов), Книпович, Залкинд (Землячка), Шотман, Стопани, Пикер (Мартынов), Крохмаль, Левин, Мандельберг, Зурабов, Либер, Медем, Фюрстенберг (Ганецкий), Петрусевич...

Съезд принял Программу партии, состоящую из программы-минимум (совершение буржуазно-демократической революции для свержения самодержавия, установления демократической республики) и программы-максимум (осуществление социалистической революции, свержение капитализма). На съезде развернулась острая борьба при обсуждении программы и устава партии. Ленинская формулировка 1-го параграфа устава гласила:

«Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию, как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций».

Небольшим большинством голосов 1-й параграф был принят в формулировке Мартова, которая не требовала личного участия члена партии в работе партийных организации и открывала широко двери партии для неустойчивых мелкобуржуазных элементов. Но в конце съезда сторонники Ленина имели большинство. Они закрепили свою победу при выборах центральных учреждений: ЦК и Центрального органа. Со 2-го съезда РСДРП сторонники Ленина стали называться большевиками; сторонники Мартова – меньшевиками.

Руководствуясь идеей непримиримости противоречий между капитализмом и остатками крепостничества в России, большевики видели возможность преобразования общества только при помощи революции, отрицая реформаторский путь развития.

Социалисты-революционеры (эсеры). В 1901–1902 годах в результате объединения ряда народнических кружков и групп возникла партия социалистов-революционеров (ПСР, эсеры). Отцы-прародители ее М.А.Натансон, Е.К.Брешко-Брешковская, В. М. Чернов, М.Р.Гоц, Г.А.Гершуни. Свои взгляды эсеры излагали в газетах «Революционная Россия», «Вестнике русской революции» и др. Главной социальной силой общества эсеры считали «трудовой народ», крестьянство, пролетариат, демократическую интеллигенцию. В программе эсеров (автор В. М. Чернов), принятой на I съезде (декабрь 1905 – январь 1906 гг.), содержались требования установления демократической республики, автономии областей, политических свобод, всеобщего избирательного права, созыва учредительного собрания, введения рабочего законодательства, установления 8-часового рабочего дня, введения прогрессивного подоходного налога,

организации профсоюзов для рабочих, отделения церкви от государства. Аграрная программа ПСР предполагала социализацию земли, передачу ее от помещиков крестьянам для разделения поровну.

Веда пропаганду и агитацию среди крестьянства, рабочих и главным образом среди студенчества, эсеры одним из основных методов борьбы против самодержавия считали индивидуальный террор, убийство представителей царской власти. Для этого у партии была законспирированная и фактически независимая от ЦК Боевая организация (БО). Ее создал и возглавлял до ареста Г. А. Гершуни, с 1903 года — Е. Ф. Азеф, оказавшийся агентом царской охраны, с 1905 года у руля стал Б. В. Савинков. Боевая организация осуществила в 1905—1907 годах более 200 терактов. Крестьянские дружины эсеров провели в деревнях кампанию «аграрного террора» (поджоги усадеб, захват помещичьего имущества, рубка лесов). БО участвовала в вооруженном восстании в Москве, партизанских войнах.

Наивысшего пика в своей деятельности ПСР достигла в 1917 году, в ее рядах было около миллиона членов, в стране действовало 436 организаций, особенно популярны они были в деревнях. Наряду с меньшевиками получили большинство в Советах. В том же 17-м ПСР пережила очередной раскол. Левое крыло оформилось в самостоятельную партию, разделявшую в основном взгляды большевиков.

Конституционные демократы (кадеты). Становление партии началось с издания в июле 1902 года в Штутгарте нелегального журнала «Освобождение». В 1903 году при журнале сформировались две организации — «Союз освобождения» и «Союз земледельцев-конституционалистов», которые и образовали партию на съезде в Москве в октябре 1905 года.

Кадеты исповедовали идеи социального либерализма. Они ратовали за немедленный переход к парламентской демократии путем широкого введения политических свобод и всеобщего прямого голосования, а также за контроль центра над местным самоуправлением (кроме требования народных масс о переделе собственности), при этом считали необходимым учитывать интересы высших классов и экономические потребности страны, считали невозможным контроль государства над экономикой, выступали за разделение государственной власти. Решение национального вопроса сводили к уравниванию прав еврейского населения со всем остальным; к восстановлению

конституции Финляндии; к предоставлению автономии Царству Польскому. Призывали установить равенство всех перед народом, отменить сословия, смертную казнь, ввести всеобщее бесплатное обучение.

Для рабочих кадеты считали необходимым установить 8-часовой рабочий день, разрешить союзы, дать право на стачки. Решение аграрного вопроса видели в наделении крестьян землей за выкуп. Впрочем, по аграрной программе у кадетов не было единодушия. Свою точку зрения имели «правые» и «левые». И в целом единства среди кадетов не было: одно крыло возглавлял Струве, во главе другого стоял П.Н. Милюков. В качестве центрального органа кадеты издавали газету «Речь». Кадетов поддерживала почти вся легальная пресса. «Наша жизнь», «Русь», «Товарищ», «Русские ведомости» и многие другие влиятельные органы периодики. На несколько недель, в конце 1905 г., до выхода «Речи» органом кадетов были «Биржевые ведомости», сменившие название на «Народную свободу», а позже ставшие «Свободным народом». Опытный делец – издатель «Биржевых ведомостей» С.М. Поппер передал газету П.Н. Милюкову, решив тем самым снискать симпатии подписчиков. Но этот союз издателя и лидера партии вскоре распался.

Октябристы и другие. После издания царского Манифеста организационно оформился и «Союз 17 октября» (А. И. Гучков, П.А. Гейден, М. В. Родзянко и др.), опиравшийся на крупных промышленников, торговцев и тех помещиков, которые перевели свои хозяйства на капиталистические рельсы. Октябристы допускали лишь некоторые ограничения конституционной монархии, не более того, ратовали за сохранение единой и неделимой России.

Официальным органом Союза стала газета «Русское знамя», не сумевшая ни у кого завоевать авторитет. А.С. Суворин отмечал, что эта газета пишет холопским языком. В материалах отчета о периодической печати за 1908 год сохранилась докладная записка одного из членов Совета Главного управления по делам печати, где содержится характеристика газеты: «“Русское знамя” не консервативный, а крайне реакционный орган... Нападки на политику внутреннего управления, которые позволяет себе “Русское знамя”, перестала быть патриотическими... Такого рода литературная борьба получает уже характер революционный».

Черносотенцы тоже были недовольны газетой, которая выражала взгляды самой правой части союза.

Крупные землевладельцы и промышленники для борьбы с революцией создали **«Союз русского народа» (СРН)** (А.И. Дубровин, В.А. Грингмут, В.М. Пуришкевич и др.). В состав входила черносотенная организация, ратовавшая за единство и нераздельность России, сохранение самодержавия, лишение евреев прав, ограничение представительства Польши. Основные печатные издания — «Русское знамя» и «Почаевский листок». Свои материалы члены Союза печатали и в «Московских ведомостях», «Гражданине», «Киевлянине», «Колоколе», других.

В 1908–1910 годах СРН раскололся на несколько враждующих между собой организаций — **«Союз Михаила Архангела»**, Пуришкевича, **«Всероссийский дубровинский С.Н.Р»** в Петербурге и др. В Москве весной 1905 года появился **«Союз русских людей»** (братья Шереметевы, князь П. Н. Трубецкой и др.). «Октябристы» начали издавать газету «Новый путь», но она быстро закрылась. К ним примыкала «Умеренно-прогрессивная партия» во главе с П.П. Рябушинским. Органом прогрессистов стала газета «Голос Москвы».

Близко к «октябристам» стояли и «мирнообновленцы», которые имели газету «Слово». О «Слове» остряки говорили, что эта газета «бывших людей», издавал и редактировал ее бывший министр (М.М. Федоров), из числа сотрудников многие в свое время тоже занимали государственные посты или перешли из других партий.

На окраинах Российской империи действовали свои партии. В Грузии в 1901 образовалась партия социалистов-федералистов, другое название — революционеров Грузии. Программа сочетала утопический социализм, эсеровские и анархические теории с идеями грузинского национализма.

В Польше в 1889–1893 годах возник «Союз польских рабочих» (СПР) (Ю. Мархлевский, Я. Ледер) и др. СПР призывал рабочих к революции, ликвидации самодержавного строя, выступал организатором экономической и политической борьбы. В 1893 году СПР объединился с партией «Пролетариат», в результате была создана «Социал-демократия Королевства Польского». В том же году в Литве возникли «Литовская социал-демократическая партия» и «Рабочий союз Литвы». На Украине на рубеже XIX и XX веков идеи украинско-

го национализма сливаются с идеями революционного крестьянского общества, Появились социалисты-федералисты, социалисты-самостийники — украинская социал-демократическая рабочая партия (УСДРП) и Украинская партия социал-революционеров (УПСР). Белорусы создают «Западнорусское товарищество» — в Петербурге. «Западноросы» взращивали представление о белорусах как части русского народа, но особой, имеющей право на свои особенности. Белорусские националисты создали свою партию, заявляя: «Нет, мы никакая не часть русских, мы особый народ и вообще мы хотим отделиться, создать свое государство». В Армении, Эстонии, Финляндии появляются партии за парламентаризм, за автономию.

Анархисты. Это не партия — объединение, анархисты вообще принципиально отрицали всякие партии и государства. Русские теоретики М. А. Бакунин и П. Л. Лавров стояли у истоков всего европейского анархизма наряду с французом Ж. П. Прудоном и немцем А. Штирнером. Позже главным анархистом в России стал князь П. А. Кропоткин.

Идеи анархистов просты: всякое государство есть механизм угнетения. Долой государство! Всякая политическая партия — способ взять власть в государстве. Не нужно никаких партий! Всякая власть вообще зло. Долой власть! Нужно договариваться, а если не удастся — несогласные имеют полное право удалиться и поступать по-своему. А революция произойдет сама по себе, без всякой подготовки и ее результатом будет анархический коммунизм. Пусть народные массы объединяются сами по себе в объединения-синдикаты, тогда государство падет само собой как ненужный и вредный пережиток. К 1917 году анархистов было в России около полумиллиона. Под их влиянием находились Балтийский и Черноморский флота.

Депутаты Государственной думы. Революционное брожение вынудило царя дать России Государственную думу. Когда прошли выборы и утих шелест избирательных бюллетеней, героями дня стали кадеты, одержавшие на выборах в I Государственную Думу оглушительную победу. Газета «Речь» ликовала: «Блестящий успех к.-д. партии на выборах внес нелегкое смятение в ряды наших противников». Главную задачу кадетской партии в I Думе — направить само революционное движение в русло парламентской борьбы, изложил в той же «Речи» накануне открытия Думы П. Н. Милоков.

Итак, на политической сцене России появилась Государственная Дума. Царь и некоторые политические партии надеялись с помощью ее минимизировать недовольство народа, гасить пламя революций. Народ же хотел с помощью Думы, то есть принятием новых законов, сломить самодержавие, взять власть в свои руки. И не случайно Солженицын считает, что очередную Февральскую революцию «сделали не социалистические лозунги, а Государственная Дума, это ее речи перевозбудили общество и подготовили к революции»¹¹. Эту точку зрения разделяют и другие историки.

История отпустила I Государственной Думе всего... 72 дня. Проведено 38 заседаний. Но депутаты успели немало. Прозвучало несколько сот выступлений. Представители народа озвучили то, чего ждала страна. А она ждала новой жизни — справедливого устройства ее. Крестьяне требовали земли, снижения налогов! Рабочие — хлеба, 8-часового рабочего дня, национальные меньшинства, евреи — равных прав. Все вместе — свободы слова, собраний, вероисповеданий, неприкосновенности личности...

Как сказал с высокой кафедры Думы бывший батрак, ставший слесарем Вознесенского рудника, Митрофан Иванович Михайличенко, представлявший Екатеринославскую губернию:

«Нас послал сюда народ, который смотрит на нас, как на народное учреждение, которое найдет правду и успокоит страну созданием правильных законов, чтобы всем жилось как надо, а не так, чтобы одни благоденствовали и убивали других. Страна добивается в своей борьбе права на другую жизнь. Она не хочет жить рабской жизнью»¹².

Перед открытием Думы журналисты забеспокоились — далеко не все желающие получили места. За пять дней до открытия Думы, 22 апреля, представители прессы собрались в помещении Государственного Совета (Мариинский дворец), чтобы обсудить вопрос распределения мест, отведенных печати в Думе. Их было выделено 35, и журналистам предлагалось самим распределить по изданиям. Претендовало же около ста изданий — причем не только общественно-политические, но и специализированные, музыкальные и так

¹¹ Солженицын А. «Размышления над Февральской революцией». — Российская газета. — 2007. — №40.

¹² Государственная Дума; Стенографические отчёты, 1906 г. — СПб., Т.1 — С. 126.

далее. После предварительного отсева осталось 60. Проблема решалась в ходе бурных обсуждений с двух часов дня до десяти вечера. В результате петербургским газетам отдали 13 мест, московским — 4, провинциальной прессе — 8, национальной — 8, одно место зарезервировали для рабочей газеты и одно — для еженедельных и ежемесячных изданий. Этого было явно мало, и собрание русских парламентских журналистов решило хлопотать об увеличении мест для печати в Думе и Государственном Совете. Для этой цели собрание избрало бюро, в которое вошли: В.В. Святловский (председатель), А.А. Пиленко («Новое время»), И.В. Гессен («Речь»), В.А. Бонди («Биржевые ведомости»), Н.А. Ашешов — от московской печати — и другие журналисты. В задачи бюро также входило посредничество между прессой и Госдумой, содействие приезжающим в Петербург сотрудникам провинциальных газет.

Присутствие в Думе специальных корреспондентов стало важным шагом в развитии журналистики, так как теперь общество могло получать альтернативную официозной информацию о ходе думских дебатов. Несмотря на то что парламентские журналисты «первого созыва» проработали всего два с небольшим месяца до роспуска I Думы, это оказалось для них хорошей политической и профессиональной школой. И, надо сказать, общественность получила достаточно полную информацию о работе народных избранников¹³.

Депутатами был рассмотрен 391 запрос министрам (261 из них поддержаны Думой). Рассмотрено огромное количество вопросов: об отмене смертной казни и амнистии политических заключенных, о свободах печати, союзов, собраний, о гражданском равноправии, о черносотенном погроме в Белостоке и других, о профсоюзах, о помощи безработным и голодающим и, конечно, один из главных вопросов — аграрный. Его обсуждение (как и многих других, впрочем) способствовало как росту революционных настроений, так и недовольству работой депутатов со стороны правительства. «Правительственный вестник» регулярно публиковал «верноподданнейшие» письма граждан, называвших Думу «инородной выдумкой», вредной для «истинно русской почвы». Депутатами разработан и принят законопроект об отмене смертной казни, но Государственный совет передал его в особую комиссию, где он и «умер». Единственным принятым законом стал

¹³ См. подробней электронный ресурс: <http://helpiks.org/6-39677.html>.

закон о выделении сверх росписи расходов на 1906 год средств на помощь пострадавшим от голода и неурожая.

Как следует из стенограммы 39-го заседания (от 6 июля 1906 г.), депутаты обсуждали возможность прямого обращения к жителям России по аграрному вопросу. Возможно, это и стало последней каплей, переполнившей чашу терпения царя-батюшки. Утром 9 июля 1906 года депутаты, пришедшие в Таврический дворец на очередное заседание, обнаружили запертые двери. А рядом на столбе висел Манифест за подписью царя о прекращении работы I Думы, поскольку она, призванная «вносить спокойствие» в общество, лишь «разжигает смуту». Около 200 депутатов (в основном трудовики и кадеты) выехали в Выборг, где подготовили и приняли воззвания «Народу от народных представителей».

По итогам выборов во II Думе представлен практически весь спектр политических партий, хотя члены партий представляли в совокупности лишь 0,5% от общей численности населения, тем не менее считалось, что они выражали интересы народа, отмечали газеты. Как ни старался царь и его прислужники провести в Думу нужных людей, какие препоны и сита не ставили против «ненужных», цель достигнута не была: по своему социальному составу II Дума была самым левым парламентом мира. Она лидировала по количеству рабочих и крестьян, пришедших в Таврический дворец прямо от станка и сохи, что дало повод графу Бобринскому назвать ее «Думой народного невежества». Но граф далеко не прав, ибо среди депутатов было немало врачей, учителей, юристов, журналистов.

II Дума повторила судьбу своей предшественницы. 3 июня 1907 г. появился Указ Николая II о ее роспуске и о назначении новых выборов с указанием открытия новой Думы 1 ноября 1907 года. II Дума просуществовала 102 дня, рассмотрела 31 законопроект, внесенный ведомствами, 6 отклонила. Через Государственный же Совет прошло три законопроекта — один (об отмене военно-полевых судов) он отклонил. Николай подписал два — об ассигновании 6 млн рублей на помощь пострадавшим от неурожая и голода и о контингенте новобранцев в армию на 1907 год. По закрытии Думы большинство депутатов, утратив неприкосновенность, разъехались по домам, а социал-демократическая фракция во главе с Церетели была препровождена в тюрьму, а оттуда на каторгу.

ЧИТАЕМ ПРЕССУ. ГАЗЕТА «РЕЧЬ»:

«В итоге — один депутат убит, один сошел с ума, двое подверглись истязаниям, 10 скрываются, 5 высланы, 33 подверглись обыску, 21 заключен в тюрьму и 182 привлечены к суду с устраниением от службы, общественной деятельности и лишением избирательных прав».

В конце того же 1907 года состоялся и суд над 169 депутатами I Думы, подписавшими Выборгское соглашение. Суд приговорил 167 подсудимых к трем месяцам тюрьмы, что означало и лишение избирательных прав.

В отношении народного представительства при дворе муслировались две точки зрения: либо раз и навсегда покончить с заморским парламентаризмом в России и упразднить Государственную Думу как таковую (на чем настаивали монархисты), либо изменить избирательный закон с тем, чтобы обеспечить лояльное и работоспособное большинство в ней. Как помнит читатель, Николай II избрал второй вариант и вместе с роспуском II Думы подписал новый избирательный закон. Это был правый поворот. Вправо повернет и III Дума. Момент для нового избирательного закона был рассчитан верно. По мере того, как революция угасала, в напуганном ею общественном мнении произошел сдвиг слева направо, от радикализма к центризму, консерватизму с ориентацией — на стабильность, замечает историк Л. Новикова¹⁴.

II Дума умерла, обруганная и царем, и прессой, и избирателями, так и не успев себя толком проявить. Главное обвинение — в неработоспособности Думы, излишней политизированности, разжигании пламени революции...

ЧИТАЕМ ПРЕССУ. «БАКИНСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ»,
№ 1, 1907 Г., 20 ИЮНЯ:

«Царь вкратце повторил разгон первой Думы.

...Была Первая Дума. Была и Вторая. Но ни та, ни другая не “разрешила” — да и не могла “разрешить” — ни одного из вопросов революции. По-старому остаются: крестьяне без земли, рабочие без восьмичасового дня, все граждане без политической свободы...».

¹⁴ «Российская Федерация сегодня». — 2006. — №6. — с.50.

Между прочим, автор этой статьи — И. Сталин. Фактически с роспуском II Думы закончилась и первая русская революция. Государственная машина всей своей мощью задавила ее. Вслед за учреждением военно-полевых судов, состоящих из офицеров, Николай II потребовал от правительства летом казнить бунтовщиков через 48 часов после совершения преступления. В разных концах страны свирепствовали карательные экспедиции. В ряде губерний было введено военное положение.

Печать. В 1903 году исполнилось 200 лет русской журналистике. Однако не было не только громких юбилейных торжеств — даже статьи о юбилее опубликовали далеко не все ведущие газеты и журналы.

Исследователи видят тому несколько причин. С одной стороны, цензурные преследования, тем более что в 1902 году министром внутренних дел был назначен В.К.Плеве, а Главным управлением по делам печати руководил Н.А.Зверев — и оба не отличались либерализмом. С другой стороны, еще до образования легальных партий в периодике начало происходить партийное размежевание органов печати. «Местничество» и партийность разъединили журналистику.

С конца 1890-х годов легальная журналистика все больше приобретает черты капиталистического предприятия — происходит акционирование газет и журналов, возникают крупные издательские концерны. Появляются два новых, прямо противоположных друг другу направления в русской мысли — «легальный марксизм» и декадентство, два полюса в мировоззрении русской интеллигенции.

Система российской печати, которая сложилась еще в 80–90-х гг., до 1905 года в целом не претерпела существенных изменений. Сохраняются основные общественно-политические группировки — монархическая, либеральная и демократическая, в которую входят теперь издания «легальных марксистов», увеличивается количество специализированных журналов. Газеты окончательно оттесняют журналы на второй план и по количеству, и по востребованности в русском обществе. Но и те, и другие по-прежнему ориентируются на традиционного интеллигентного российского читателя, стремятся к охвату как можно более широкой, массовой аудитории, что привело к делению прессы на авторитетную и массовую.

В начале века становятся известными многие блестящие журналисты, творчество которых может считаться «золотым фондом»

русской журналистики – Гиляровский, Амфитеатров, Дорошевич, Суворин; из демократического лагеря – Горький, Короленко и другие. Появляются публикации Ленина, Троцкого. Привлекают внимание выступления Розанова, Струве, Бердяева и других «легальных марксистов».

Небывалый подъем революционного движения в России в начале XX в. привел к бурному развитию легальной периодической печати. Складывавшаяся система включала в себя различного типа издания: общественно-политические, специальные, отраслевые, профессиональные, сатирические, иллюстрированные, научные и научно-популярные, информационные, массовые, религиозные, детские и юношеские и др. Только во время революции 1905–1907 гг. в России было основано около 1500 общественно-политических органов.

В то же время в бесцензурной – нелегальной – печати и в России, и за рубежом происходят важные изменения, которые «выйдут на поверхность» во время 1905 года. В России революционная интеллигенция, овладевшая учением Маркса, объединяется с рабочим классом, берет на себя роль руководителя политическими акциями пролетариата. Издаваемые ленинским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» листовки и прокламации становятся фактом политической жизни страны.

Под нажимом общественности 24 ноября 1905 года правительство утвердило «Временные правила о печати». Было узаконено основное достижение – явочный порядок выхода новых изданий. Существовавшую ранее систему выхода новых органов называли концессионной. Главное управление по делам печати давало разрешение на выход нового органа, только убедившись в благонадежности его будущих сотрудников. В Новых правилах узаконен явочный порядок выхода: достаточно было подать прошение и через две недели получить разрешение. Такой порядок давал возможность быстро заменять приостановленное издание другим при том же составе сотрудников.

Определяя роль печати и ее место в жизни партий, В. И. Ленин писал:

«Организация революционных сил, дисциплинирование их и развитие революционной техники невозможны без обсуждения всех этих вопросов в центральном органе, без коллективной выработки известных форм и правил веде-

ния дела, без установления — чрез посредство центрального органа — ответственности каждого члена партии перед всей партией»¹⁵.

В. И. Ленин сравнивал газету с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают отношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом. Газета не только коллективный агитатор и коллективный пропагандист, но и коллективный организатор. Такими «лесами» вокруг строящегося здания в период создания РСДРП стала «Искра», первый номер которой вышел в декабре 1900 года.

Всем своим содержанием ее материалы были направлены на создание единой, централизованной марксистской партии, рассказывали о новых формах и методах, которые появлялись в работе местных организаций, пропагандировали взгляд на партию как на руководящую силу рабочего движения, разоблачали враждебные революционному марксизму течения. Специальный раздел «Из партии» открылся сообщениями о расколе в заграничном Союзе русских социал-демократов, о выходе программы и устава «Рабочей организации». Две небольшие публикации — всего 59 строк, но как насыщены, богаты они! Обе раскрывали истинную сущность «экономизма» — течения, которое было главным тормозом создания марксистской партии¹⁶.

«Искра» пристально следила за развитием рабочего движения. Особое внимание уделяла обобщению и распространению опыта революционной борьбы и делала это по двум направлениям. Во-первых, обобщала практику для развития теории, во-вторых, обстоятельно изучала и пропагандировала лучшие формы и методы организаторской и политической работы местных организаций. Образцом обобщения практики революционного движения, развития теории служит передовая статья «Насущные задачи нашего движения». Основываясь на анализе опыта, газета выделила как основную задачу, которую призвана осуществить русская социал-демократия, — внедрение социалистических идей и политического сознания в массу пролетариата и организацию революционной партии. Без такой партии, писала

¹⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.4. 191 с.

¹⁶ «Искра». — 1900. — №1.

газета, «рабочему классу никогда не удастся исполнить лежащую на нем великую историческую задачу: освободить себя и весь русский народ от его политического и экономического рабства»¹⁷.

От номера к номеру видно, как из искры разгоралось пламя. В России возникают все новые и новые организации, группы, ширится агитационная работа. «Впервые в этом году, — сообщает «Искра» в 11-м номере, — появились местные социал-демократические прокламации в Воронеже, Курске, Пензе, Полтаве, Кишиневе, в Сибири...».

Одно из первых крупных политических выступлений пролетариата — Харьковская маевка 1900 года. В ней участвовало до 10 тысяч рабочих во главе с Харьковским комитетом РСДРП. Рабочие требовали политической свободы, девятичасового рабочего дня. Благодаря «Искре» опыт организаторской работы Харьковского комитета стал достоянием всех организаций. Редакция выпустила специальную брошюру «Майские дни в Харькове».

«Искра», став первой общерусской политической газетой, сыграла исключительную роль в идейно-политическом и организационном оформлении разрозненных социал-демократических комитетов и групп, подготовке II съезда РСДРП.

Начатое «Искрой» дело продолжали газеты «Вперед», «Пролетарий», «Социал-демократ», «Новая жизнь», «Эхо», «Волна», а затем «Звезда», «Правда», «Рабочий путь» и другие издания. С тем чтобы расширить свое влияние в массах, социалистические партии в период революции 1905—1907 гг. взяли курс на дифференциацию своей печати. Выходили газеты для рабочих, крестьян, солдат, молодежи, как органы партии, Советов, профсоюзов. Вся социалистическая журналистика сложилась в систему, включавшую в себя издания различного типа. При этом характер прессы приобретал все более многонациональную структуру: газеты и журналы выходили на грузинском, азербайджанском, армянском, осетинском, аварском, литовском, латышском, эстонском, украинском и других языках. В годы первой революции у социал-демократов было около 200 печатных изданий.

Главным журналистом у социал-демократов по праву считался В.И. Ленин. Только в «Искре» им опубликовано несколько десятков статей. Ведущими публицистами этого времени у социал-демократов были и Плеханов, Мартов, политическая судьба которого очень скоро

¹⁷ Там же.

превращает из единомышленника Ленина в его оппонента, Потресов и др. Но в тени остался как журналист Л. Троцкий. Этот пробел в какой-то мере попытался восполнить исследователь Г. Чернявский.

Лев Давидович журналистикой начал заниматься в юношеские годы, отмечает он. Троцкий сочинил почти десяток прокламаций, в том числе листовку «Дума рабочего» в стихотворной форме на украинском языке. Прокламации вначале писались от руки, причем он оказался самым аккуратным переписчиком собственных текстов. Потом заимел гектограф и с сотоварищами затеял выпуск то ли гектографического журнала, то ли газеты. Было придумано название «Наше дело» и выпущены три номера, которые распространялись по городу и вызвали интерес у публики, тайком знакомившейся с крамольными суждениями. Удавалось печатать 200–300 экземпляров. Все статьи, заметки и даже карикатуры принадлежали Льву. Четвертый номер света не увидел из-за провала и ареста.

В ссылке Троцкий стал овладевать навыками профессионального журналиста. С тревогой и неуверенностью послал первые свои корреспонденции в газету «Восточное обозрение». Это было провинциальное, но довольно солидное издание, выходившее в Иркутске с 1882 года. Хотя ссыльным было категорически запрещено публиковаться в прессе, издатель шел на риск, требуя лишь того, чтобы они печатались под псевдонимами. Власти делали «предупреждения» газете и даже закрывали ее на определенный срок. В конце концов в 1906 году издание ее было запрещено.

Троцкий вспоминал, что он был «поддержан редакцией», в «Восточном обозрении» одна за другой стали появляться его корреспонденции, а затем и более солидные статьи. Он начал с деревенских корреспонденций, печатался под псевдонимом Антид Ото. Этот псевдоним наряду с Перо станет одним из основных в его публицистической практике на протяжении многих лет.

Первая корреспонденция в «Восточном обозрении» появилась в октябре 1900 года. Речь шла об элементарной «социальной клеточке» российского государственного строя — сельском обществе, или сельской общине. Он высказал мнение, что введение в Сибири земских учреждений — лишь вопрос времени, что самоуправление является важным требованием и «займет подобающее ему место в обороте все-российской жизни». Его перу принадлежит и цикл из четырех статей

под общим названием «Обыкновенное деревенское», посвященный большим вопросам сельского быта, непосредственным свидетелем которого являлся автор. Здесь рассматривались и «медицинская беспомощность» сибирской деревни, и сельская «тюремка», в которую запирали и буянов, и психических больных, и бесприютных инвалидов. Шла речь и об издевательствах безграмотных, озлобленных, пьяных крестьян над беспомощными женами, которые подвергались свирепым избиениям, о примитивизме церковно-приходской школы, вновь и вновь — о проблемах всеобщей волости.

Дебют Троцкого в социал-демократической прессе произошел 1 ноября 1902 года, когда в «Искре» появились сразу два его материала. Одним из них являлась небольшая и, казалось бы, посвященная второстепенному вопросу заметка. Несколько напыщенная, она пронизана духом непримиримости и отмщения.

«Не раскрыл ли вам очей страх перед зловещим для вас завтрашним днем? Если так, то вы должны видеть, что по крепостным стенам Шлиссельбурга до сего дня бродят неотмщенные тени замученных вами рыцарей свободы. Они зывают о мести, эти страдальческие тени. Не о личной, но о революционной мести. Не о казни министров, а о казни самодержавия».

Статью «Бобчинские в оппозиции» отличал задиристый, почти непримиримый настрой по отношению к русским либералам, которые начинали как раз в это время формировать свои организационно-политические структуры. Вслед за этим в «Искре» был опубликован ряд статей Троцкого, посвященных все той же земской оппозиции и безрезультатности ее деятельности, взяточничеству чиновников, верно-подданническим заявлениям местных деятелей, «идеалистической гамме» русских философов и литераторов — Бердяева, Булгакова, Розанова, Мережковского, «славянофильскому шарлатанству» правящих кругов.

Сотрудничество Троцкого с «Искрой» продолжалось до марта 1905 г. За это время он опубликовал 31 статью, сделал громадный шаг вперед в журналистике, отточенности стиля (в котором, по словам Ленина, имелись следы «фельетонного стиля, с чрезмерной вычурностью»), а главным образом — в умении анализировать и осмысливать проблемы развития России, задачи революционной социал-демократии.

Ленин был доволен печатными выступлениями Ото. 2 марта 1903 г. он обратился к Плеханову как к неофициальному руководителю «Искры» с предложением включить Троцкого в состав редколлегии в качестве седьмого редактора (в редакцию входили Плеханов, Засулич, Аксельрод, Потресов, Мартов и Ленин). К мнению Ленина присоединился Ю. О. Мартов, который написал П.Б.Аксельроду о предложении Ленина включить Троцкого в редколлегию «Искры» «на полных правах». Однако Плеханов был против вхождения Троцкого в редколлегию «Искры», считая того выскочкой, недоучкой, фразером.

Деятельность Троцкого в октябре-декабре 1905 г. протекала в трех основных направлениях. Первым была журналистика. Троцкий работал одновременно в трех газетах. Вместе с Парвусом они овладели маленькой и совершенно невлиятельной «Русской газетой», заплатив за нее смехотворно низкую цену, и за короткое время превратили малотиражку в популярный массовый орган. Весьма недружелюбно относившийся к Троцкому П.А. Гарви признавал, что Троцкий и Парвус смогли превратить издание «в бойкую популярную рабочую газету».

13 ноября 1915 года стала выходить и организованная Троцким совместно с группой меньшевиков большая общеполитическая газета «Начало». Там вместе с Троцким сотрудничали Парвус и видные меньшевистские деятели: Мартов, Потресов, Дан, Мартынов. Формально ответственным редактором «Начала» считался демократически настроенный врач и социолог Д.М. Герценштейн, который дал свое имя непримиримо революционному изданию, за что вскоре был арестован и год провел в тюрьме.

В газете происходили дискуссии Троцкого с меньшевистскими деятелями. Мартов полагал, что ему будет очень трудно ужиться с Троцким. Однако в конце октября он писал Аксельроду, что в интересах революции сделает «все возможное, чтобы ужиться». У Плеханова же участие Троцкого в меньшевистской газете вызвало негодование. Он возмущенно апеллировал к тому же Аксельроду в феврале 1907 г. Первоначально Троцкий, в отличие от меньшевиков, оставался на позициях бойкота Государственной Думы, за что подвергнут критике Мартовым. Вскоре, однако, Мартов с удовлетворением констатировал, что «Петр Петрович» (Троцкий) от тактики бойкота отказался.

Газета «Начало» выходила недолго. После появления № 16 (2 декабря) она была закрыта правительством, поскольку, по словам

Троцкого, пользовалась гигантским успехом, в то время как большевистская «Новая жизнь» была «серовой». Троцкий сотрудничал и в «Известиях», которые 17 октября 1905 года начал издавать как собственный орган Петербургский Совет.

До тех пор пока расстановка сил еще не была вполне четко определена, главным объектом его критики была партия демократических реформ и ее печатный орган — журнал «Вестник Европы». Троцкому были ненавистны четкая установка этой организации на мирный путь обновления общества, курс на создание сильного государства, основанного на сотрудничестве общественных сил и верховной власти в лице конституционной монархии.

Однако главный объект его критики — кадеты, ставшие ведущими представителями российского либерального демократизма. Атаки на кадетов предопределены тем, что их партия, аккумулировавшая в своих рядах цвет российской интеллигенции начала XX в., мечтавшая о радикальном преобразовании страны парламентским путем и на основе общечеловеческих ценностей, являлась основным идейным соперником социал-демократов. Лидер кадетов П.Н.Милюков стал постоянным объектом нападков со стороны Троцкого. Постепенно Л.Д. Троцкий склонялся к мысли, что публикации статей в большевистской и меньшевистской прессе, органы которой крайне осторожно относились к нему, не могут удовлетворить его притязаний на широкую аудиторию, отмечает исследователь Г.Чернявский. Троцкий задумал издание газеты, в которой мог бы формулировать свои установки, оценку текущих событий и общих явлений мировой экономики и политики, не оглядываясь на мнение других издателей. В октябре 1908 года на занятые средства он приступил к изданию в Вене газеты «Правда», которая предназначалась для широких рабочих кругов, но скорее для социал-демократической и другой оппозиционной интеллигенции. Первый номер вышел 3 (16) октября. Главной опорой Троцкого был А. А. Иоффе. Его помощь стала важной не только потому, что он отдавал газете все силы, но и потому, что, получив наследство, большую его часть предоставил «Правде», что позволило выпускать ее, хотя и с перерывами, иногда и в несколько месяцев, три с половиной года.

Вначале Троцкому удалось добиться официального признания «Правды» общепартийным предприятием, хотя фактически она

оставалась его личной газетой. По настоянию Ленина и с согласия Троцкого пленум решил ввести в редакцию «Правды» своего представителя в расчете на полное овладение газетой. По тактическим соображениям — с учетом родственных связей и сравнительно умеренной позиции — таковым был определен Л.Б.Каменев. Последний приехал в Вену с предложением, чтобы газета целиком сосредоточилась на партийных делах, трактуемых с позиции большевиков и лично Ленина. Взамен намечалось на очередной партконференции объявить газету органом ЦК РСДРП с выделением на ее издание крупных сумм.

Перспектива выпуска общепартийной газеты под его редакцией казалась Троцкому заманчивой. Но вскоре стало ясно, что Ленин не собирался предоставлять редакции автономию. Хотя Каменев пытался сгладить углы, начались трения. Вслед за этим оказалось, что меньшевики не намерены исключать из своих организаций тех, кого Ленин именовал «ликвидаторами», имея в виду крайнюю расплывчатость этого термина и возможность приклеить соответствующий ярлык почти любому меньшевику. Троцкий решил не торопиться с осуждением меньшевиков и лишь осторожно сообщил в «Правде», что не одобряет их поведения. Ленин настаивал на более жесткой линии. Последовали пререкания и интриги. В результате по требованию Ленина Каменев покинул редакцию, которая по сути дела оставалась персональным печатным органом Троцкого. Ленин негодовал. В июне 1911 года он возмущался перед К. Каутским, что Троцкий издает свою газету «как фракционный орган». Всего в 1908–1912 годах вышло 25 номеров «Правды»¹⁸.

Влиятельной становилась эсеровская печать. Центральный орган партии — газеты «Революционная Россия», «Знамя Труда». «Революционная Россия» появилась в 1900 году и с января 1901 года ее начали распространять по России. Уже в первом номере газета определила свою линию.

«В двадцатый век мы вступаем при апогее царской власти. Никогда еще гнет деспотизма не ощущался так сильно, никогда еще издевательство над самыми элементарными правами личности не доходило до таких неслыханных размеров. И конца этому полному обеззакониванию не предвидится».

¹⁸ См. подробней электронный ресурс: http://www.e-reading.mobi/chapter.php/1035962/32/Chernyavskiy_-_Lev_Trockiy.html.

Глашатаи эсеровских идей – «Вестник русской революции», «Голос», «Народный вестник», «Партийные известия», «Путь» и другие.

У кадетов тоже была мощная печать, правительство закрывало их издания, но они тут же выходили под новыми названиями: «Право», «Народная свобода», «Свободный народ», «Речь». Последняя, пожалуй, долгожитель – выходила до Октябрьской революции. В «Речи» работали: Л. Львов, М. Равкин, В. Ашкинади, М. Фридман, М. Ганорман, А. Ленде, М. Файгельсон, Г. Перету, А. Туркст, А. Яблонский, И. Орасер, С. Озерской, Л. Зак. Издатель ее – Н. Элькин, а редакторы Г. Гессен, О. Бужанский, Б. Харитон, хотя неофициальным редактором считался П. Милуков.

В период наивысшего подъема первой русской революции, в период перерастания Октябрьской политической стачки в вооруженное восстание, 27 октября 1905 года, в Петербурге вышла первая легальная ежедневная большевистская газета «Новая жизнь». Она освещала революционную борьбу трудящихся, агитировала за введение революционным путем восьмичасового рабочего дня, пропагандировала лозунги о союзе рабочего класса с крестьянством. Борясь за осуществление основных требований буржуазно-демократической революции, большевики считали движущей силой не буржуазию, а пролетариат. Они поддерживали вооруженные выступления рабочих, крестьян, солдат и матросов, выступали за создание временного революционного правительства. В Москве выходит большевистская газета «Вперед», в Сибири – «Красноярский рабочий», в Киеве – «Работник», в Харькове – «Харьковский рабочий», в Тифлисе – «Кавказский рабочий листок», «Кайц» («Искра») на армянском языке, «Дро» («Время») на грузинском языке, в Эстонии – «Эдази» («Вперед») на эстонском языке.

У правительства же, отмечает Солженицын, только сухо-бюрократический перечислительный «Правительственный вестник», голос которого тонул среди других изданий¹⁹. В ноябре 1905 года старейший редактор национальной русской газеты «Киевлянин» Д.И. Пихно писал:

«Серьезное русское общество поняло, что в такие моменты печать сила, но этой силы у него не оказывалось, а она оказалась в руках ее противников, которые по всей России говорили от его

¹⁹ Солженицын А.И. «Двести лет вместе (1795–1995 гг.) в 2 частях». М., 2001. 237 с.

имени и заставляли себя читать, потому что других изданий не было... и общество терялось в массе лжи, в которой не могло разобратся»²⁰.

Разобраться сразу во всех программах вновь появившихся многочисленных партий было очень сложно и читателям, и властям. Главное управление по делам печати, привыкшее группировать все издания периодики «по направлениям», попыталась это сделать и в революционные годы. В «Отчете о периодической печати за 1907 год чиновники стремились разложить петербургскую прессу “по полочкам”». В отчете были выделены следующие группы изданий:

- 1 – партии эсеров;
- 2 – имеющие общий революционный характер (внепартийные);
- 3 – издания, посвященные истории революционного движения;
- 4 – партии социал-демократов (большевиков и меньшевиков);
- 5 – партии трудовых;
- 6 – общего характера;
- 7 – христианско-социалистического направления;
- 8 – партии реальной политики;
- 9 – народно-социалистического направления;
- 10 – имеющие анархический характер;
- 11 – резко оппозиционные правительству издания (без принадлежности к определенной партии);
- 12 – умеренно-оппозиционного направления;
- 13 – партии кадетов;
- 14 – партии демократических реформ;
- 15 – Союза 17 октября;
- 16 – умеренно-прогрессивного направления;
- 17 – сионистского направления;
- 18 – консервативно-патриотические и монархические;
- 19 – безразличные в политическом смысле;
- 20 – эротического характера;
- 21 – официальные.

Для определения направления разных газет и журналов Главному управлению оказалось мало только партийных симпатий, хотя в

²⁰ «Киевлянин». – 1905. – 17 ноября.

отчете они учтены, понадобилась более детальная «роспись» журналистики. Интересно и соотношение разных групп в цифрах. Примерно из 500 органов периодики, за вычетом 13 официальных, только 41 издание указано в рубрике «консервативно-патриотические и монархические», 263 названы безразличными в политическом смысле, но почти половина петербургских изданий – оппозиционные.

Создание партий и партийной прессы сделало систему русской журналистики более современной для начала XX в. Время с 17 октября до 24 ноября 1905 года современники называли «медовым месяцем свободы печати». Сотрудники большинства газет и журналов упивались долгожданной свободой слова, выпускали номера изданий без цензуры, обсуждали самые острые темы. После подавления московского вооруженного восстания, когда стало ясно, что самодержавие выстояло, началось наступление на прессу. 18 марта 1906 года появился высочайший указ, представивший систему арестов номеров газет и журналов в качестве основной меры борьбы с печатью. Власти накладывали на информацию узду, хотя необходимость в ней, даже по-разному тенденциозно поданной, ощущалась всеми слоями общества. Эту информационную роль и должна была выполнять пресса, подвергавшаяся ударам и справа, и слева, и со стороны самодержавного государства. И несмотря на огромное давление властей, российская печать сыграла решающую роль в штурме самодержавия.

ЗАКУЛИСЬЕ

Гапоном, шедшим с петицией к царю, руководил и направлял его мавританец Пинхас Рутенберг. И хотя он сыграл заметную роль в революции 1905 года, по существу, зажег спичку, но это далеко не первая скрипка в оркестре, собравшемся вокруг костра. А кто писал ноты для этого оркестра? Кто подбирал исполнителей, дирижировал ими? Истории известен такой человек – американский банкир Яков (Якоб) Шифф. Правда, о нем особо не распространялись ни российские революционеры, ни масоны.

Непосредственно отдал приказ о расстреле рабочих министр внутренних дел Святополк-Мирский, он и признан виновником кровопролития. Именно к такому выводу пришел и Николай II, отправивший его в отставку. Это был первый министр внутренних дел

за весь столетний период с момента учреждения этого учреждения, ушедший в отставку без почетного титула или хотя бы ордена, замечает исследователь Ю. Житорчук. При этом автор проводит мысль, ссылаясь на дневники Николая II, что тот не знал всех обстоятельств происходящего 3–9 января в столице, ибо Святополк-Мирский не все ему докладывал, как и не доложил о намечающемся расстреле мирной демонстрации²¹. Зачем это нужно было Святополк-Мирскому, тем более что он придерживался либеральных воззрений и был сторонником глубоких политических реформ? Свою деятельность в МВД начал с частичной амнистии заключенных, сокращения административных репрессий и ослабления давления на прессу? Это он во время аудиенции 2 ноября 1904 года попросился у Николая II в отставку и, услышав «нет», заявил: «Если не сделать либеральные реформы и не удовлетворить вполне естественных желаний всех, то перемены будут уже в виде революций»²².

...По мнению Житорчука, Святополк-Мирский вольно или невольно стал участником заговора крупного капитала, который пошел на крайнюю меру – организацию политической провокации, направленной на подрыв веры широких масс в доброго и справедливого царя. Именно для этого и понадобилась демонстративная стрельба в людей, несших иконы и портреты царя. Во главе заговора, считает Житорчук, стояла крупная политическая фигура Ю. С. Витте. В подтверждение своей версии он приводит разговор начальника канцелярии министра двора Мосолова, который по поручению шефа интересуется ночью 9 января — арестован ли Гапон? В ответ слышит: «Решено арестовать его утром, при его выступлении». Однако вместо того, чтобы утром арестовать священника и объявить рабочим о запрете шествия, полицейские сами становятся в колонны, идут вместе с рабочими. Никто даже не попытался остановить демонстрацию, равно как и изолировать Гапона. Витте был связан с масонами, а через свою жену и с банкирами, прежде всего с Яковом Шиффом.

Версию дворцового заговора с участием Витте разделяют и некоторые другие историки, сводя ее к замене Николая II на более решительного великого князя Николая Николаевича. Что ж, это вполне возможно — при дворе во все времена присутствовали интриги

²¹ Житорчук Ю. «Тайна первой русской революции». «Завтра» — 29 января 2008.

²² Там же.

и заговоры, однако мы будем иметь в виду все-таки парижский съезд революционеров и в этой связи поближе познакомимся с инициатором его проведения Яковом Шиффом.

ПОСЛУШАЕМ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА:

«Шифф рано стал заниматься коммерческими делами, из Германии переехал в Нью-Йорк, вскоре стал во главе банка “Кун, Лейб и Ко”. К 1912 году является в Америке железнодорожным королем, ему принадлежат 22 тыс. миль рельсового пути. Шифф был враждебен России до самого 1917-го. Он способствовал в даче займов своему правительству и иностранным, из которых самым впечатляющим был заем Японии в 200 млн долларов во время русско-японской войны 1904–1905 годов. Он последовательно отказывался участвовать в займах для России и использовал свое влияние, чтобы удержать и другие фирмы от размещения русских займов, в то же время оказывал финансовую поддержку революционным партиям. Шифф критиковался печатью, “что через него поступают средства для русского революционного движения”»²³.

Добавим к тому, что пишет Солженицын, следующее. Яков Шифф начал свою карьеру в доме банкиров Ротшильдов во Франкфурте-на-Майне, затем стал представителем Ротшильдов в Америке. Создал здесь мощный банк «Кун, Лейб и компания», породнился с главой германской финансовой империи Паулем Варбургом, выдав свою дочь Фриду за брата Варбурга Феликса, возглавлявшего службу безопасности Германии. Сам же Яков Шифф был зятем денежного магната Соломона Лейба, соучредителя банка «Кун, Лейб и компания». Это Яков Шифф с благословения Ротшильдов и Морганов вместе с Паулем Варбургом сформулировал основные положения «Закона о Федеральной резервной системе» США, другими словами, основали Центральный банк США и взяли под свой контроль не только основные финансовые потоки Америки, но и контроль над эмиссией, распределением кредитных ресурсов. Кстати, резервная система США с самого начала и до последнего времени — частная компания, в которой приличная доля акций одно время принадлежала Якову

²³ Солженицын А.И. «Двести лет вместе (1795–1995 гг.) в 2 частях». М., 2001. Т.1. 347 с.

Шиффу и его родственникам. Кстати, брат Якова Свердлова, Бенья, был компаньоном Якова Шиффа. Ротшильды к концу 90-х годов перенесли свою штаб-квартиру из Франкфурта в Париж, взяв под контроль основные финансовые потоки Франции. Таким образом, спайка Ротшильд—Шифф—Варбург и их компаньоны сосредоточили в своих руках основные финансовые средства ведущих стран мира — США, Германии, Франции, Англии, Австрии, России.

Мировые воротилы были заинтересованы в переделе мира. Особо привлекала огромная богатая Россия. И не случайно Яков Шифф пестовал еще в колыбели революции в России, создавал политические партии, газеты, финансировал их, побуждал к активным действиям, внедряя в ряды революционеров своих поводырей, подключив для этого всех крупных денежных воротил в США, Англии, Германии, Японии, России.

В январе 1904 года активизировал свою деятельность упоминавшийся выше масонский «Союз освобождения», который поставил своей задачей ликвидацию самодержавия, «освобождение» России от ее самобытных начал и признания права народностей на свободное самоопределение, по существу, расчленение страны, что и произошло в 1993 году. В Совет «Союза освобождения» вошли председатель И. И. Петрункевич, члены Н. Н. Львов, Д. И. Шаховской, В. Я. Богучарский, С. Н. Прокопович, П. Д. Долгоруков, М. М. Ковалевский. Одновременно заявляет о себе и другая нелегальная организация — «Союз земцев-конституционалистов», ставившая целью подготовку обращений к царю с требованиями ввести конституцию по западному образцу. Заправляли в этом «Союзе» почти те же деятели, что и в «Союзе освобождения», прежде всего М.М.Ковалевской, Д.И.Шаховской и братья Долгорукие. В сентябре-октябре 1904 года по инициативе Я.Шиффа и на его деньги член финской партии активного сопротивления Конни Циллиакус собирает в Париже совещание оппозиционных и революционных партий Российского государства. На этом совещании побратались и вступили в сговор против России три главных ветви антирусских сил — масоно-либеральная, социалистическая и националистическая. Масоно-либеральную ветвь на этой сходке представляли деятели «Союза освобождения» В. Я. Богучарский, князь Петр Долгоруков, П. Н. Милюков и П. Б. Струве. От социалистов-революционеров присутствовали террорист и одновременно

осведомитель полиции Азеф, В. М. Чернов и М. А. Натансон. Польских националистов представлял Р.В. Дмовский, были также польские и латышские социалисты, армянские и грузинские социал-федералисты. Не было лишь социал-демократов (большевиков и меньшевиков).

Парижское совещание приняло резолюцию об уничтожении Российского самодержавия и о создании свободного демократического строя на основе всеобщей подачи голосов, а также о праве национального самоопределения народностей. Во исполнение решений, принятых в Париже, «Союз освобождения» собирает в России съезд земских деятелей, на котором присутствовали 105 делегатов из 33 российских губерний. 71 делегат голосует за создание выборного законодательного правительства, 27 – за правительство законосовещательное. По стране прокатывается кампания за ограничение царской власти. В 34 городах состоялись собрания и митинги, в которых участвовало 50 тысяч сторонников «Союза освобождения». Руководители съезда идут в МВД к Святополк-Мирскому и требуют, чтобы он оказал давление на царя. Тут впору сказать, что по данным МВД России на конец 1904 года в стране числилось 4526 революционеров. Из них 1898 русских, 1676 евреев, 626 поляков, 126 представителей кавказских национальностей, 85 выходцев из Прибалтики. Как видим, ряды смутьянов были невелики, но, как известно, организация сильна не числом, а умением работать в массах, влиять на людей, зажечь их и увести в нужном направлении²⁴. Был разработан план вооруженного восстания в Петербурге, и получены на эти цели крупные денежные субсидии из-за рубежа. Однако следует согласиться с историком С. Ольденбургом, который считает, что революция делалась не только за иностранные деньги. Люди, отдавшие все свои силы делу революции, готовые было отдать за нее и жизнь, делали это не ради получения денег от кого бы то ни было. Но в известной мере революция делалась и на иностранные деньги.

КОРНИ И КРОНА

...На краю дороги стоял огромный дуб... Это из Толстого. Лев Николаевич увидел дерево-исполин и невольно залюбовался им. И мы часто восхищаемся произведениями природы. Созерцаем, как правило,

²⁴ «История человечества в 8 томах». Т.8. М., 2003. 507 с.

уже готовое творение. Его зримую часть — крону. И редко думаем о корнях, питающих это чудо и создавших его. А их, корней, у дерева немало. Но есть один. Главный. Стержневой. К нему и несут свои соки десятки корней и корешков поменьше, которых мы не видим, пока не выкопаем дерево. И в общественной жизни перед нами предстает явление (законченное или развивающееся), которое мы воспринимаем как данность, не всегда утруждая себя подумать: откуда и почему оно произошло. Когда же проанализируем, открывается такое, чего мы и не подозревали. Кстати, немало явлений и фактов так и остаются окутанными тайной, ибо человеку свойственно скрывать то, что он не хотел бы, чтобы узнали другие. Вот и в революции 1905–1907 годов немало тайн. Во всяком случае, истоки ее, ход, содержание, последствия не совсем такие, как излагается некоторыми историками.

Главный корень революции 1905–1907 годов — недовольство своей жизнью народных масс. Революцию породил своей политикой Николай II.

«За революции — их в мире было немало — всегда отвечает правитель, побудивший народ к выступлению, а не смутьяны-революционеры, — считает академик А. Воробьев. — Англия, хорошо усвоившая эти уроки на примере континентальной Европы, в течение последних трехсот лет не допустила у себя ни одной революции. Когда мы только уходили в XIX век от остатков рабовладельческого строя, в Англии уже была рабочая партия, а в качестве завершения буржуазной революции они казнили короля еще в 1649 году. Через 150 лет то же самое сделали французы. Противостоять революции может только компромисс власти с народом»²⁵.

Компромисса этого, однако, достичь не так просто. Особенно если есть заинтересованные лица, группы в смене власти. А они всегда есть. И в 1905–1907 годах, конечно, были. В первой революции в России действовали две основных силы: внутренняя, в лице народа, недовольного самодержцем, и внешняя, тоже ставящая своей целью свержение самодержавия, замену его на либеральную, так называемую

²⁵ Воробьев А.И. «К годовщине Великого Октября. (1917–2007)». М., 2007. 21 с.

демократическую власть, развязывающую руки крупному капиталу. Революция, длившаяся на удивление долго, то горела, то тлела и в конце концов утонула, не принеся полного успеха ни той, ни другой силе, хотя некоторые плоды пожали обе стороны.

Революция вырвала у царя Манифест, провозгласивший в самой общей форме политические свободы в России, предопределивший развитие легальной многопартийной печати. Манифест даровал населению империи гражданские права «на началах неприкосновенности личности, свободы слова, совести, собраний и союзов», изменил государственное устройство страны, основательно расшатал устои самодержавия. Была учреждена Государственная Дума как первое законодательное учреждение в России. Сделан шаг к развитию демократии.

Несмотря на то, что первые две Думы были разогнаны, они внесли свой вклад в развитие демократии и в первую очередь – российского парламентаризма. Зародились парламентские традиции, получены уроки межпартийной борьбы, поиска форм и «техники» сотрудничества партий, приобретены навыки законотворческой деятельности. Но гражданское общество в европейском смысле в России еще не сложилось, партии в Думе не были способны адекватно отражать интересы основных социальных слоев общества, и фактически они представляли интересы различных по идеологическим и политическим взглядам групп, в основном интеллигенции, а не широких масс.

Некоторые исследователи отмечают, что думские заседания больше походили на пропаганду революции, антиправительственные митинги, чем на работу законодательного учреждения. Анализируя деятельность первых двух Государственных Дум, оценивая их из XXI в., можно без натяжки сказать: да, они разжигали огонь революции, недаром ведь один из помещиков заявил, что в Думе заседали 500 Пугачевых. Но народные избранники, с другой стороны, и гасили пламя революции, пытаясь сменить государственный строй мирным парламентским путем, разрабатывали законы, которые облегчали бы жизнь самых широких масс. Тон в Думах задавали политические партии, которые выражали интересы практически всех слоев населения. В рядах партий было немало евреев, масонов, действовавших активно по указаниям своих центров. Противостоять революции может только компромисс власти с народом.

Революция стала школой политического воспитания масс — они увидели, что самодержавие отнюдь не неприступная крепость. Были созданы массовые организации трудящихся — Советы, профессиональные союзы. Царь пошел на уступки для рабочих и крестьян, национальных меньшинств. Фабриканты вынуждены были поднять зарплату, улучшить условия труда, сократить рабочий день. Сыграла свою роль аграрная реформа. Революция отменила выкупные платежи крестьян.

Поражение же революции 1905–1907 годов в России вызвано рядом причин. Главная — не было общего координационного центра, партии и движения действовали по принципу «кто в лес, кто по дрова». Участник первой русской революции Н. А. Чарушин огорчен был не только тем, что у революционной публики и их вождей не было объединяющего центра с единой направляющей программы действий, но и все они вели ожесточенную межпартийную борьбу.

Практически безмолвствовала армия, хотя в отдельных гарнизонах и на некоторых кораблях то и дело вспыхивали восстания, но эти разрозненные выступления быстро подавлялись. Недостаточно слаженно действовали и рабочие, крестьяне, трудящиеся национальных районов России. Власть же имела достаточно сил и средств для жестокого подавления революционных выступлений.

Поражение революции и приход к власти П. Столыпина (1906) серьезно отразились и на характере русской журналистики, отмечает исследователь Б.И.Есин²⁶. Часть либеральной прессы повернула вправо. Многие издания оппозиционных революционных партий снова оказались за границей («Социал-демократ», «Знамя труда»). Особенно это касалось большевистских газет и журналов.

Значительная часть интеллигенции — литераторов, политиков — отказалась от революционных идей и революционных методов борьбы за демократию. Наиболее ярким свидетельством этого поворота явился сборник статей под названием «Вехи». Многие интеллигенты сосредоточились на морально-нравственных, религиозно-философских исканиях, далеких от революции. В социал-демократическом лагере появились ликвидаторство и отзовизм.

Двуличную позицию по отношению к России занимали европейские государства. С одной стороны, они всемерно пытались ослабить

²⁶ См. подробней электронный pecyrc: <https://www.evartist.narod.ru/text4/10.htm>.

Россию, подкармливая некоторые партии, с другой — боясь, чтобы пламя не перекинулось на их дом, оказывали царскому самодержавию помощь, в том числе и финансовую. И все же Николай II одержал пиррову победу — он загнал болезнь вглубь. Страна изменилась настолько, что вернуться к дореволюционному положению уже было невозможно.

ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ БУРИ

ОТ РЕВОЛЮЦИИ 1905-ГО К ФЕВРАЛЮ 17-ГО

Первая русская революция, освежившая демократией страну, породившая Государственную Думу, закончилась убиением II Думы, роспуском ее, третьеиюньским переворотом, принятием нового избирательного закона, созданием нового государственного строя – думской монархии. Так пресса и историки оценивают манифест 3 июня 1907 года, изданный с нарушением верховной властью, ст. 86 Основных Законов Российской империи, согласно которой ни один законодательный акт не мог быть принят без санкций Государственной Думы и Государственного Совета.

Как отмечает П. Н. Милюков, кадеты «даже не хотели называть новый избирательный закон законом, а называли “положением”... Это была первая успешная безболезненная попытка власти потушить пожар революции. Тогда и теперь победили силы старого порядка: неограниченная монархия и поместное дворянство. Тогда и теперь их победа была неполная, и борьба между старым, отжившим правом и зародышами нового, продолжалась и теперь, только к одной узде над народным представительством прибавлялась другая: классовый избирательный закон. Но и это было опять только перемирие, а не мир. Настоящие победители шли гораздо дальше: они стремились к полной реставрации»²⁷.

Манифест от 3 июня 1907 года давал власти возможность не столько избирать народных представителей, сколько подбирать их

²⁷ Милюков П.Н. Воспоминания. М.,1991. 287 с.

по своему усмотрению, чтобы создать послушную, управляемую Государственную Думу. Он вобрал в себя опыт выборов в две предшествующие Думы, а также земских и городских выборов и преследовал одну прагматическую цель: пересмотреть и «причесать» некоторые законы, создать такое народное представительство, которое работало бы в соответствии с видами царя и правительства.

Иезуитской особенностью нового закона являлось то, что он никого не лишал избирательного права (только в отношении Средней Азии отмечалось, что эта область еще «не созрела» для выборов), но существенно менял удельный вес отдельных групп населения. Комментируя в «Правительственном вестнике» избирательный закон, Государственный секретарь С.Е. Крыжановский отмечал:

«Главная задача времени была создать Думу уравновешенную и государственную, а для этого приходилось вылавливать из современного общества чуть ли не по крупинке тех немногих лиц, которые были способны к этому делу. И в этом отношении закон вполне достиг своей цели. Он дал земскую Думу, то есть приближенную к тому составу, который преобладает в земских собраниях; вместе с тем и неимущие, и интеллигенты, и рабочие не лишены были возможности отвести в Думе душу». И еще заметил Крыжановский: «Новый закон дал в руки правительства сильное и гибкое орудие для влияния на выборы»²⁸.

Манифест 3 июня историки называют государственным переломом еще и потому, что он окончательно определил новый государственный строй — думская монархия.

После бурных революционных событий 1905-1907 годов жизнь в России стала постепенно входить в свою колею. Новый подъем в русской журналистике приходится на 1910-1912 гг. Пресса отмечала, что уже в период правления П. Столыпина (1906-1911 гг.) резко обострилась ситуация в связи с преследованием рабочего движения, роспуском Государственной Думы 1-го и 2-го созыва, жестокими мерами, которые правительство проводило в связи с земельной реформой Столыпина. Начатая указами Столыпина аграрная реформа, предусматривающая разрушение сельской общины, не давала значимых

²⁸ Крыжановский С.Е. «Заметки русского консерватора». «Вопросы истории» — 1997. — №3. С. 128.

результатов, начался процесс расслоения крестьянства на кулачество и бедноту. Ставка делалась на упразднение сельской общины, чересполосицы и укрепление единоличных хозяйств «сильных мужиков». Непонимание, пассивное сопротивление крестьян реформе рассматривалось как преступление, в связи с чем в условиях усиленной и чрезвычайной охраны государства в практику военно-полевых судов вошли необоснованные смертные приговоры, бесчинства полиции и даже внесудебные казни.

Насилие и беззаконие, бессудные расправы над людьми вызвали протесты всех левых партий: социал-демократов, эсеров, трудовиков и даже кадетов, всех честных людей, в том числе В. Короленко (см. его статьи «Бытовое явление», «Черты военного правосудия»), Л. Толстого (статья «Не могу молчать») и др. Резко ухудшилось положение рабочих. Самодержавие всей своей мощью набросилось на них. В 1906–1909 годах около 200 тысяч человек было арестовано и запрягано в тюрьмы, военно-полевые суды за эти годы вынесли более 5 тысяч смертных приговоров. Были закрыты, перестали выходить более 100 демократических газет и журналов, потрепанными вышли из революции практически все политические партии. По-прежнему остро стоял национальный вопрос, особенно на окраинах царской России.

Столыпинская формула «успокоение, а потом реформа» определила практически все последующее десятилетие. До смерти Столыпина это было относительно спокойное для России время. Основные события, в том числе и революционные брожения данного десятилетия, проходили в основном в Государственной Думе. Не удалось Столыпину «очистить» Думу от революционеров.

ПОСЛУШАЕМ ОЧЕВИДЦА. П.Н.МИЛЮКОВ:

«По самой идее III Думы в ней не должна была предполагаться наличность оппозиции. И на выборах правительство все сделало, чтобы ее не было. Избирательные коллегии тасовались так, чтобы надежные выборщики майоризировали ненадежных. Нежелательные элементы и не “легализированные” партии преследовались местными властями, не допускались к участию в выборах и т. д. И, однако же, оппозиция проникла в Думу через ряд щелей и скважин, оставленных как бы в предположении, что для полноты представительного органа какая-то оппозиция

все же должна в нем присутствовать. Прежде всего, имелась налицо целая партия, легализованная Столыпиным, но не связанная с правительством договором, вроде гучковского: партия, назвавшая себя теперь “прогрессистами”. Ядро ее составляли те “мирнообновленцы”, из которых Столыпин выбирал когда-то кандидатов в министры. Они были конституционалистами неподдельными и от времени до времени, уже в Думе, поднимали вопрос об организации “конституционного центра”... Роль настоящей оппозиции, идейно устойчивой и хорошо организованной при таком положении сохранилась за партией Народной свободы... Национальные группы — польская, польско-литовская, белорусская, мусульманская — заняли своеобразное положение между оппозицией и правительственным большинством... Голосуя часто с оппозицией, они, в особенности поляки, не хотели, однако, разрываться с правительством.

Резкое исключение составляли кавказцы — именно грузинские депутаты, заполнившие крайние левые скамьи социал-демократической фракции. Не разделяя ни клерикально-феодалных, ни буржуазных тенденций других народностей, они считали себя частью общерусской социал-демократии, вместе с ней участвовали во Втором Интернационале и именно благодаря своим интернациональным стремлениям могли вести совместную с русскими социал-демократами борьбу за создание общего “социалистического отечества”... Между ними и фракцией к.-ф. поместилась столь же немногочисленная группа трудящихся (14), по традиции считавшаяся социал-революционерами. Но в III Думе она была самая бесцветная и состояла почти исключительно из крестьян с низшим или домашним образованием. Она ждала своего вождя, это вакантное место позднее занял А.Ф.Керенский, поведший такую линию поведения, какую хотел»²⁹.

Благодаря умелой манипуляции Столыпина, в Думе сложилась третьейюньская политическая система, в которой думскому правящему большинству отводилась охранительная роль, оно

²⁹ Миллюков П.Н. Воспоминания. М.,1991. 288-289 с.

стремилось всеми силами предупредить революционные выступления, а левоцентристское октябристско-кадетское большинство подерживало проведение правительством пакета реформ, обещанных Манифестом 17 октября 1905 года и разработанных кабинетом, стремились укрепить конституционный строй. Кстати, работу III Думы освещало от 65 до 88 журналистов. Они размещались в особых ложах по обе стороны от президиума, депутатами же в Думу пришло 12 журналистов и литераторов против 20 в предыдущей Думе.

И хотя историки практически единодушны в том, что III Дума по интеллектуальному потенциалу была слабее двух своих предшественниц, тем не менее особого недостатка в ярких ораторах в ней тоже не ощущалось.

КАК КАЧАЛСЯ МАЯТНИК

III Дума начала свою работу 1 ноября 1907 года, открылась без особой торжественности, хотя приветствие Николая II, зачитанное товарищем председателя Госсовета И. Я. Голубевым, депутаты встретили овациями.

ПОСЛУШАЕМ ОЧЕВИДЦА. В. И. ГЕРЬЕ, ИСТОРИК³⁰:

«Третья Государственная Дума рассмотрела 2380 (по другим данным, 2571. — *Авт.*) законопроектов. Каждый из этих законопроектов требовал особого обсуждения. Он передавался в комиссию, где о нем составлялся особый доклад, поступавший на обсуждение Думы. Более важные доклады подвергались трем чтениям, то есть три раза подвергались обсуждению, сопровождающемуся часто продолжительными прениями. К указанному количеству 2380 законопроектов, внесенных в Думу, нужно прибавить еще законопроекты, возникшие в самой Думе, — в числе 205»³¹.

А еще приплюсуем к этому 157 запросов, подготовленных народным представительством правительству. Представляете, какой объем работы! Если бы Дума заседала все 5 лет без перерыва и выходных, то

³⁰ Автор книги «Значение Третьей Думы в истории России» (СПб, 1912 г.).

³¹ «Российская Федерация сегодня», № 1, 2006. С. 60.

и в таком случае на один день приходилось бы по два документа. Но III Дума не работала как мельница: у депутатов были выходные, царь приостанавливал ее деятельность для того, чтобы в обход Думе принять иные, нужные ему законы. Да к тому же, как отмечалось выше, в Думе не было единодушия, случались и кризисы, из которых депутаты выходили не сразу. В ряду таких вопросов, вызвавших очень бурную дискуссию, оказался, в частности, вопрос о сущности государственного строя России. Буря разразилась из небольшого облачка — в связи с обсуждением думского адреса в ответ на приветственную телеграмму Николая II по случаю начала работы III Государственной Думы, а поводом послужил титул Российского Императора — **самодержец вся России**. Вроде бы мелочь, но это такая мелочь, за которой стояла глобальная проблема — фактически речь шла о политическом устройстве страны — является ли Россия конституционной монархией или в ней сохранилось самодержавие с некоторым подобием «представительного образа правления». Депутаты высказали противоположные суждения по этому вопросу.

Предложение правых о сохранении в титуле императора слово «самодержец российский» отклонено, но не было включено и упоминание о Конституции. Предполагалось, что сама жизнь со временем определит государственный строй страны и статус Государственной Думы. Но жизнь, как известно, пошла другим путем и при упорном стремлении верховной власти сохранить в неурезанном виде свои prerogatives, противоречия между нею и народным представительством не сгладила, а, наоборот, придала им форму острого конфликта, усугубившего нарастание политического кризиса режима.

Решение народных избранников не величать царя самодержцем произвело огромное впечатление в обществе. Левая печать ликования.

ЧИТАЕМ ПРЕССУ ТЕХ ДНЕЙ:

«РЕЧЬ»: «Дума в ночь с 13 на 14 ноября положила грань межеумочному состоянию великой страны, и на 25-м месяце российской Конституции объявила, что Конституция на Руси действительно существует». «ТОВАРИЩ» восклицал: «Самодержавие погубило на Руси бесповоротно!» «РУСЬ» писала о «сошествии на октябристов духа народного».

«МОСКОВСКИЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК» констатировал: «Манифест 17 октября окончательно зарегистрирован в России в памятный день 13 ноября». «НОВОЕ ВРЕМЯ» заявляло: «Первая победа левых — неожиданная и громовая. Взамен неудачной осады власти начнут японский обход ее — обход как будто совершенно мирный, лояльный, преданный. — Только позвольте связать вас по рукам и ногам!»...

Николай II негодовал: Дума, за лояльность которой ручался Столыпин и просил принять ее депутатов, посягнула на святое святых — его власть, поставила на голосование и отвергла его титул, закрепленный в Основных Законах. Столыпин же, конечно, получил хорошую головомойку. И он извлек урок из случившегося — сумел повернуть Думу на нужный ему путь. 16 ноября, всего через три дня после памятного голосования по вопросу о самодержцье, Столыпин приехал в Думу, чтобы обнародовать программную декларацию правительства. В сущности, премьер, как он сам признался, поднялся на думскую кафедру, чтобы еще раз изложить депутатам то, что излагал и во II Думе, заметив, правда, что условия, при которых приходится работать и достигать тех же целей, не остались без изменения. Видимо, потому и тон выступления Столыпина был иной — жесткий, бескомпромиссный, явно продиктованный желанием продемонстрировать силу и решимость власти.

Обо всем, что происходило в Думе, Столыпин тут же докладывал Николаю II. Вот и в данном случае, возвратившись к себе, он сел и написал царю, что после правительственного заявления поляк Дмовский, а затем кадет Маклаков произнесли сильные речи против правительства. Боясь, что Дума останется под впечатлением их речей, информировал царя Столыпин, он выступил с разъяснениями своей позиции. На этот раз думское большинство услышало его, им понравилось разъяснение премьера.

Новое отношение к Столыпину депутаты проявили уже на следующий день, когда кадетский оратор Родичев, отвечая премьеру, сделал личный выпад против него: затягивая покрепче галстук, изобразил премьера вешателем. Депутаты вскочили с мест: «Вон!», «Долой!». И хотя Родичев принес Столыпину извинения, его исключили из Думы на 15 заседаний.

После заседаний 16 и 17 ноября, показавших, что думское большинство объединяется вокруг Столыпина, отмечает С.Ольденбург, Николай II несколько смягчил свое отношение к депутатам.

Он сделал на думском адресе сухую запись: «Готовь верить выраженным чувствам. Ожидаю плодотворной работы». На телеграмме, присланной правыми, начертал: «Верю, что созданная Мною Дума обратится на путь труда и в строгом подчинении установленным Мною Основным Законам оправдает Мои надежды»³².

19 ноября Николай II впервые принял Председателя Государственной Думы Н. А. Хомякова и благосклонно с ним побеседовал.

Борьба партий за свои идеи шла на думской кафедре ежедневно. Не было такого оратора, который не ссылался бы на то, что его сюда прислал народ, и он выполняет указы людей. Например, об остроте земельной проблемы и степени активности депутатов в изложении своего видения путей ее решения красноречиво свидетельствует тот факт, что в прениях на пленарном заседании 23 октября 1908 года по внесенному министром внутренних дел законопроекту об изменении и дополнении некоторых постановлений, касающихся крестьянского землевладения (Указ 9 ноября 1906 г.), пожелало высказаться 213 человек. Выступило 52. Законопроект обсуждался на 29 заседаниях.

На голосование были поставлены предложения всех фракций.

Депутаты приняли предложение, внесенное фракцией «Союза 17 октября», то есть простой переход к постатейному чтению.

22 ноября 1908 года Дума перешла к постатейному рассмотрению законопроекта. В основе его остались предложения правительства, но депутаты внесли и некоторые изменения: усложнили порядок раздела земель в общинах, где за последние 24 года производились переделы, а там, где переделов за это время не было, автоматически признавались перешедшими к наследственно-участковому ведению. Появились и другие предложения, но особо принципиального характера не имели. Этот документ стал законом лишь 14 июня 1910 года.

Это был важный, но не единственный краеугольный камень в здании столыпинской реформы, разрушающей общинную собственность

³² Ольденбург С.С. «Царствование императора Николая II». Ростов, 1998. 333 с.

на землю и открывающий большой простор капитализации деревни. Дополнением к нему стало новое положение о землеустройстве.

Важным итогом деятельности III Думы явились страховые законы о защите рабочих в случае травматизма и болезней, принятые 23 июля 1912 года. Надо сказать, что комиссия во главе с октябристом Евгением Евгеньевичем Тизенгаузенем, бывшим директором Серпуховской мануфактурной фабрики, подготовила обстоятельные, добротные законопроекты о страховании рабочих от несчастных случаев, в которых содержался фактически весь круг необходимого рабочего законодательства, имеющего первостепенное экономическое, общественное и государственное значение. Эти законы, по мнению большинства депутатов, выступивших в прениях, не только защищали интересы рабочих промышленных предприятий, но и затрагивали кардинальные вопросы социального бытия, определяли роль государства в обеспечении взаимных отношений представителей капитала и наемного труда. И эта задача, подчеркивали ораторы, не узко экономическая, а широкого политического значения и недоучет этого важного фактора в государственной политике чреват самыми серьезными последствиями. Поскольку законы эти особенно сильно правых не касались, в отличие от земельных вопросов, они прошли без особых бурных всплесков.

Чего не скажешь о законе о неприкосновенности личности. Тут стороны снова скрестили шпаги. Проект этого закона внесен правительством еще во II Думу. Для рассмотрения его создали специальную комиссию. Учитывая важность вопроса, правые постарались быть не только широко представленными в этой комиссии, но и занять в ней руководящие кресла. Это им удалось. Обсуждение проекта красноречиво свидетельствует о том положении с правами человека в России, которую мы потеряли.

Историография III Думы, столыпинской Думы реформ, с ее первого дня и до нынешних времен, за небольшим исключением — критическая. Причины тому, отмечает один из исследователей В. Чурбанов, появление на третьейиюньской политической арене ультраправых, громыхающий с трибуны Таврического дворца шовинизм, оголтелая неприязнь к «автономистам» из «национальных окраин», говорливая месть писучих кадетов за их вытеснение на обочину государственной жизни, лозунговые удары социал-демократов, ну, а дальше —

упрощавший и схематизировавший реалии хода истории «классовый подход»³³.

Такая точка зрения имеет право на жизнь. Но чем дальше углубляешься в стенографические отчеты, периодику предреволюционных лет, тем больше появляется оснований для утверждения, что III Дума была самая деловая. Тем не менее она с первых месяцев образования не выходила из кризисов. Острые конфликты возникали по разным поводам. По государственному устройству, реформированию армии, по извечному крестьянскому вопросу, по проблеме отношения к «национальным окраинам», а также из-за личных амбиций. Так, во время прений о ревизии железных дорог один из ораторов потребовал создания «парламентской следственной комиссии», на что министр финансов В. Н. Коковцов заметил: «У нас, слава Богу, нет парламента». Председатель Думы Н.А. Хомяков назвал эти слова «неудачными»; министры заявили, что им нельзя делать замечаний, и Столыпин сказал, что подает в отставку, если Дума не найдет приемлемый выход из ситуации. Инцидент был исчерпан после покаяния Н.А.Хомякова о допущенной им ошибке³⁴.

Николай II считал нужным скорее восстановить флот, и по его повелению в Думу внесли законопроект о выделении денег на постройку четырех линейных кораблей нового типа (дредноутов). Но депутаты отклонили этот законопроект, требуя реформирования самого морского ведомства. Царь остался недовольным депутатами. В письме Столыпину он признавался, что ему очень хотелось отписать крепкое слово Государственной Думе за ее слепое и ничем не оправдываемое отклонение кредита на воссоздание флота — и это как раз накануне прибытия короля английского.

Среди депутатов III Думы не наблюдалось того взаимоуважения, что было в двух предыдущих. Партии, многие депутаты стремились выслужиться перед Столыпиным, царем, оттесняя друг друга. Особенно доставалось кадетам, у которых, на взгляд правых, отсутствовали национальные и патриотические чувства. По инициативе Гучкова кадетов не допустили в состав организованной им Комиссии Государственной обороны — на том основании, что они могут выдать неприятелю государственные секреты.

³³ «Российская Федерация сегодня». — 2006. — №2. С. 62.

³⁴ Там же.

«Правые устраивали даже настоящую обструкцию нашим, и в особенности моим, выступлениям на трибуне Государственной Думы, — признавался П.Н. Милюков. — Когда наступала моя очередь говорить, П. Н. Крупенский пускал по скамьям правых и националистов записку: “Разговаривайте”, и начинался шум, среди которого оратора невозможно было слышать. Не говорю уже об оскорбительных выражениях, сыпавшихся с этих скамей по нашему адресу».

Порой словесные баталии депутатов заканчивались вызовом на дуэль. П. Н. Милюков вспоминает, что как-то употребил в своей речи нелестное выражение по адресу Гучкова, хотя и вполне парламентское.

«Но Гучков к нему придрался и послал ко мне секундантов, Родзянко и Звегинцева, членов Думы и бывших военных. Он прекрасно знал мое отрицательное отношение к дуэлям — общее для всей тогдашней интеллигенции — и вероятно, рассчитывал, что я откажусь от дуэли и тем унижу себя в мнении его единомышленников... Я почувствовал, однако, что при сложившемся политическом положении отказаться от вызова не могу. Гучков был лидером большинства, меня называли лидером оппозиции; отказ был бы политическим актом. Я принял вызов и пригласил в секунданты тоже бывших военных: молодого А. М. Колюбакина, человека горячего темперамента и чуткого к вопросам чести, также и военной, и, сколько помнится, Свечина, бывшего члена Первой Думы. Этим я показал, что отношусь к вопросу серьезно.

Подчиниться требованиям Гучкова я отказался. Мои секунданты очутились в большом затруднении. Они, во что бы то ни стало, хотели меня вызволить из создавшегося нелепого положения, но должны были считаться с правилами дуэльного кодекса и с моим отказом от примирения. Помню поздний вечер, когда происходило последнее совещание сторон и выработывалась наиболее приемлемая для меня согласительная формула. Я в нее не верил, считал дуэль неизбежной и вспоминал арию Ленского. Но... мои секунданты приехали ко

мне поздно ночью, торжествующие и настойчивые. Они добились компромиссного текста, от которого, по их мнению, я не имел ни политического, ни морального права отказаться. Отказ был бы непонятным ни для кого упорством и упрямством. Я, к сожалению, не помню ни этой формулы, ни даже самого повода к гучковской обиде, очевидно раздутой намеренно. Но я видел, что упираться дальше было бы смешно, согласился с моими секундантами и подписал выработанный ими, совместно с противной стороной, текст»³⁵.

В другой раз тот же Гучков стрелялся с жандармским полковником Мясоедовым, который счел себя оскорбленным депутатом. Оба остались невредимы. Дуэлянтом чуть было не стал и П. А. Столыпин. Выступая в Думе с критикой правительства, которое не отменило вынесения смертных приговоров вопреки требованию депутатов, кадет Родичев употребил выражение «стольпинский галстук», при этом сделал жест завязывания петли на шее. Впечатление было настолько сильным, что Дума как бы на мгновение замерла, потом разразился гром аплодисментов. Присутствовавший на заседании Столыпин и все министры встали и покинули зал. Премьер заявил, что он глубоко потрясен и возмущен выходкой Родичева, не хочет остаться у своих детей с кличкой «вешателя» и посылает Родичеву секундантов. Депутат вопреки высказанным тут же противоположным мнениям пошел извиняться. Столыпин использовал этот эпизод для оскорбительного унижения Родичева. Не подав руки, он надменно-снисходительно бросил: «Я вас прощаю».

Тут впору сказать, что законодательная инициатива народных избранников была ограничена. В большинстве своем рассматривались законопроекты, подготовленные правительством, министерствами и ведомствами. Законодательное предложение могло быть внесено за подписью 30 членов Думы и если не отвергалось сразу, то уходило в комиссию для предварительного обсуждения «желательности». Только после одобрения комиссией могло встать в повестку дня пленарного заседания. Чтобы продвинуть тот или иной проект, депутатам приходилось прибегать к различным комбинациям, создавать временные коалиции.

³⁵ Миллюков П.Н. Воспоминания. М.,1991. 316 с.

Каждый проект рассматривался в трех чтениях. В первом, которое начиналось с выступления докладчика, шло общее обсуждение законопроекта. По завершении прений председатель вносил предложение о переходе к постатейному чтению. После второго чтения председатель и секретарь Думы делали свод всех принятых по законопроекту постановлений. В то же время, но не позднее определенного срока, разрешалось предлагать новые поправки. Третье чтение являлось по существу вторым постатейным чтением. Его смысл состоял в редактировании текста и исключении тех поправок, которые могли пройти во втором чтении при помощи случайного большинства и не устраивали влиятельные фракции. Далее председательствующий ставил на голосование законопроект в целом с принятыми поправками.

Согласно Наказу, он вырабатывался самой Думой, депутат при обсуждении законопроекта мог выступать не менее часа. Если не укладывался в отведенное время, не покидая трибуну, мог говорить еще час по мандату следующего своего товарища по фракции. Используя это положение, Милюков на одном из заседаний выступал 4 часа, установив своего рода рекорд.

Вопреки всевозможным препонам Государственная Дума оказывала на российскую общественность все большее влияние. Серьезный шаг вперед народные избранники сделали в области образования и культуры. Прежде всего они позаботилась об увеличении в бюджете в два раза расходов на школы. Кроме того, в 1908 году сверх сметы Дума ассигновала на народные школы более 8 млн рублей. Столько же в 1909 и 10 млн в 1910 году. В 1911 году был принят закон о введении всеобщего обучения, а также финансовый план, согласно которому к 1920 году в России должна быть достигнута всеобщая грамотность. Идея непрерывности школы, т.е. связи начального образования со средним и высшим, осуществлялась созданием высших народных училищ по «положению», принятому Думой в том же 1911 году. В местностях, где преобладало инородческое население, допускалось расширение курса обучения на четыре года — на языке учащихся.

Непростым вопросом оставался вопрос веры и церкви. В России церковь с древних времен находилась под властью государства, а со времен Петра I и обезглавлена, вера была монополизирована официальным исповеданием, считавшимся не только делом личной совести, но и неотъемлемой чертой национальности. Внутри самой

господствующей церкви высшая бюрократия епископов, централизованная в Св. Синоде, поработала «белое» духовенство, священников городских и сельских, церковную демократию. Все это, считали многие депутаты, должно было уступить место режиму свободы веры и самоуправления верующих.

Дума рассмотрела три правительственных проекта, вносящих в эту замкнутую сферу принципы свободы совести. Один из них покончил даже с монополией господствующей церкви, допуская свободный переход из нее в другие исповедования, включая перемену христианской веры. Другой законопроект снимал преграды, упорно отделявшие старообрядчество от официальной церкви. Третий законопроект устранял всякие ограничения прав при выходе (или лишении) из духовного звания.

Немало страстей по-прежнему кипело вокруг национального вопроса. За независимость боролись Финляндия, Польша. Свои интересы были у малороссов, евреев, белорусов, литовцев, латышей, грузин, армян, других народов. Предыдущие две Думы выступали за равноправие национальностей, входивших в Российскую империю. I Дума предварительно одобрила и передала в комиссию заявление о гражданском равенстве, которое предусматривало, в частности, отмену национальных ограничений, но на этом дело и закончилось. III Дума во главу угла поставила защиту единства государства и интересы создавшего его русского народа. Но ввиду разношерстного состава Думы она не проявляла особой инициативы в этом, охраняя существующее положение, предоставляя свободу действий правительству. Постановления палаты по национальному вопросу обычно не имели практических последствий за исключением решения проблем Великого княжества Финляндского. Одним из законопроектов III Дума уравнивала Финляндию с остальными губерниями России. Два других лишали Финляндию содержания своей армии, наделяли в Финляндии русских граждан теми же правами, что имели финны.

Очень часто в III Думе поднимался еврейский вопрос. Евреи бились за свои права, прежде всего против ограничений, требуя отменить черту оседлости. В пику им, к месту и не к месту, Пуришкевич, Замысловский и другие предлагали исключить евреев из армии, из земского самоуправления, ограничить их прием в школы, университеты, исключить из профессий врачей, адвокатов...

В еврейском вопросе III Дума занимала умеренно антисемитские позиции: оставила без рассмотрения законопроект об отмене черты оседлости, приняла поправку, запрещающую принимать иудеев на службу в Добровольный флот, ввела штраф, налагаемый на семью иудея, уклоняющегося от призыва в армию. Дума приняла пожелание о принятии мер по соблюдению закона 1882 года о запрещении приема иудеев в Военно-медицинскую академию. Пассивностью Думы в еврейском вопросе воспользовалось правительство. Оно ввело ряд ограничений для иудеев. В частности, окончившим университет по 2 разряду или получившим диплом фельдшера было запрещено приобретать недвижимость вне городов черты оседлости. Естественно, такая позиция III Думы не удовлетворяла еврейских депутатов.

Мусульманская группа во главе с К.Б.Тевкелевым добивалась прежде всего свободы вероисповедания, отмены ограничений для развития культуры и образования национальных меньшинств, учета государством их обычаев и традиций, выступала за прекращение репрессий в отношении участников революционных движений, демократизацию государственного строя и передачу крестьянам части помещичьих земель (в пределах областей, без переселений). Самостоятельных законодательных предложений мусульманская группа не вносила, в составе блока оппозиции подписала 13 проектов, голосовала против проекта о помощи жертвам революционного террора, признавала «ужас» и «глубокий общественный вред» революционных насилий, выступала против законопроектов об ограничении прав окраин.

За широкую автономию своей страны выступало Польское коло. Особого влияния в Думе эта группа не имела, в зависимости от интересов примыкала к прогрессистам. Иногда к октябристам, кадетам.

НОВОЕ ВИНО В СТАРЫЕ МЕХА?

Без преувеличения можно сказать — главным действующим лицом в России в 1905—1911 годах был Петр Аркадьевич Столыпин, видевший себя спасителем страны от великих потрясений. Если в I Думе он был как бы за кулисами, возглавив только-только (26 апреля 1906) Министерство внутренних дел, во II Думе присматривался к

непокорным думцам, соображая, как их приручить, то III Думу, став премьером, создавал по собственному рецепту, то бишь разработанному им новому избирательному закону, сделал народных избранников относительно управляемыми. Не более того, хотя всячески пытался задобрить членов Государственной Думы. По его инициативе было, например, пересмотрено финансовое довольствие депутатов, сделана попытка властей прикупить депутатов – если не этого, так следующего созыва. Прихватить их на простых человеческих желаниях.

Девизом Столыпина было, как отмечалось выше, сначала успокоение России, а затем реформирование ее. Разделяя исходные положения Манифеста 17 октября 1905 года и Основных Законов, опираясь на свои газеты «Россия», «Правительственный вестник», «Московский вестник», некоторые губернские газеты, которые удалось приручить, он стремился довести до сознания общественности, что Манифест и Основы реально заложили правовые принципы функционирования «обновленной» политической системы страны, сохранив при этом в неизменности ее глубинные национальные традиции. По словам Столыпина, политическая система России должна базироваться на сохранении «национального ствола» – принципа монархизма, который стал конструирующей составляющей «обновленного» государственного строя и после 17 октября 1905 года. Подчеркивая историческую самооценку и ведущую историческую роль монархии в формировании сильной российской государственности, он утверждал, что и в новых исторических условиях начала XX века монархия продолжает сохранять дееспособность, выступает в качестве главной политической силы в определении вектора эволюции страны.

Побывав губернатором в разных регионах, зная жизнь не понаслышке, Столыпин понимал, что без качественной перестройки земельных отношений Россия не сможет идти в ногу с другими странами, не сможет добиться порядка и стабильности. Он говорил это, еще будучи саратовским губернатором.

«Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большей мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в луч-

шем случае устраним последствия, а не причину. К тому же этот путь торжественно взвешен — создана Государственная дума и идти назад нельзя. Это было бы роковой ошибкой: там, где правительство победило революцию (Пруссия, Австрия), оно действовало не исключительно физической силой, а тем, что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ. Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия — признак бессилия правящей власти»³⁶.

По его мнению, причины беспорядков порождены не столько деятельностью революционных пропагандистов, сколько сложившейся системой отношений в деревне, а благодатной почвой для пропаганды является не столько малоземелье, сколько бедность народная: голодный, не имеющий сбережений, безграмотный крестьянин охотно слушал посулы агитаторов и являлся благоприятным элементом для диких, разрушительных выходов. Коренное разрешение вопроса заключается в создании класса мелких собственников (основной ячейки государства), являющихся по природе своей органическими противниками всяких разрушительных теорий. Не уничтожая насильственно общины, с которой сжился народ, надлежало бы всячески способствовать единичным сделкам с помощью крестьянского блока, разрешать для этого продажу и залог надельной земли, помогать таким мелким владельцам кредитом.

Став у руля власти, Столыпин начал воплощать в жизнь свои мысли: смело, решительно, последовательно и даже жестко. Его критиковали со всех сторон, но он, особо ни на кого не оглядываясь, делал свое дело. В беседе с корреспондентом «Вестника Европы» он отмечал:

«Дайте время искоренить всё негодное, заменить его соответствующим новым требованиям материалом. Людей у нас мало; торопиться с таким сложным делом чрезвычайно опасно... Всё придет в свое время; дайте вздохнуть и осмотреться. Между проектами, готовыми для внесения в Думу, одно из первых мест занимает проект о неприкосновенности личности. Надеюсь, что он удовлетворит все разумные требования в этом направлении»³⁷.

³⁶ Столыпин П.А. «Программа реформ». М., 2003. Т. 1. 6 с.

³⁷ Электронный ресурс: <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/99043/>.

Царские министры неуютно чувствовали себя в Государственной Думе, где хаотически перемещались сюртуки, пиджаки, рабочие кофоротки, крестьянские рубахи, священнические рясы – каждый из народных избранников чувствовал себя личностью, в зале было шумно, с мест раздавались выкрики, а когда на трибуне появлялись члены правительства, и вовсе начинался невообразимый гвалт. На взгляд министров, Дума представляла из себя форменное безобразие.

«Если первые дни кадеты, имевшие в Думе значительное число голосов..., сумели придать собраниям некоторое благообразие, а торжественный Муромцев даже напыщенность, – писал товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский, – то этот тон быстро поблек после первых же успехов Аладьина, Оникки и их товарищей, явно показавших, что элементы правового строя тонут в Думе в революционных и анархических заявлениях»³⁸.

Из всех министров не терялся в Думе только Столыпин. Он спокойно, аргументированно и жестко выполнял сложную и неблагодарную роль защитника и пропагандиста политики власти. Его слышали не все депутаты и политики, большинство занимало резкую антиправительственную позицию, но это не смущало Столыпина. Ему удалось создать команду единомышленников, он опирался на октябристов, частично правых и националистов. В толковании Столыпина правительство было, как отмечал П.Н.Милюков, каким-то опекуном над законодательным учреждением. Выступая в Госсовете, Столыпин заявил:

«Законодательные учреждения обсуждают, голосуют, а действует и несет ответственность правительство».

Столыпин стал тем реальным политиком, который начал процесс формирования национального типа политической системы. Только она, как ему казалось, в тех конкретных исторических условиях могла стабилизировать политическую ситуацию в стране, пригасить многолетнее революционное движение, а также заложить основу для последующей эволюции данной системы в сторону реального правового государства.

³⁸ Крыжановский С.Е. Воспоминания. Берлин, 1938. 211 с.

Конечно, на протяжении пяти лет работы III Думы взаимоотношения между исполнительной и законодательной властью не были ровными и безоблачными. Так, правительству не удалось «сработать» с первыми Думами. Столыпин дважды принимал участия в роспуске сначала I Думы (в качестве министра внутренних дел), а затем и II Думы (уже в качестве премьер-министра). Но в том и в другом случае он, прежде чем перейти к «радикальным» мерам, проводил интенсивные консультации с лидерами политических партий и думских фракций (в частности с кадетами), пытаясь убедить их в необходимости сотрудничества с правительством.

В целях оперативного прекращения революционных выступлений в стране, грозящих анархией и хаосом, не боялся брать на себя ответственность за применение жестких, а нередко и жестоких административных мер. При этом был убежден, что исполнительная власть не имеет права проявлять слабость и колебания, в противном случае, по его мнению, неминуемо произойдет распад государственности и наступит гибель России. Он не боялся репрессивной политики, на которой акцентируют внимание некоторые историки, чтобы защитить самодержавие.

Непосредственная заслуга Столыпина состоит и в том, что ему, по сути, одному из первых в рядах господствующей политической элиты, удалось понять актуальность разработки идеологии реформ и информационно-пропагандистского обеспечения реализации правительственного курса. Политики не раз обращались именно к столыпинской технологии разрешения конфликтных ситуаций как между исполнительной и законодательной властью в целом, так и на личном уровне (например, с Николаем II, с министрами, с лидерами политических партий, депутатами, печатью). Взаимодействие Столыпина с законодателями поднимало авторитет Думы и правительства в глазах людей.

Но для вельмож и сановников был чужим, выскочкой, пришельцем со стороны. Он болезненно реагировал на свою изоляцию. Отдавая должное Столыпину как энергичному государственному деятелю, который немало сделал для изменения страны эволюционным путем, часть историков усматривают и его вину в разжигании революции. Так, виднейший экономист того времени А. И. Чупров видел в начатой в 1906 году революции экономический неизбежный

пролог революции социальной, которая и грянула спустя десятилетие. Чупров писал, что хуторская система на пространстве обширной страны представляет собой чистейшую утопию. Другой историк — П. Н. Зырянов, отмечал, что столыпинская реформа — понятие условное, не имеющее цельного замысла. Да и сама реформа не принадлежала его уму, он слишком мало знал крестьянство, а подготовлена группой чиновников в МВД. Главный просчет Столыпина — хуторская система в огромной стране с плохими дорогами, суровым климатом не могла решить кардинально, раз и навсегда продовольственную проблему и снять все социальные противоречия. Как показало время, решить эту проблему и в России, и в США могли только крупные хозяйства.

Большинство мемуаристов и историков³⁹ не считают Столыпина «генератором идей». Да, он имел достаточно твердые взгляды относительно общины, хуторов — отрубов, что стало стержнем его аграрной программы, но это не сделало Россию ведущей мировой державой. Американский историк Дж. Токмаков утверждает, что политика Столыпина была направлена на «дальнейший подрыв глубоко укоренившихся феодальных уз и пробуждения инстинкта частной собственности, который, в конце концов, должен был создать буржуазное общество мелких фермеров. Это новое сельское общество стало бы основой реформирования государства, о создании которого думал Столыпин»⁴⁰.

Хутора и отруба Столыпин позаимствовал у Пруссии и настойчиво переносил на русскую землю, считая, что совместная жизнь крестьян облегчала работу революционеров для свержения самодержавия. Проживающим же крестьянам на своих хуторах гораздо сложнее объединиться, чтобы поднять мятеж. Хутора и отруба, однако, не решили ни аграрной проблемы, ни снижения революционной активности крестьянских масс. Главным правительственным теоретиком и советником Столыпина по землеустройству был датчанин А. А. Кофод. Он приехал в Россию двадцатилетним юношей, не знал русского языка, жил в Псковской губернии, представлял Россию чуть побольше своей страны. Судите сами, насколько ценны были его советы.

³⁹ Например, «Россия на рубеже веков», М. 1991, с. 59.

⁴⁰ Tokmakoff С. Stolupin's Agrarian Reform.An/ Appraisal// The Russian Review 1071/ Yol/30, №2/ P. 125-126,132-133.

Столыпин был сторонником мер по распространению начального образования, но это опять-таки не его идея. Оказавшись на посту Председателя Совета министров, он затребовал из всех министерств и ведомств те первоочередные проекты, которые были давно уже разработаны, но лежали без движения вследствие бюрократических проволочек чиновничества, которое боялось «как бы чего не вышло». Столыпин изучил их и взялся за воплощение иных в жизнь. Действовал напористо. Что-то ему удавалось, что-то нет. Как у каждого реформатора, у него было много врагов, в царском окружении росла неприязнь и к Думе, и к Столыпину.

Столыпина призвали управлять не умиротворенной, благополучной страной, а позвали твердой рукой подавить революцию, навести порядок в России.

«Власть он любил, — замечает П. Н. Милюков, — к ней стремился и, чтобы удержать ее в своих руках, был готов пойти на многое и многим пожертвовать. Не чуждый идеологиям, которые были традицией в его семье, он был не чужд и интриги. Своих союзников склонен был трактовать как очередные орудия своего продвижения к власти и менять их по мере надобности. Если принять в расчет его нетерпение победить и короткий срок его взлета, эта быстрая смена могла легко превратить вчерашних друзей в соперников и врагов — и раздражать покровителей сменой внезапных капризов. А главным покровителем был царь, не любивший, чтобы им управляла чужая воля. Такова история возвышения и падения Столыпина, вернувшая его в конце к одиночеству и к трагической развязке»⁴¹.

...Масла в огонь подливали нашептывания Николаю II, что премьер зарвался, подмял под себя Думу и ведет собственную политику. А тут еще Столыпин внес в Думу свой личный законопроект введения земства в девяти западных губерниях. Идея состояла в том, чтобы устранить поглощение польским электоратом русского крестьянства в избирательных собраниях. В Думе проект подвергся резкой критике за нарушение равенства национальностей. Столыпин активно встал на защиту своего «детиса».

⁴¹ Милюков П.Н. Воспоминания. М.,1991. 330 с.

«Мы стремимся, — говорил он, оградить права русского, экономически слабого большинства от польского, экономически и культурно сильного меньшинства... Цель проекта — запечатлеть открыто и нелицемерно, что Западный Край есть и будет край русский, навсегда, навеки». В этой же речи Столыпин произнес свои знаменитые слова (по адресу поляков, упрекавших его в мстительности): “в политике нет мести, но есть последствия”⁴².

Дума приняла проект со значительными поправками («за» проголосовало 165, «против» — 139). Государственный Совет приступил к обсуждению этого проекта через 8 месяцев. Здесь его встретили в штыки. Члены Госсовета П.Н.Дурново и В.Ф.Трепов преподнесли Николаю II проект Столыпина как революционную выдумку в пользу «мелкой русской интеллигенции». 5 марта 1911 года Столыпин поставил царю ультиматум: или законопроект будет проведен, а Дурново и Трепов наказаны, или он уходит в отставку. Царь был подавлен, не зная, чью сторону принять. После некоторых размышлений он уступил Столыпину. Обе палаты на несколько дней были распущены, в это время Столыпин провел закон о Западном земстве по статье 82-й. Царь повелел Дурново и Трепову уехать из столицы и до конца года не посещать заседаний Госсовета.

И хотя в этом конфликте победил глава Совета Министров, эта победа стала началом конца его карьеры. Общество, журналисты увидели в действиях премьера слишком «вольное» обращение с законами. Возмутились и Дума, и Госсовет, и царское окружение. «Как будут сконфужены заграничные гости, — иронизировала “Речь”, — когда узнают, что наших членов Верхней Палаты за выраженное ими мнение не только подвергают дисциплинарной ответственности, как чиновников, но и отечески карают, как холопов... Благодарите нового Бориса Годунова!» Критиковали Столыпина и члены Госсовета А. И. Шебеко, Д. А. Олсуфьев, заявляя, что от членов Госсовета, очевидно, требуется не служение царю, а прислуживание правительству.

Столыпин явно не ожидал такой бурной реакции общества и прессы, ощущал, что почва уходит у него из-под ног. Он попытался объяснить в Госсовете, заявляя, что правительство не может признать

⁴² Государственная Дума Российской империи. Третий созыв. Стен. Отчет. Часть 4. Т. 4. С. 774-791.

действия Госсовета безошибочными и что в нем может затянуться мертвый узел, который может быть развязан только сверху. Хорош ли такой порядок, говорил Столыпин, он не знает, но думает, что иногда политически необходим, как трахеотомия, когда больной задыхается и ему необходимо вставить в горло трубочку для дыхания. Большинство — 99 против 53 — Госсовет признал объяснения премьера неудовлетворительными. 27 апреля Столыпин еще раз попытался спасти положение, произнеся свою последнюю публичную речь. Но опять не достиг успеха. В. А. Маклаков в ответной речи сравнил Столыпина с пастухом, который, когда ему говорят:

«Смотри, стадо в овсе», — отвечает: «Это не наш овес, а соседский!» Избави бог нас от таких пастухов... Председатель Совета Министров еще может удержаться у власти, но это агония, — заключил Маклаков, возвращая Столыпину его известные слова: «В политике нет мести, но последствия есть; эти последствия наступили, их не избежать»⁴³.

Этот конфликт привел и к смене руководства Государственной Думы. Добровольно снял с себя полномочия и надолго уехал на Дальний Восток А. И. Гучков, мотивируя свой уход тем, что его роль между Государственной Думой и правительством была основана на взаимном доверии, нарушенным Столыпиным. Председателем Думы большинство избрало правого октябриста, ярого защитника монархии Михаила Владимировича Родзянко.

Сбылись самые мрачные предсказания Столыпину близких ему по духу людей, которые говорили, что Николай II не простит ему давления на него и уж тем более не позволит вести собственную политику. По многим приметам, в том числе и по организации официальной поездки Двора в Киев на освящение памятника Александру II (в свите царя места для премьера не нашлось), Столыпин почувствовал холодок отчуждения, повеявший со стороны Государя. Придворная камарилья, увидев, что революция подавлена, непосредственная опасность миновала, усиленно нашептывала царю, что премьер ведет свою политику, узурпировал власть, возомнил себя чуть ли не преемником, словом, делали все для того, чтобы отдалить Столыпина от престола.

⁴³ Там же.

В статье «Столыпин и революция» В. И. Ленин назвал на тот момент уже покойного главу Совета Министров «уполномоченным или приказчиком» русского дворянства, возглавляемого «первым дворянином и крупнейшим помещиком Николаем Романовым». Вместе с тем Ленин писал:

«Столыпин пытался в старые мехи влить новое вино, старое самодержавие переделать в буржуазную монархию, и крах столыпинской политики — есть крах царизма, на этом последнем, последнем мыслимом для царизма пути»⁴⁴.

От Председателя Совета Министров отвернулось и поместное дворянство. Камнем преткновения в их отношениях явились реформы, ущемляющие вековые дворянские привилегии. Так, тульские дворяне в 1908 году, собравшись на чрезвычайное совещание, заявили, что правительственные проекты разрушают созданные историей учреждения и создают новые, схожие с учреждениями республиканской Франции, что Столыпин оказался неугодным и верхам, и низам. На него было одиннадцать покушений. Последнее произошло практически на глазах у всего Киева 1 сентября 1911 года. Во время антракта в Городском театре, где находился и Николай II, сын богатого еврейского домовладельца Дмитрий Богров (Мордко Гершович Гершензон), пришедший в театр по билету охранного отделения, с коим давно поддерживал тесные связи, смертельно ранил успокоителя России. 5 сентября Петра Андреевича Столыпина не стало. Большинство историков считают это убийство заказным. Новым премьером царь назначил В.Н.Коковцова.

...Как бы то ни было, в стране, в том числе и благодаря усилиям Думы и Столыпина, наступило некоторое успокоение, во всяком случае число бастующих к 1911 году снизилось до 50 тысяч, обозначился экономический подъем. К 1913 году Россия вышла на пятое место в мире по общему объему промышленного производства; на второе — по добыче нефти, вывозу древесины, выпуску пиломатериалов; на третье — по выработке хлопчатобумажных тканей; на четвертое — по производству продукции машиностроения, выпуску кокса, сахарного песка; на пятое — по выплавке чугуна и стали; добыче железной руды, выработке цемента. Железнодорожная сеть увеличилась с 28 тысяч до 81 тысячи верст.

⁴⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 20. 323, 329 с.

Сбор зерновых достиг к 1913 году 56730 млн пудов, на 28% больше, чем в США, Канаде и Аргентине вместе взятых, без малого в два раза больше, чем было в 1906 году. Стоимость масла, вывезенного в 1912 году только в Англию, в два раза превышала стоимость добытого в Сибири золота. Россия заимела крепкий бюджет, к 1913 году доходы превышали расходы на 400 млн рублей.

Наступил Серебряный век русской культуры. Резко изменилось положение печати — отменена цензура, не стало запретов на обсуждение той или иной темы. Арест отдельных номеров периодических изданий производился по решению присутствий по делам печати, только суд мог закрыть газету или журнал. В массах сильно упал интерес к политике. Сокращалось и число репрессий. Так, в 1910 году смертных казней было 129 (против 537 годом раньше и 697 в 1908 году).

В 1912 году принят закон о страховании рабочих, в соответствии с которым рабочий мог получить бесплатно медицинскую помощь (при болезни ему полностью оплачивались 27 дней в году), а в случае увечья — денежные выплаты в размере от 1/4 до 2/3 заработка. Президент США Уильям Тафт заявил на приеме российской делегации, что у России такое совершенное рабочее законодательство, каким ни одно демократическое государство похвастаться не может.

Но пусть у читателя не создается впечатления, что все уж так хорошо складывалось в стране. Далеко нет! Проблем было выше головы, появлялись новые. К примеру, чуть-чуть улучшившееся благосостояние людей, появление в деревне свободных денег вызвало увеличение потребления водки (за 1911—1913 гг. на 16 млн ведер, 17% за два года). По инициативе самарского миллионера «из народа» Челышева, III Государственная Дума приняла проект усиления борьбы с народным пьянством. Законопроект давал право городским думам и земским собраниям запрещать открытие винных лавок в определенных местах. Этот законопроект дошел до Госсовета только зимой 1914 года и вызвал бурные прения. Здесь скрестили шпаги два бывших финансиста, бывший и настоящий премьеры: Витте и Коковцов. Последний выступал против борьбы с пьянством, считая, что это подорвет казну. Этот спор во многом и породил отставку Коковцова. Но это будет позже. Пока же познакомимся поближе с новым премьером.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ В.Н. КОКОВЦОВА

Владимир Николаевич Коковцов – личность, безусловно, калибра поменьше, чем Столыпин, но тоже основательная. Он из небогатого, но старинного дворянского рода. Начинал с небольшой должности в МВД, затем его взяли в Государственную канцелярию, где зарекомендовал себя неплохо и был выдвинут товарищем министра финансов С.Ю.Витте, а когда тот стал премьером, вместо себя оставил главой Минфина Коковцова. Историки ставят в заслугу Владимиру Николаевичу то, что в достаточно сложное время (русско-японская война, революция) сумел сохранить золотой рубль. Несмотря на авторитет Витте, вступал с ним в спор. Премьер в конце концов отправил его в отставку, которая, впрочем, длилась недолго.

Назначение Коковцова премьером после смерти Столыпина не было неожиданным. Хотя он провозгласил преемственность курса предшественника, но, став у руля российского корабля, повернул чуть вправо. Прежде всего притормозил реформирование страны. Эрудит, но не оратор, хотя в дискуссиях с депутатами почти всегда брал верх. Пользовался уважением царя.

12 июня, перед окончанием работы III Думы, по настоянию Коковцова, Николай II принял ее депутатов. Премьер подготовил проект царского обращения к ним. Николай II, по признанию Коковцова, основательно урезал комплименты депутатам: мол, некоторые дела получили не то направление, которое ему нужно. Царя чрезвычайно огорчило отрицательное отношение депутатов к церковно-приходским школам. В то же время отметил, что депутаты приложили много усилий для решения главных, в его глазах, вопросов – по землеустройству крестьян, страхованию и обеспечению рабочих, народному образованию.

Выслушав царскую речь, Дума в тот же день ответила ему отказом утвердить средства на церковно-приходские школы. Этим диссонансом и закончила она свою работу.

С трибуны III Думы произнесены сотни речей. Разных. Страстных, зажигательных и не очень. Содержательных и пустых. От Думы к Думе увеличивались ряды ярких ораторов, защитников народа и выражающих точку зрения своих партий. Одним суждено было войти в российскую историю. Другим не повезло, остались в безызвестности в силу ряда объективных и субъективных причин.

Как отмечалось выше, в III Думу прошло 12 журналистов. Один из них – Яков Георгиевич Гололобов. До прихода в Думу работал в таких известных изданиях, как «Северный вестник», «Русское богатство», «Неделя». Став депутатом, взялся за разработку законопроекта о неприкосновенности личности. Его речи, статьи, как правило, были глубоко аргументированы, вбирали опыт других стран. Так, защищая законопроект о неприкосновенности личности, он говорил:

«Кто же из здесь сидящих не присоединится к тем ораторам, которые горячо желали свободы для каждого обывателя? Но господа упустили из вида, что свобода личности, неприкосновенность ее создаются ведь не одним только правительством. А многими условиями жизни. Об этом здесь с левой стороны говорили очень многие, и я к этому вполне присоединяясь, об этом говорили и при том, указывали на Англию. На Англию, господа, было так много указаний, ее ставили в пример, говорили, что в ней уже 333 лет существует полная свобода личности. Я признаю, и можно Англии позавидовать, но ведь там 300 лет создавали эту свободу личности, неприкосновенность ее, и все-таки не создали вполне... Там и теперь существует закон, который позволяет мужу бить свою жену палкой не толще пальца. Так я говорю, что ведь то, что напишется, не сейчас даст вам царство небесное на Земле. Это создается усилиями мысли, усилиями работы многих, может быть, поколений... Всякая свобода только тогда хороша, когда она не мешает свободе другого и когда она не нарушает постановлений закона...»⁴⁵.

III Дума проделала определенную работу по укреплению государственности. Но и долг у народного представительства перед своими избирателями оставался немалый. Не рассмотренными лежало 46 законопроектов. В комиссиях еще больше – 170. Среди них очень важные – о всеобщем начальном образовании; о подходящем налоге; о неприкосновенности жилища и другие. Они в основном остались пылиться потому, что не смогли бы пройти не только через Госсовет, но и саму Думу из-за остроты проблем. Те сотни законов, которые Дума приняла, в большинстве своем можно назвать «законодательной

⁴⁵ Цит. по «Российская Федерация сегодня» 2006. №15, с.45

вермишелью», хотя были и фундаментальные. И депутаты, и общественность уже отчетливо видели многочисленные фильтры, которые поставили перед Думой и Госсовет, и правительство, и царь.

Эти фильтры очень сильно тормозили законодательный процесс, а зачастую и вовсе сводили на нет проделанную народными представителями работу. Один лишь пример. В 1908 году депутаты рассмотрели подготовленный министерством финансов законопроект об изменении и дополнении некоторых статей Указа об акцизных сборах. По существу это был антиалкогольный закон. Нельзя сказать, что Россия в то время была самой пьющей страной: потребляя в среднем на человека в год 0,61 ведра водки, она занимала 9 место в Европе, основательно уступая лидеру – Дании (1,72 ведра). Но статистика свидетельствовала, что 28 процентов крестьян пили «по всякому поводу». Депутаты видели, что за счет этого пополнялся бюджет. Население ежегодно пропивало по 2-3 млн рублей, при этом от пьянства ежегодно умирало более 5 тысяч человек. Законопроект предусматривал запрещение продажи водки на вынос из трактира, корчмы, существенно ограничивалась продажа алкоголя в выходные и праздничные дни. Дума приняла этот закон, однако его благополучно похоронил Госсовет. И, тем не менее, авторитет Думы возрастал год от года. В отличие от своих предшественниц, III Дума смогла интегрироваться в политическую систему страны.

Отчетливо просматривается в деятельности Думы и другое: ни энергичному Столыпину, ни Думе, которая приняла ворох законов, не удалось добиться полного спокойствия в стране, хотя пожар революции чуть-чуть и угас. Впрочем, головешки тлели, и при дуновении ветерка в любую минуту могли разгореться.

ПО НАКЛОННОЙ ВНИЗ

7 ноября 1910 года умер великий писатель Лев Николаевич Толстой. Его кончина вызвала огромный резонанс. Лев Николаевич был вне партий, вне политической жизни, его отлучили от церкви, и это придавало ему в глазах многих революционный ореол. Власть не знала, как себя вести, после долгих раздумий решила не принимать участия в гражданской панихиде. Похороны писателя всколыхнули Россию. В Петербурге 8, 9, 10 ноября происходили уличные демонстрации.

На улицы Москвы также вышла студенческая молодежь, рабочие. Министр народного просвещения Л.А. Кассо временно запретил какие бы то ни было сходки. Но как только запрет сняли, студенческие волнения вспыхнули снова. Они утихли лишь к весне 1911 года, но менее чем через год вспыхнули с новой силой.

В начале 1912 года забастовали старатели на Ленских приисках. Забастовка затянулась, администрации и рабочим не удавалось найти общий язык. 4 апреля произошло столкновение пятитысячной толпы с воинским отрядом: убито 202 рабочих и ранено свыше 200. Ленские кровавые события всколыхнули всю страну. Депутат Н.Е.Марков, его единомышленники особо педалировали на то, что Ленским товариществом заведуют евреи (Гороций, Гинзбург). Масло в огонь подлил министр внутренних дел А. Макаров, заявивший после Ленского расстрела: «Так было и так будет впредь!». По всей России одна за другой вспыхивали забастовки, проходили демонстрации. Царь пообещал разобратся во всем, отправил на Ленские прииски комиссию во главе с министром юстиции С. С. Манухиным. Комиссия сделала вывод, что правление приисков проявило непонимание к нуждам рабочих, а местная полиция допустила как бездействие, так и превышение власти. Дело закончилось преданием суду начальника местной полиции, что несколько сняло напряжение в обществе.

После первой революции политических партий и движений, печатных органов в России стало меньше, но с 1912 года снова начинается рост, усиливается влияние.

«Оно распространялось, прежде всего, на рабочую молодежь, отмечают авторы “Отечественной истории XX век”. Этих, недавно пришедших на предприятия малоквалифицированных и хуже оплачиваемых рабочих, события первой революции застали подростками. Они верили, что “снова придет 1905 год”, ими владело чувство мести “всем супостатам, всем паразитам трудящихся масс”, как говорилось в революционной песне»⁴⁶.

Большевики по инициативе В. И. Ленина начали выпускать ежедневную легальную газету «Правда», первый номер которой вышел

⁴⁶ Курс Отечественной истории. IX–XX вв. М., 2001. С.101.

5 мая 1912 года. Большую организационную работу вместе с депутатами Госдумы Покровским и Полетаевым провел по ее выпуску И.В.Сталин. В день выхода «Правды», по наводке Малиновского, Сталина арестовали и сослали на три года в Нарымский край. Вскоре арестовали и ответственного секретаря газеты Ф. Раскольников. Его заменил М. Скрябин (Молотов). Всего у «Правды» за 1912–1914 годы сменилось 10 официальных издателей и 44 главных редактора, большинство которых прямо из редакционных кабинетов отправлялись на тюремные нары. «Правда» находилась под пристальным оком власти. Только в первый год существования тираж газеты конфисковался 41 раз⁴⁷.

Без преувеличения можно сказать, что главный автор газеты — В.И.Ленин, хотя, по свидетельству В. Молотова, отношения «Правды» с ним были далеко не безоблачными. Ленинские статьи часто правились редакцией, а то и вообще не ставились в номер. Как подсчитали историки, редколлегия «Правды» в 1912–1914 годах опубликовала 284 ленинские работы и 47 — отвергла. По разным причинам. Первая — цензурная. Ленин не всегда принимал во внимание, что можно, а что нельзя писать в открытой печати. Вторая — учет интересов аудитории газеты. Ленинские статьи, особенно излагавшие детали теоретических разборок внутри РСДРП, рабочие порой не могли понять. Третья — конъюнктурная, материал быстро устаревал.

Ленина самодеятельность редакции возмущала, о чем свидетельствует его переписка с Молотовым.

«Вы пишете, и в качестве, очевидно, имени редакции, — что «редакция принципиально считает вполне приемлемой мою статью *вплоть до отношения к ликвидаторам*. Если так, отчего же «Правда» упорно, систематически вычеркивает из моих статей, и из статей других коллег упоминание о ликвидаторах? — спрашивал Ленин... — Не имею ни малейшей склонности к «заподозриваниям»; вы знаете *по опыту*, что и к цензурным вашим правкам отношусь я с громадным терпением. Но коренной вопрос требует *прямого ответа*». В другом письме Ленина звучит буквально вопль отчаяния автора: «Я могу согласиться **лишь** на (1) удаление подзаголовка и (2) минимальные *цензурные (только!!)*

⁴⁷ В.Никонов. Молотов. Наше дело правое. В 2 кн.. М.; «Молодая гвардия», 2016.,Кн.1, С. 280.

исправления в трех-четырех местах, *исправления отдельных слов, никак не более.* Ежели и тогда нельзя будет поместить ни в «Правде» ни в «Невской Звезде», *верните статью, она мне нужна*⁴⁸.

Ленин видел несправедливость и при распределении гонораров. Ему платили по три копейки за строчку, меньше, чем другим авторам. Скажем, Д. Бедному платили по 25 копеек за строку, но и это он считал мало и убежал в журнал «Северный мир», где обещали 50 копеек⁴⁹.

Но это все мелочи жизни. Появившись на свет, «Правда» вскоре стала Центральным Органом РСДРП и вместе с другими газетами проделала большую работу по свержению царизма.

Меньшевики тоже обзавелись своим изданием — газетой «Луч». Ее редактировали Ю. О. Мартов и Ф. И. Дан. Будоражили сознание и оппозиционные газеты «Наша жизнь», «Товарищ», «День», другие издания. Историки связывают рост забастовок в 1912 году с мощной компанией критики властей в прессе, которая велась не столько из-за ухудшения жизни народа, сколько из пожеланий зарубежных воротил, стремившихся раздуть пламя революции.

Главным средством самозащиты власти в этот период становится получение подробной информации о действиях оппозиции и попытка повернуть движение масс в нужное направление, внедрить в ряды революционеров своих людей. Так, агентом охраны стал Е. Азеф, член ЦК партии эсеров, возглавлявший боевую организацию партии. Это он организовал покушение на министра внутренних дел Плеве и на великого князя Сергея Александровича. Он же руководил подготовкой покушения на царя. В рядах социал-демократов долгое время действовал другой агент охраны — Роман Малиновский, пользовавшийся большим доверием Ленина, тоже член большевистского ЦК. Рабочие сделали его депутатом IV Государственной Думы.

Идеалом Николая II было царствование «тишайшего» Алексея Михайловича. В нем он видел образец близости самодержца и народа. И не случайно наследника своего назвал Алексеем. Но, как утверждают философы, дважды в одну и ту же воду войти нельзя. В экономической жизни, в сознании людей оставалось еще много архаичного, полуфеодального. Силы извне, потерпев поражение в революции

⁴⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.48. С. 76-78.

⁴⁹ В.Никонов. Молотов. Наше дело правое. С.30.

1905—1907 годов, временно поутихли, наблюдая за тем, что будет дальше. Реформы не опирались вследствие этого на широкую социальную базу и встречали противодействие как со стороны верховной власти, так и со стороны народных масс. Преодолеть полный раскол общества властям пока не удавалось. Наряду с тенденцией развития страны эволюционным путем сохранялось и противоположная тенденция. Болезнь, загнанная внутрь, медленно, как раковая опухоль, метастазами поражала весь государственный организм. Многие события при этом происходили в российском парламенте.

Еще и десяти лет не исполнилось, как в России появилась Государственная Дума, а общественность убедилась в ее полезности, хотя и с трудом принимались те законы, которые были нужны людям. Дума стала ареной борьбы народа с властью за свои права. Это понимали обе стороны и соответственно готовились к выборам IV Думы. При этом, в отличие от трех своих предшественниц, избирательная кампания 1912 года носила не пожарный, а планомерный характер, поскольку III Дума действовала весь срок и у правительства, партий, словом, заинтересованных лиц были все возможности заблаговременно подготовиться к выборам. И они готовились. Власти озаботились созданием оптимального расклада сил. «Нужным» людям приобретались цензы, они назначались на соответствующие должности, перемещались с одного места на другое, нежелательные же элементы увольнялись со службы, лишались цензов.

Политические партии уточняли предвыборные платформы, искали нужные комбинации, создавали блоки. Кадеты заигрывали с левыми октябристами, сделав упор на борьбу с революционными силами, вели речь о широкой коалиции с присоединением умеренных и прогрессистов, ратовали за введение однопалатного правительства, пересмотр избирательного закона. Прогрессисты к концу избирательной кампании представляли собой еще не партию, но уже две группировки (в Петербурге и Москве), пользующиеся поддержкой торгово-промышленных кругов. Эти две группировки в начале 1912 года объединились, главным образом — для участия в выборах. Они вели мощную агитацию, сделав упор на экономические лозунги, призывая к укреплению правопорядка, равенству всех подданных и развитию самоуправления.

У октябристов после смерти Столыпина не было опоры и ориентира на будущее — Коковцов не собирался двигать дальше реформы

и в партиях не видел нужды. Октябристы пошли на союз с националистами, хотя в иных случаях блокировались и с кадетами. Поначалу националисты полагали, что они хозяева положения, предлагая себя Коковцову, но он отказал и им в поддержке. В итоге их мечты о большинстве в IV Думе не реализовались.

Не было полного комфорта и у правых. За время III Думы в рядах «Союза русского народа» произошел раскол, из него ушла группа «обновленцев» во главе с Н. Е. Марковым, образовавшим еще один «Союз русского народа». Пуришкевич основал свой «Союз Михаила Архангела». Оставшиеся правые во главе с А. И. Дубровиным тоже вели себя, как пауки в банке.

Активизировались социал-демократы. Они пользовались значительным влиянием в рабочей среде и обладали, пожалуй, наиболее совершенной организацией, несмотря на то, что власти, мягко говоря, относились к социалистам с неприкрытой неприязнью.

И партии, и правительство, готовясь к выборам, использовали опыт предыдущих избирательных кампаний. Кстати, об опыте. Оказывается, еще задолго до появления на свет беглого российского олигарха Бориса Абрамовича Березовского, утверждавшего: чего нельзя купить за деньги, то можно купить за очень большие деньги, – этому правилу следовал Петр Аркадьевич Столыпин. Он начал реальную подготовку к выборам в IV Государственную Думу еще в 1910 году, потребовав у министра финансов на избирательную кампанию огромную сумму в 4 миллиона рублей. Как впоследствии вспоминал В.Н.Коковцов, все, что ему удалось, это рассрочить сумму, сократив ее просто огульно в порядке обычного торга до трех миллионов и растянуть выплату на три года (1910–1912).

Впоследствии, став преемником Столыпина, он поинтересовался, как распоряжались этими средствами? Оказалось, что к ним прикоснулись все, кроме социал-демократов и отчасти октябристов. Но «властно и нераздельно» господствовало правое крыло. Тут и Марков 2-й с «Курской былью» и «Земщиной» (200 000 рублей в год); Дубровин с «Русским знаменем», Пуришкевич с «Академическим союзом студентов» и другими своими организациями; тут и представители Собрания националистов: Замысловский, Савенко, некоторые епископы с их просветительными союзами; тут и «Листок Почаевской лавры», и видные представители самой партии националистов в Думе...

Коковцов признал, что эти расходы бесцельны, но сменивший его министр внутренних дел А. Марков не хотел закрывать «кормушку», особенно перед выборами. Националисты, правда, отказались от субсидий, как только оппозиция подняла тему «темных денег», зато другие потребовали добавки. Марков 2-й и Пуришкевич обещали Коковцову «затмить самые смелые ожидания» относительно будущего состава Думы, если он даст им миллион (точная цифра 960 000 рублей). Услышав отказ, Марков 2-й пригрозил: «Вы получите не такую Думу, которую бы мы вам дали за такую незначительную сумму»⁵⁰. Тема «темных денег» всплыла в IV Думе в 1912 году. Но тот же Марков 2-й в обычной для него развязной манере отрицал какое бы то ни было «подкармливание» его властями. А через пять лет на допросе признался в получении денег от правительства.

Учитывая опыт Столыпина и Николая II о приручении депутатов, Коковцов решил пойти несколько иным путем — комплектовать Думу не в премьерском кабинете, а отдать инициативу на места, губернаторам и Синоду, а общее руководство кампанией возложил на товарища министра внутренних дел А. Н. Харузина, который повел ее исходя из принципа «что хочу, то и ворочу».

ПОСЛУШАЕМ ОЧЕВИДЦА. П. Н. МИЛЮКОВ, ЛИДЕР КАДЕТОВ:

«Все сколько-нибудь подозрительные по политике лица бесцеремонно устранились от участия в выборах. Целые категории лиц лишались избирательных прав или возможности фактически участвовать в выборах. При выборах присутствовали земские начальники. Нежелательные выборы отменялись. Предвыборные собрания не допускались, и самые нежелательные названия партий запрещалось произносить, писать и печатать. Съезды избирателей делились по любым группам для составления искусственного большинства. Весь первый период выборов уполномоченных первой стадии прошел втемную. Мелкие землевладельцы почти поголовно отсутствовали. Зато по наряду от духовного начальства были мобилизованы священники, которые и явились господами положения»⁵¹.

⁵⁰ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. 376 с.

⁵¹ Там же.

Почему священники стали господами положения? А дело в том, что Закон 3 июня предоставлял решающее значение курии землевладельцев. Поскольку крупных помещиков было мало, владельцами церковных участков земли де-юре становились священники. А тут еще обер-прокурор Синода поднажал на местных архиереев, предложив духовенству принять как можно более активное участие в выборах. Те и рады стараться. Пробриться через их ряды стало очень трудно. Сам Председатель III Государственной Думы М. В. Родзянко прошел только благодаря тому, что правительство, вняв его просьбам, выделило священников в особую курию по тому уезду, где он баллотировался. Не попал в Думу А.И.Гучков. Словом, хотели как лучше, а получилось как всегда. Повсеместно стали избираться священнослужители. Печать забила тревогу, подсчитав, что в IV Думу придет чуть ли не половина священников. Пришлось Харузину и его команде давать задний ход.

Партии, журналисты, безусловно, не сидели сложа руки, видя творящийся произвол в ходе избирательной кампании. Пресса резко критиковала ход кампании. Но, как известно, после драки кулаками не машут. Родзянко пожаловался Николаю II на то, что выборы в Думу прошли под полным контролем и давлением правительства при вмешательстве в политику духовенства. В ответ услышал, что и в республиках правительство влияет на ход выборов. Более того, чтобы не дать депутатам и прессе повода для разоблачений, отвечавший за выборы чиновник А. Н. Харузин распорядился уничтожить всю секретную переписку центра с губернаторами по вопросам выборов.

ЛИЦО ДУМЫ ОТ ВЛАСТИ

В IV Государственной Думе, как ни в какой другой, явственно просматривалось лицо «Думы от власти». Благодаря проявленной заботе губернаторов до 237 возросло число депутатов-дворян (против 202 в III Думе), депутатами стали 210 помещиков, у которых во владении числилось от 100 и более десятин земли. Депутатов-интеллигентов избрано около 15 процентов, в целом они погоды не делали.

По национальной принадлежности почти 83 процента депутатов составляли русские. Были и представители других народов России: поляки, немцы, украинцы, белорусы, татары, литовцы, молдаване,

грузины, армяне, евреи, латыши, эстонцы, лезгины, греки, караимы и даже шведы, голландцы.

Из 442 народных избранников к ее правой части принадлежало 35 процентов депутатов, то есть 65 депутатов собственно правых и 89 – так называемых умеренно-правых и националистов. Около 30 процентов депутатов составляло центральную группу: 98 депутатов принадлежало к партии «Союз 17 октября» и 33 – к группе «Центр». Самой многочисленной из оппозиционных групп была партия Народной свободы (кадеты), она насчитывала 58 депутатов; партия прогрессистов – 48; социал-демократы – 15 (в октябре 1913 г. и из этой группы в Думе выделилась фракция большевиков); Трудовая группа насчитывала 9 депутатов; Польское коло – 9; белорусско-литовско-польская группа – 6; мусульманская – 6, беспартийные – 6. Масонов в IV Думе было более ста. «Дума от власти», как ее окрестили современники, несколько оторвалась от широких народных масс, от реальных нужд и чаяний страны.

IV Государственная Дума открылась 15 ноября 1912 г. В день начала ее работы трудовые массы стачками и уличными демонстрациями протестовали против существовавшего в стране третьеиюньского режима. Формально Дума просуществовала весь положенный срок – до 6 октября 1917 г., но фактически ее роль свелась на нет уже после царского Указа о приостановлении деятельности 25 февраля 1917 года, в дни Февральской революции.

Председателем Государственной Думы избрали М. В. Родзянко, последовательного монархиста. За его проголосовал 251 депутат, 150 высказались «против». Родзянко тут же определил свою позицию, заявив, что всегда был и останется убежденным сторонником представительного строя на конституционных началах.

Затягивалось дело с формированием фракций. Пожалуй, четче других определились прогрессисты. По инициативе Коновалова фракция принялась объединять все оппозиционные и революционные силы в Думе. Прогрессисты разделяли идеи с социал-демократами, которые во главу своей деятельности в Думе поставили следующие проблемы: свержение царизма, создание демократической республики, конфискация помещичьей земли, установление 8-часового рабочего дня.

Не все просто складывалось у октябристов. Они тоже распались на несколько групп. Левые (Хомяков, Дмитрюков, Шидловский) хотели

выделиться в самостоятельную фракцию и создать в Думе в коалиции с кадетами левый центр. Правые октябристы, составляющие большинство фракции, тяготели к союзу с националистами и правым крылом Думы в целом. Фракцию возглавил (в связи с неизбранием в Думу А. И. Гучкова и избранием председателем Думы М. В. Родзянко) Н. И. Антонов, его – товарищ Н. В. Савич, секретарь – Л. Г. Люц.

«Бродили», как молодое вино, националисты. От большой фракции откололась небольшая группа, назвавшаяся «независимыми националистами», чем смутили оставшихся: они, что, зависимые?

Спокойней других вели себя небольшая группа трудовиков и оформившаяся в марте 1913 года беспартийная земская группа во главе с С.Т.Варун-Секретом, который потом, правда, переметнулся к октябристам-земцам Родзянко и стал товарищем председателя Думы. Вслед за «земцами» в октябре того же 1913-го образовались независимая, а также городская группы.

Полистаем газеты, посмотрим, кто же олицетворял IV Думу? Кто при таком раскладе и брожении практически во всех партиях задавал тон в ее деятельности? Лидером фракции правых, отмечает «Русское слово», стал Алексей Николаевич Хвостов, представитель стародворянского рода, крупнейший землевладелец. По окончании Александровского лицея служил в министерстве юстиции. С 1904 года началась его губернаторская карьера, сначала как вице-губернатора, с 1906 года исполнял обязанности «хозяина» Вологодской губернии. В 1912 году оставил пост уже Нижегородского губернатора в связи с избранием в Думу. И хотя в Думе Хвостов считался председателем фракции, но при трех медведях в одной берлоге ему было нелегко — верховенствовали Пуришкевич с Марковым. Впрочем, 26 сентября 1915 года Хвостов «пошел наверх», сев в кресло министра внутренних дел. Кресло это оказалось не совсем для него подходящим, тем не менее так повелел Николай II. Кстати, впервые в царской России главой ключевого ведомства назначили депутата ненавистной Николаю II Думы. И, как заметили историки, впервые кандидатура Хвостова на этот пост согласовывалась с набравшим силу при дворе Г.Е.Распутиным. О, если бы знал Георгий Ефимович, что неблагодарный Алексей Николаевич задумает убить его в отместку, что позже тот выдвинул премьером не его, а Б. В. Штюрмера, ни за что, конечно, не дал бы «добро» Хвостову! Небезызвестный нам

С. Е. Крыжановский, переживший в МВД не одного руководителя, так отзывался о Хвостове: «Это был человек очень неглупый, талантливый и ловкий, но какой-то неистовый, почти первобытный по инстинктам и вдобавок совершенно аморальный, способный ради личных выгод и целей на какие угодно поступки»⁵².

Заметные фигуры у правых: Сергей Васильевич Левашов, ректор Новороссийского университета, учредитель Высших женских курсов в Одессе, гласный Одесской городской думы; Борис Николаевич Лялевский, Овручский предводитель дворянства, председатель съезда мировых судей; Алексей Дмитриевич Мешковский, священник из Курской области. Еще один священник из Минска, Константин Маркович Околович; Константин Модестович Струков, предводитель дворянства Старобельского уезда.

В рядах правых были и крестьяне, например Иосиф Максимович Доценко, член Ахтарской земской управы, малограмотный, но хлестко говоривший крестьянин из Нолинского уезда; волостной судья Козьма Егорович Городилов.

Фракцию националистов возглавил Петр Николаевич Балашев, хорошо образованный и поднакопивший опыта в III Думе, лично известный Николаю II, имел около 330 тысяч десятин земли. Дружил со Столыпиным, с Коковцовым отношения не сложились – препятствовал созданию проправительственного большинства на основе фракции националистов. Балашев искал союзников исключительно справа, что вызвало недовольство во фракции и привело ее к расколу. Окончательно пути Балашева с другими видными фигурами – В. Я. Демченко, А. И. Савенко, В. В. Шульгиным – разошлись в августе 1915 года после создания Прогрессивного блока.

Лицо фракции националистов олицетворяли непоседливый, часто получавший замечания председательствующего за реплики с места Владимир Алексеевич Бобринский, помещик, член Думы второго и третьего созывов; Сергей Михайлович Богданов, профессор Киевского университета, сын ключаря Киевско-Софийского кафедрального собора, крупный землевладелец; Сергей Иванович Гриневиц, полтавский уездный предводитель дворянства, инженер, землевладелец; Петр Африканович Сафонов, отставной офицер; Дмитрий Иванович Шаховской, председатель Соликамского уездного съезда.

⁵² Крыжановский С.Е. Воспоминания. Берлин, 1938. 51 с.

У кадетов, если судить по газете «Речь», «запевалами» оставались Милюков, Шингарев, Маклаков, Родичев, но наряду с ними на думскую кафедру поднимались и Стефан Васильевич Вострогин, ветеринарный врач, а затем Енисейский городской голова Петр Васильевич Герасимов, помощник присяжного поверенного, сотрудничал в «Речи», «Северном крае», других газетах; Павел Павлович Гронский, приват-доцент Санкт-Петербургского университета, землевладелец; Николай Виссарионович Некрасов, профессор Томского технологического института.

У октябристов блистали первый и второй Капнисты – Ипполит Ипполитович, помещик из Одессы, гласный губернского земства, почетный мировой судья, и Людвиг Готлибович Люц, землевладелец, бывший товарищ прокурора Одесского окружного суда, избирался еще во II Думу, ему так понравилось быть депутатом, что остался и в III, и в IV Думе; крестьянский сын Павел Матвеевич Макогон, член ревизионной комиссии Мариупольского уездного земства и землеустроительной комиссии, не порвавший с землепашеством; Николай Николаевич Рычков, бывший председатель Бугурусланской земской управы, редактор-издатель «Самарского курьера», инициатор постройки в Бугуруслане реального училища; врач Виктор Иванович Стемповский, земский начальник, почетный мировой судья; Никонор Васильевич Савич, землевладелец, ставший в III Думе правой рукой Гучкова, а в IV — секретарь фракции октябристов.

Заявили в Думе о себе в полный голос, судя по страницам газеты «Русские ведомости», и прогрессисты. Уже оформившуюся партию и думскую фракцию возглавил имевший опыт законодательной работы в первой и третьей Думах Иван Николаевич Ефремов, будущий министр юстиции и призрения Временного правительства, выходец из старинного казачьего рода. В первой Думе вместе с П.А.Гейденом создавал партию «мирного обновления», злые языки называли ее «партией одного извозчика», намекая на численность. В III Думе Ефремов сумел создать группу прогрессистов (вначале из 28 человек, а затем в нее входило 39 депутатов). В 1912 группа трансформировалась в партию. Не менее видные фигуры: Александр Иванович Коновалов, владелец бумажно-ткацкой фабрики, товарищ председателя биржевого комитета в Москве, инициатор московских «Экономических вечеров»; Михаил Александрович Караулов, подъяесаул, почетный

станичный судья, служил в Терском казачьем войске, закончил Санкт-Петербургский университет, редактор журнала «Казачья неделя»; Александр Сергеевич Постников, профессор Санкт-Петербургского политехнического института, редактор «Русских ведомостей», член совета Государственного банка.

Солидный оркестр, хотя и не совсем слаженный, образовался у центристов – без оглядки на других свое мнение высказывали Виктор Парфенович Басаков, послуживший чиновником обер-прокурорского департамента Правительствующего сената; Михаил Петрович Дмитриев, землевладелец из Тираспольского уезда; Семен Алексеевич Крыло, священник с. Ивантеевки Николаевского уезда; Владимир Владимирович Мусин-Пушкин, Рuzский уездный предводитель дворянства; Пантелеймон Викторович Синандино, бывший городской голова Кишинева, избиравшийся во Вторую и Третью Думы. Борис Александрович Энгельгард, подполковник Генштаба, землевладелец.

У трудовиков восходящая звезда, конечно же, Александр Федорович Керенский. Его дополняли Василий Михайлович Вершинин, торговец из Барнаула, издатель газеты «Жизнь Алтая»; Владимир Иванович Дзюбинский, бывший помощник акцизного надзирателя, отсидевший 3 года в тюрьме как член партии «Народная воля»; Николай Осипович Янушкевич, земледелец из Белоруссии.

Среди социал-демократов выделялись Николай Семенович Чхеидзе, поднаторевший в III Думе; Иван Никитич Туляков, крестьянский сын из Тамбовской губернии, а затем слесарь Сулинского завода; Валентин Иванович Хаустов, тоже из крестьян, затем токарь Уфимского депо; Акакий Иванович Чхенкели, грузинский журналист, получивший образование в Берлине и Лондоне.

В IV Думе после размежевания в 1913 году с меньшевиками свою фракцию образовали большевики. Ее возглавил Григорий Иванович Петровский, выходец из рабочей среды, 32 раза поднимавшийся на Думскую кафедру, чтобы защитить интересы рабочего класса. Его заместитель во фракции – Алексей Егорович Бадаев произнес в Думе 17 речей. Бадаев из орловских крестьян, трудовую деятельность начал на Александровском заводе в Петербурге, в Думу выдвинут столичными рабочими. Во фракцию входили большевики Матвей Константинович Муранов, делегированный харьковскими рабочими; Федор Никитич Самойлов, представлял пролетариат Владимирской губер-

нии; костромич Николай Романович Шагов; а также оказавшийся агентом охраны и исключенный за это из Думы Р. Ф. Малиновский.

ЧТО ИХ ЗАБОТИЛО?

Надо заметить, что первые депутатские заседания IV Думы бесцветные. Коковцов на Думу особенно не нажимал. Он еще 12 июня запросил у министров предложения по подготовке законопроектов, но не получил ни одного.

IV Дума провела пять сессий: две из них пришлись на довоенный период и три – на период Первой мировой войны. Во время первой и второй сессий в Думу внесено свыше 2000 мелких законопроектов. Правительственная Декларация, которую премьер зачитал депутатам 5 декабря 1912 года, привела многих в полное уныние – целью развития России они не увидели. Ею остались недовольны все.

«Мы были свидетелями удивительной ловкости, с какой премьер, “качаясь, справа налево, слева направо, изображал собой политические качели... Программа Коковцова – это “не путеводная звезда русской государственности, а млечный путь, туманность”», – так оценил Декларацию правительства В. М. Пуришкевич.

И подал пример предельной «конструктивности»: предложил Думе принять законы о введении телесного наказания розгами для борьбы с «хулиганством» в деревне, «приведении к патриотизму и ответственности печати», «об обуздании отклонившихся от долга и меры “инородцев”», о борьбе с крамолой в школе и т. п.⁵³

А вот националисту В.В. Шульгину вначале показалось, что в Декларации много хороших и разумных вещей, но затем он разгромил ее в пух и прах. Масло в чуть тлеющий огонь подлил Ефремов. Савенко, сподвижник и земляк Шульгина, ринулся на кафедру защищать правительство:

«Представители правых и умеренных партий идут своей дорогой,... в их сердцах горит священная искра любви к родине, и

⁵³ Государственная Дума Российской империи. Четвертый созыв. 1912-1913 гг. Стен. отчет. Спб., 1913. С. 287-288.

господа, представители революции оппозиции, весь ваш повседневный террор многочисленной и хорошо организованной печати не сдвинет нас с этого пути»⁵⁴.

Регламентом на дискуссию по Декларации правительства отводилось шесть дней. Предложения партий и депутатов Думы по документу в обобщенном виде состояли из словосочетаний о благе Манифеста 17 октября и из трех милюковских «замков», хотя один из них изменился в конструкции: требование «ответственного министерства», то есть правительства, предлагаемого Думой и подотчетного ей, заменили требованием «согласования предложений правительства с ясно выраженной волей страны». Впечатлительно, конечно. Но что из сказанного депутатами следует считать «волей страны», волей народов?

Надо заметить, что Николай II попытался примирить Думу с правительством — 12 декабря 1912 года царь принял депутатов в Николаевском зале Зимнего Дворца. Полуторачасовая встреча, однако, практически не повлияла на общественное мнение и не дала того эффекта, на который рассчитывали устроители. Через два дня после приема Николаем II депутаты отбыли на рождественский вakat, по-нынешнему — на каникулы. Вроде ничто не предвещало бури...

Между тем до Февральской революции оставалось 1530 дней.

21 января 1913 года заседания Думы возобновились. Кстати, в этот день исполнилось 300 лет со дня призвания на царство Михаила Федоровича Романова. Юбилей династии отпраздновали с помпой: объявили всевозможные дарования народу — прощение недоимок, смягчение кар, сроков осужденным и т. д. Николай II принимал в Зимнем поздравления высших чинов. Пламенную речь произнес и Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко, поднесший царю икону Христа Спасителя.

Царь не ограничился торжествами в обеих столицах, предпринял поездки по тем местам, где выросла и окрепла Суздальская и Московская Русь, где была вотчина бояр Романовых — побывал во Владимире, Суздале, селе Боголюбове, Нижнем Новгороде, Костроме, Ипатьевском монастыре, Ярославле, присутствовал при закладке памятника 300-летия Дома Романовых. И в дурном сне не приснилось бы тогда, что через четыре года империя рухнет.

⁵⁴ Там же. С. 361, 550—581, 865.

Более или менее Дума проснулась к середине февраля 1913 года, благо кадеты вынесли на обсуждение законопроекты о неприкосновенности личности и свободе печати — «вечных вопросах», которые ставились во всех предыдущих Думах. Но быллой запал депутатов поугас, и эти законопроекты обсуждались вяло и долго. Законопроекты передали на рассмотрение в комиссию. По опыту предыдущих Дум все знали: практически это означало «похороны по первому разряду». На трех заседаниях рассматривались законодательные предположения о свободе совести и о союзах. Практически без прений, при очень слабых возражениях крайних правых, оба проекта тоже были отправлены в комиссию.

Еще один кадетский законопроект — о собраниях — разделили «под орех» справа и слева с едкими упреками разработчикам в незнании законодательной техники и юридической безграмотности. Конечно, для кадетов это была оплеуха — в их фракции состояли известные всей России юристы, к тому же с опытом законотворчества, какого больше никто в стране не имел.

Законодательное предположение 32 депутатов об изменении положения о выборах в Государственную Думу вызвало наконец оживление, ибо предлагало всеобщее избирательное право. Милюков соблазнял октябристов и прогрессистов готовностью кадетов к компромиссам с ними, страшал: неужели Дума хочет, чтобы кадеты присоединились к социал-демократам, чтобы к революционерам присоединилась «вся страна»? Страшилка не подействовала — законопроект отправили в комиссию⁵⁵.

Не «клеилось» дело и у правых националистов. Они вроде пытались действовать сообща. Так, фракции поручили П. Н. Балашеву выяснить возможность их соглашения с председателем Совета Министров, но тот не ответил. Раз глава правительства не с нами, то он против нас, и мы совместными силами боремся с ним, решили обе фракции, и первая «черная метка» для Коковцова — отвержение законопроекта о выкупе в казну Киево-Воронежской железной дороги, одним из директоров которой служил брат премьера.

Националисты уже через полгода разочаровались в соседях, обвиняя их, что они не имеют законодательного потенциала и поставили своей целью создать в Думе прочное правительственное большинство,

⁵⁵ Там же. С. 1798.

способное подготовить и принять серьезные законопроекты. Но и националистов Коковцов особо не приветил, ему хотелось бы опираться в Думе не на правых, а на центристское большинство от прогрессистов до националистов.

Позиция Коковцова все больше не нравилась народному представительству. Это отчетливо проявилось при обсуждении бюджета весной 1913 года. Хотя все фракции, включая даже социал-демократов, признали речь Коковцова содержательной, тем не менее в адрес премьера и министра финансов со всех сторон полетели критические стрелы. Показательно высказывание одного из лидеров правых — Н. Е. Маркова. Он назвал 7 грехов финансово-экономической политики правительства Коковцова. Наряду с первородным грехом — российским пьянством, которому правительство способствует винной монополией, не менее значимые грехи правительства — пренебрежение к сельскому хозяйству, косность к оборудованию путей сообщения, враждебное отношение к местному самоуправлению, покровительство иудейским банкам, где хранится российский золотой запас, преклонение перед Западом, который стремится установить монополию на производства и торговлю с тем, чтобы захватить сперва экономическим путем, а затем и политическим властью над русским народом Золотой запас России тает, констатировал он. И работает он не на Россию, ибо хранится за границей.

«И хранится у иностранных, преимущественно иудейских фирм. Господа, всем кажется странным: зачем русское золото, да еще золотая наличность, оказывается не в Петербурге, не в подвалах государственного казначейства или Государственного Банка, а где-то за тысячу верст в Берлине, в Париже, в Лондоне. Зачем оно там храниться?»⁵⁶.

Маркову вторит депутат М.И. Скобелев, представлявший русское поселение Кавказа. Он обращает внимание коллег на непомерные траты для содержания монархии, в частности на содержание Императорского двора, двух его канцелярий, Императорских театров. «Вы из нашего пота и крови ежегодно собираете горы золота, добровольно мы не дадим вам ни гроша, — обращается он к Коковцову, — ибо ничего доброго не ждем от вашей политики».

⁵⁶ Там же. С. 1041–1049.

Согласился с ним националист В. Я. Демченко: «Жизнь наша дорожает невероятно...а правительство ничего не делает для ее улучшения»⁵⁷.

В конце обсуждения бюджета тот же Марков заявил, что Коковцов совершил чудо, объединил Думу в одном порыве, и этот один порыв — «красть нельзя». Высказываниями депутатов возмутились министры и обратились к Николаю II с просьбой разрешить им объявить забастовку — не появляться в нижней палате до тех пор, пока министрам не будет гарантирована защита от незаслуженных оскорблений.

Противостояние правительства и думцев затянулось до осени. Правительство хотело иметь умеренно консервативную Думу, побуждая к этому фракции октябристов и националистов, отрезая нежелательные крылья. Но все потуги оказались напрасными. 7 декабря 1913 года Дума была распущена на рождественские каникулы и собралась только 14 января 1914 года. Через два дня грянула отставка Коковцова и все рассыпалось. Паралич в правительстве, паралич в Думе...

Причины перемены правительства Николай II изложил в Высочайшем рескрипте на имя П. Х. Барка, назначенного министром финансов.

Царь заявил, что во время своей поездки по великорусским губерниям, он видел «светлые правления даровитого творчества и трудовой мощи, но рядом с этим с глубокой скорбью приходилось Мне видеть печальные картины народной немощи, семейной нищеты и заброшенных хозяйств — неизбежные потребности нетрезвой жизни и, подчас — народного труда, лишенного в тяжелую минуту нужды денежной поддержки — путем правильно поставленного и доступного кредита»⁵⁸.

Царь в своем окружении все чаще и чаще высказывал мысль о превращении Думы из законодательной в законосовещательную. Вопрос об этом даже поставил на заседании Совета Министров, которое проходило под его председательством в Петербурге 18 июня 1914 года.

⁵⁷ Февральская революция 1917 года. Сб. документов. М., 1996. С.111.

⁵⁸ «Новое время». 1915, 15 января.

Большинство участников совещания советовали Государю не делать этого, ссылаясь на непредсказуемость последствий. Скрепя сердце он согласился с большинством.

АВТОМОБИЛЬ БЕЗ ШОФЕРА

Если судить по печати, период с лета 12-го по лето 1914 года стал более-менее успешным для России. За двадцать лет население Империи возросло на пятьдесят миллионов, последние два года прирост превышал более чем на три миллиона в год. Повысилось благосостояние людей. Качество товаров, как отечественных, так и заграничных, заметно улучшилось.

Иные публицисты вообще представляют Россию этого периода страной «процветающего капитализма» (например С.А. Говорухин, сетовавший о России, которую мы потеряли). Но для таких выводов нет оснований.

«Для экономики была характерна многоукладность: крупное капиталистическое производство соседствовало с патриархальным крестьянским хозяйством, полуфеодальным помещичьим, мелкотоварным в городе и деревне,— утверждают авторы «Истории России». — Сложилась резкие диспропорции по основным отраслям экономики: бурный рост промышленности контрастировал с рутинным состоянием сельского хозяйства. Затянулся процесс первоначального накопления капитала»⁵⁹.

И они правы. Положение в стране было далеко не радужным. Да, страна становилась на капиталистический путь развития. Но людям жилось крайне тяжело. Недовольство росло. В 1913 году в стране бастовали 2 млн рабочих, из них более 1,2 млн участвовали в политических стачках. Очередная годовщина кровавого воскресенья в январе 14-го отмечена с размахом, которого не было во все предыдущие годы. Летом того же года в Петербурге дело дошло до сооружения баррикад. Словом, вулкан уже просыпался. Этому во многом содействовали СМИ, политические партии, будоражащие общественное мнение.

⁵⁹ Государственная Дума Российской империи. Четвертый созыв. Стен. Отчет о заседании, созванном на основе Высочайшего Указа... Спб., 1914. С. 3—9.

ЧИТАЕМ ПРЕССУ. «НОВОЕ ВРЕМЯ»,
15 ЯНВАРЯ 1915 ГОДА:

«Внутри России опять начинает пахнуть 1905 годом... На улицах и площадях ... почти революционный пейзаж. Брат П. А. Столыпина, известный публицист обобщает: "То, что теперь готовится в умах, хуже, чем было в годы революции... Тогда были конституционные иллюзии. Теперь же, если разразится революция ... будет всему конец"».

Нельзя сказать, что царь не видел этих искр, способных перерастать в пламя. Судя по всему, видел, но надеялся на силу. На помощь консервативному, недавно назначенному министру внутренних дел Н. А. Маклакову (брат депутата Маклакова) Николай II вытаскивает, «как старую шубу из нафталина», И. Л. Горемыкина и сажает в кресло премьера. Ему стукнуло 74 года. По мнению Милюкова, ветхого не только днями, но и психологией старческого безразличия ко всему, махавшего на все рукой, то и дело говорившего: «Все это чепуха». Председателя же Думы порадовало то, что Горемыкин уже на второй день после назначения нанес ему визит. Думцев воодушевил и следующий шаг премьера — он выразил желание встретиться с председателями основных комитетов и комиссий, а также активно интересовался расстановкой сил в нижней палате, созданием думского большинства. Депутаты решили, что новый премьер получил высочайшее повеление не ссориться с Думой, а сближаться с ней.

На самом деле, премьер придерживался двойственной позиции. Во-первых, во исполнение царского решения — пока Думу не распускать пытался установить нормальные отношения с крупными думскими фракциями для своей поддержки при рассмотрении вопроса о военных кредитах. Во-вторых, повел осторожное, медленное наступление на права народного представительства, которое никогда ему не нравилось. Вскоре, он как глава кабинета отказался отвечать на запросы депутатов, переадресовав их исключительно своим подчиненным. Горемыкин вынашивал идею ответственности депутатов за речи, произносимые ими с трибуны. И попытался было воплотить эту идею в жизнь, когда Н. С. Чхеидзе заявил, что для обновления России наиболее подходящим является режим демократический, режим парламентский, режим республиканский. По инициативе Горемыкина

Чхеидзе привлекли к судебной ответственности за открытый призыв к ниспровержению государственного строя.

Дума всколыхнулась, забурлила, узрев в действиях власти наступление на свободу слова депутатов. Левые выступили с предложением немедленно приступить к обсуждению законопроекта о свободе слова. Но другие фракции не пошли на обострение с правительством. Тем не менее социал-демократы и трудовики устроили Горемыкину обструкцию на заседании 22 января 1914 года, в день начала обсуждения бюджета. Чтобы поддержать бюджет, перед выступлением министра финансов на трибуну поднялся Горемыкин. Депутаты встретили его невообразимым шумом: кричали, стучали пюпитрами. Родзянко попытался унять коллег, но его никто не слушался, и тогда председатель стал по одному удалять обструкционистов на 15 заседаний каждого. Но и это особо не подействовало, к тому же А. И. Чхенкели отказался добровольно покинуть зал. Председательствующему пришлось объявлять перерыв и приглашать приставов для наведения порядка.

После перерыва, как только Горемыкин опять поднялся на трибуну, обструкция повторилась. Только с четвертой попытки премьеру удалось произнести речь. Так появилась пока малозаметная трещина в отношениях нового премьера и Думы. Она увеличилась после скандала с депутатом Малиновским, который был избран от рабочей курии и оказался тайным агентом жандармов... Когда это получило огласку, глава Департамента полиции В. Ф. Джунковский распорядился порвать с ним контакты. Депутаты были шокированы как действиями властей, которые за ними подглядывали, не гнушаясь ничем, так и действиями своего коллеги, павшего хуже некуда. Малиновскому ничего не оставалось, как 8 мая 1914 года сложить с себя полномочия члена Государственной Думы.

Тем временем революционных искр над Россией появлялось все больше. Депутат IV Думы, «центрист» граф В. В. Мусин-Пушкин в письме своему зятю, наместнику на Кавказе, графу И. И. Воронцову-Дашкову сетует, что революции никто не хочет и все ее боятся (даже кадеты), но все приходят к убеждению, что она неизбежна, и только гадают, когда она наступит и что послужит толчком. Некоторые считают, что смена кабинета (еще и трех месяцев не прошло после назначения Горемыкина) могла бы предотвратить взрыв, другие, как, например, Гучков, Вас. Маклаков, находят, что недовольство было

слишком велико, да и было уже поздно. Революционизируется сама буржуазная публика, и в провинции, говорят, хуже, чем в столицах.

14 июня 1914 года депутаты ушли на каникулы. Планировалось, что вновь они соберутся 15 октября. Но жизнь, как всегда, корректирует планы. В течение каникул, как скажет потом в Думе И.Л. Горемыкин, совершились события величайшей исторической важности. Одно за другим, подобно ударам грома, обрушились они на русскую жизнь, давно подготавливаемые незримым ходом истории и все-таки внезапные – началась Первая мировая война. 15 июня 1914 года студент-серб Гаврило Принцип в боснийском городе Сараево убил наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда. Этот выстрел будто взрывной волной всколыхнул и вздыбил Европу. 17 июля 1914 года Николай II вводит в стране всеобщую мобилизацию. Возмущенный подобным действием своего кузена – русского царя, германский кайзер Вильгельм объявляет России войну.

Литература о Первой мировой войне достаточна обширна, потому нет смысла проводить собственное исследование. Основная причина начала войны – очередной передел мира. К 1914 году существовали острые противоречия между Германией и Англией, между Германией и Францией. «Смертельных» же противоречий между Германией и Россией не было, хотя у России имелись претензии к Австро-Венгрии, связанные с обладанием последней огромным куском славянских и даже малороссийских земель. Виновницей войны де-факто стала Сербия. Балканы давно являлись пороховой бочкой, здесь переплетались интересы многих.

Австро-венгерская «лоскутная империя», как ее тогда называли, всеми силами и средствами стремилась упрочить свое положение, особенно ей хотелось подмять под себя Сербию, держать в повиновении южнославянские народы. Воспользовавшись выстрелом в Сараево Г. Принципа, она предъявила Сербии унижительные требования. Белград оказался не готовым к войне и принял почти все, но оказалось достаточным отвергнуть лишь один пункт, чтобы загревели пушки, полилась кровь. Не только сербская, но и австро-венгерская. Оба государства были связаны военными и политическими соглашениями с другими, более сильными державами.

Сербию активно поддерживали Россия, Англия и Франция. Австро-Венгрия водила дружбу с Германией, Италией, вместе обра-

зовав Тройственный Союз. И у каждой страны были свои интересы. Германия считала себя обделенной при разделе мира в XIX веке, когда больше всего чужих земель досталось Англии и Франции. Ее экономика развивалась лучше, чем у соседей, но нужны были рынки сбыта, новые источники сырья — взор пал не только на Балканы, но и на Прибалтику, Польшу и дальше — на Ближний Восток, Африку.

Россия, подобно Англии и Франции, не собиралась делиться чем-то с родственником из Германии, хотела не только отстоять свои владения, но и не прочь была приумножить их. В частности, в придворных кругах вынашивалась мысль отобрать у Германии западные польские земли, доставшиеся ей после раздела Польши в XVIII веке, а у Австро-Венгрии — Галицию, у Турции, союзника Германии, — часть Армении, а также взять под контроль пролив, соединяющий Черное и Средиземное моря. Уже в начале войны оба блока договорились, что конкретно кому достанется, хотя и не обнародовали этого.

Рано или поздно война должна была начаться. Николай II, тем не менее, оттягивал ее, чтобы получше подготовиться. В Берлине и Вене, завершив модернизацию армий, наоборот, стремились начать войну без проволочек, не дав России нарастить мускулы. Кстати, многие из царского окружения, а также депутаты при всем при том испытывали симпатии к Германии и отговаривали царя от войны. Но у Николая II были и другие советчики. Лоббисты (евреи, масоны, националисты) преследовали каждый свои цели и, естественно, давили на царя, правительство, Думу. Постепенно в войну втянулось несколько десятков государств, она охватила весь мир. Главные же действия развернулись в Европе на западном фронте.

...26 июля 1914 года депутатов отозвали с каникул на экстренное внеочередное заседание. Но сначала их пригласил к себе на высочайшую аудиенцию Николай II, призвавший всех соотечественников постоять за Россию-матушку. Возбужденные этой встречей с царем, из Зимнего дворца депутаты пошли в Таврический. Как отмечала пресса, война вызвала небывалый взрыв шовинизма. Стоя, бурными, долго не смолкающими аплодисментами встретили собравшиеся Указ Николая II Правительствующему Сенату об открытии Думы. Товарищ председателя Варун-Секрет огласил «Высочайший манифест» по поводу вступления России в войну, в котором ставились конкретные задачи и перед депутатами.

Родзянко от имени их высказал свое одобрение манифеста. Его минутное выступление 8 раз прерывалось аплодисментами и закончилось исполнением народного гимна. После этого председательствующий доложил, что министром финансов внесены в Думу два законопроекта: о некоторых мерах к усилению ресурсов казны на ведение военных действий и о мерах по денежному обращению ввиду военного времени. И предоставил слово премьеру. Дряхлый Горемыкин подтянулся, поднапрягся и по-военному бодро взошел на трибуну. Надо отдать должное, он предвидел завтрашний день страны:

«Война начата, и теперь нам остается только повторить прозвучавшие на весь мир слова: “Мы доведем эту войну, какая бы она ни была, до конца”»⁶⁰.

Зал разразился громом аплодисментов. Под них на трибуну поднялись и произносили речи министр иностранных дел С.Д.Сазонов, министр финансов П. Л. Барк, представители фракций и еще недавно пораженческих групп. Внесенные законопроекты, которые ложились тяжелым бременем на плечи народа, практически не обсуждались, прения по ним не велись. Выражались верноподданнические чувства, да звучали призывы «сплотиться вокруг державного вождя во имя победы над врагом».

**ПОСЛУШАЕМ ОЧЕВИДЦА. А. Е. БАДАЕВ,
ЧЛЕН IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ:**

«Эйфория царила не только в Думе. По улицам Петербурга с утра до вечера шествовали манифестации. С портретами царя и трехцветными флагами дворники, полицейские и охранники вместе с обывателями всех рангов и мастей расхаживали по городу, пели “Боже, царя храни” и во все горло кричали “Ура”. Под охраной правительства, обнаглевшие до последней степени, они сбивали шапки с прохожих, врывались в трамваи и дома, избивали всякого, кто не хотел их поддерживать. Каждая такая манифестация, организованная и опекаемая полицией, в любую минуту могла превратиться в толпу погромщиков. Так и случилось. В Петербурге было разгромлено германское

⁶⁰ Там же.

посольство, а в Москве погром принял еще более широкие размеры... Погромы сменялись коленопреклонением перед царским дворцом. Даже мелкобуржуазное студенчество, гордившееся своими “левыми” традициями, стояло на коленях перед Зимним дворцом”, восторженно крича “Ура”, “обожжаемому монарху”»⁶¹.

Пресса характеризовала все это как «взрыв патриотических чувств», как «единение царя с народом». Хотя слабо, но зазвучал и протест против войны. В те же дни в Петербурге, Москве, в других городах прошли антивоенные выступления. По официальным данным, они зарегистрированы в 17 губерниях и 31 уезде. И не все депутаты оказались в шовинистическом угаре. Тот же Бадаев заявил журналистам, что депутаты-большевики всеми имеющимися в их распоряжении средствами будут бороться против кровавой авантюры, затеянной правительствами европейских держав, и выдвигают лозунг «Война войне!». Большевики во главе с Лениным объявили войну империалистической и сетовали на поражение России, призывая рабочих Германии делать все для поражения своей страны, полагая, что это приведет к социалистической мировой революции.

Власть не сумела воспользоваться перспективой единения с народом и Думой в новой обстановке. Царь не доверял депутатам. Еще 24 июля Николай II подписал бланк указа о роспуске Думы без точной даты с тем, чтобы Горемыкин определил ее сам. После консультации со своим окружением премьер решил не распускать народное представительство, а отправить депутатов на каникулы до осени 1915-го. Лишь усилиями 7 думских фракций удалось уговорить премьера собрать Думу не позднее 1 февраля 1915 года. За время вынужденных каникул IV Думы правительство, руководствуясь статьей 87 Основных Законов, приняло без участия Думы и Госсовета 384 документов.

Воспользовавшись войной, власти основательно «подрезали» крылья революционерам, прежде всего большевикам — закрыли «Правду», другие оппозиционные газеты. «Прочистили» и Думу — 4 ноября 1914 года полиция арестовала депутатов-большевиков. И хотя задержание, обыск и сам арест были незаконными, ибо депутаты пользовались правом личной неприкосновенности, правительство это не

⁶¹ Большевики в Государственной Думе. М., 1954. С. 339.

остановило. И когда Родзянко попытался, хотя и с опозданием, защитить коллег, ему резко ответил министр внутренних дел Маклаков, заявивший, что неприкосновенность государственного строя в России важнее всяких депутатских привилегий. Суд над большевиками состоялся 10–13 февраля. Самойлова, Шагова, Петровского, Бадаева, Муранова он признал виновными в принадлежности к партии, ставящей своей целью свержение государственного строя в России, и приговорил их к пожизненной ссылке в Туруханский край.

Усилиями депутатов удалось созвать Думу в январе 1915 года на сессию. Правительство вынуждено было пойти на это ввиду необходимости принятия бюджета на следующий год. Представленную правительством с задержкой почти на месяц Государственную Роспись сверстали с дефицитом без малого в 150 млн рублей. «Дыра» в бюджете, естественно, образовалась из-за роста военных расходов (около 1,8 млрд рублей), сокращения доходов в первую очередь из-за введения «сухого закона» (недостача в 650 млн руб.). В другой раз вокруг этих цифр разгорелись бы страшные баталии, но война повлияла и на процедуру принятия бюджета — он практически не обсуждался, прошел без корректировок и изменений.

Но идиллическая эйфория единения руководителей ведущих думских фракций с царским правительством, поддерживаемая своей печатью, церковью, поставленными правящими кругами на службу «патриотической идее», и нашедшая в начале войны понимание депутатов, была столь же короткой, как и третья сессия Думы, продолжавшаяся всего два дня: 27–29 января 1915 г. Четыре заседания прошли в «деловой обстановке» обсуждения проблем поставок на фронт, участия в этом «общественных кругов». Первоначально у русской армии были успехи. Но они оказались кратковременными. Ушатом студенной воды для шовинистов и национал-патриотов стали серьезные поражения наших войск. Две русские армии вели бои в Восточной Пруссии против немцев, две другие воевали против австро-венгров. Австрийцев удалось разбить, они были изгнаны из Галиции. В Восточной же Пруссии русские войска потерпели тяжелое поражение. Армия Самсонова попала в окружение, сам командующий застрелился. Причина неуспеха — плохая координация действий. В то время как Самсонов наступал, армия Ренненкампа стояла без движений. Покончив с Самсоновым, немцы взялись за Ренненкампа.

Тот начал отступать, оставив всю Польшу, часть Прибалтики, Белоруссии, потеряв убитыми и ранеными, пленными более 4 млн. Зацепившись за небольшой белорусский городок Сморгонь, русские солдаты героически сражались здесь 810 дней.

Поражение русских войск вызывало неприязнь к немцам, проживающим в России. Началась кампания их травли, закрылись газеты на немецком языке, было принято решение, что подданные вражеских держав не должны пользоваться судебной защитой в России. По инициативе начальника штаба Ставки Н. Н. Янушкевича предприняли массовое выселение евреев из Галиции и из прилегающих к фронту российских областей. Это ничего, кроме жгучей ненависти к власти, не давало, стало своего рода пороховой бочкой — до поры до времени не хватало лишь спички. В связи с недостатком оружия, патронов, снарядов, медикаментов, продовольствия в общественном сознании все более и более укоренялось мнение об измене. И эти разговоры велись не на пустом месте — в Петрограде был взорван военный завод.

Между тем положение на фронтах осложнялось. Росло недовольство властями самых широких масс, набирали размах стачки, забастовки, манифестации против войны. Большинство партий вслед за левыми разочаровывались в царизме, который явно не справлялся со своей традиционной ролью «сторожа земли русской» и организатора войны.

Весной того же 15-го года патриотический подъем думцев начал меняться на патриотическую тревогу. Вот доклад членов Военно-Морской комиссии Думы за подписью депутатов Шингарева, Шульгина, Ефремова, Чихачева, Сверчкова, Добровольского и Маркова 2-ого, направленный Николаю II. В нем говорилось, что армия, истекая кровью и потеряв уже свыше 4 000 000 воинов убитыми, ранеными и пленными, не только отступает, но и будет еще отступать. Назывались причины — армия сражается с неприятелем неравным оружием. В то время как враг засыпает непрерывным градом свинца и стали, русским войскам отвечать неприятелю практически нечем — нет ни пуль, ни снарядов...

Пресса широко комментировала доклад, давала картинки с фронта, утверждая, что сотни тысяч воинов стоят безоружными в ожидании той минуты, когда можно будет взять винтовку, выпавшую из рук пораженных товарищей. Действующая армия просила снарядов, но ее голоса не слышали, как не слышали и других просьб. Войска,

отступая, почти нигде не находили приготовленных укрепленных позиций, и после тяжелых переходов солдаты сами рыли себе наспех, на скорую руку, жалкие окопы, пока неприятель не подходил снова и не засыпал снова истомленных, обессиленных людей смерчем тяжелых снарядов, против которых не могли защитить только что вырытые земляные канавки. Пополнение, призываемое в войска, обучалось в очень краткий срок, обыкновенно не свыше четырех недель, и обучение их поставлено плохо. На ответственные военные должности командиры выдвигались не за доблесть, не за талант, а по протекции. От всего этого «заколебался самый дух войск». Пресса, депутаты обращаются к царю с призывом навести порядок.

В апреле 1915-го председатель Думы Родзянко, побывав в Галиции, где ознакомился с положением на фронте, ужаснулся, став свидетелем того, как наши солдаты иногда отбивали неприятельские атаки камнями. По возвращении составил доклад, который обсуждался в Ставке с участием Николая II. По итогам обсуждения было решено создать Особое совещание во главе с военным министром Сухомлиновым по усилению снабжения действующей армии всем необходимым.

По мнению Родзянко, Совещание основательно повлияло на улучшение дел как на фронте, так и в тылу. В то же время Особое совещание было не по нутру правящим кругам. Видя неспособность правительства управлять страной, царь начал менять его как перчатки, что дало повод Пуришкевичу назвать это министерской чехардой. Страна стремительно покатила к революции. Как писал В. А. Маклаков в сентябре 1915 года в «Русских ведомостях», она мчалась подобно автомобилю, которым шофер не способен был управлять.

«Могла ли Государственная Дума, несмотря на свои сверхчеловеческие усилия, удержать назревающий взрыв?» — ставит вопрос Родзянко. И отвечает: «Я смею утверждать и беру на себя ответственность за эти слова, что Государственная Дума IV созыва сделала все от нее зависящее для того, чтобы не допустить народного гнева, но голос ее никогда, ни Верховной властью, ни правительством не был услышан». Зато, по мнению Родзянко, на Верховную власть чрезмерно усилилось влияние темных, безответственных сил в лице Распутина»⁶².

⁶² Родзянко М.В. Государственная дума и Февральская 1917 года революция. «Архив русской революции». М., 1991. Т.6. 35 с.

Народные избранники, к которым царь особенно не прислушивался и раньше, а тем более теперь, когда у него появились новые советчики, были возмущены этим до предела. Уже летом депутаты, опираясь на мнение общественности, начали требовать немедленного созыва Думы и создания народного правительства. Для Николая II Дума всегда была своего рода бельмом на глазу, а во время войны уж и подавно. И хотя в рескрипте Горемыкину 14 июня он предписал собрать палаты не позднее августа, но тремя неделями позже вручил премьеру в очередной раз подписанный бланк Указа о роспуске Думы, предоставив ему самому определить «последний день Помпеи».

В этой обстановке 19 июля 1915 года открылась четвертая сессия Думы. В июне—июле, желая заглушить ропот недовольства, Николай II сменил ряд министров — отправил в отставку ненавистного депутатам министра внутренних дел Н. А. Маклакова, уволил И. Г. Щегловитова, министра юстиции; обер-прокурора Синода В. К. Саблера, военного министра В. А. Сухомлинова, которого газеты обвиняли в измене. В кресла уволенных сели люди, которым Николай II доверял: министром внутренних дел назначил умеренно правого князя Н. Б. Щербатова, министром юстиции — А. А. Хвостова, члена правой группы Госсовета; обер-прокурором Синода — А. Д. Самарина, Московского предводителя дворянства, известного защитника неограниченного самодержавия; военным министром стал А. А. Поливанов, бывший зам Сухомлинова. Новые назначения не успокоили общественность и депутатов. Более того, депутаты потребовали (345 «за» из 375) отдать бывшего военного министра Сухомлинова под суд и, увидев, что царь идет на уступки, выдвинули предложение создать министерство общественного доверия.

Под напором депутатов царь принял решение о реорганизации Особого совещания по снабжению. На его базе появились четыре новых совещания. Не надеясь, что Николай II создаст «ответственное правительство», оппозиция 19 июля инициировала законодательное предложение 42 депутатов о расширении запросных прав Думы, принятие которого делало бы для министров обязательными не только ответы на запросы, но и на вопросы, требующие разъяснений. Однако эта инициатива не прошла.

Пройти-то не прошла, но подтолкнула депутатов, недовольных царем и правительством, искать более эффективные пути воздействия

на них. 9–12 августа среди депутатов начались переговоры о создании мощного блока, к голосу которого прислушивались бы и правительство, и Дума. В этих переговорах, кроме лидеров фракций, были задействованы члены правительства и сам Горемыкин. 15 августа он принял наиболее умеренных членов будущего Прогрессивного блока, пытаясь отговорить их от оппозиции к правительству, а если объединяться, то лучше вокруг царя. В ответ неожиданно услышал пожелания его отставки. 24 августа октябристы, кадеты, фракции центра, прогрессисты, часть националистов, а также часть членов верхней палаты парламента — Государственного Совета подписали совместную декларацию. В Прогрессивный блок вошло: прогрессивных националистов — 28; центристов — 34, левых октябристов — 22, октябристов-земцев — 60, прогрессистов — 38 и кадетов — 54. Итого 236 депутатов из 397, оставшихся к концу четвертой сессии. Но если учесть, что обычно их поддерживали 18 депутатов из национальной фракции и 14 из независимой группы, то преимущество было явное. Блоку противостояло 52 правых и 57 националистов. К тому же блоку симпатизировали и меньшевики, трудовики.

Основой для объединения служило недовольство существующей властью. Целью блока фактически стало образование «правительства доверия», которое бы действовало в согласии с палатами для радикального изменения управления страной. Впрочем, эти две цели преследовали третья — всеми силами не допустить в стране новой революции. Надо отметить, что по ряду вопросов блок выработал свои подходы, например, о политической амнистии, об автономии Польши, об отмене ограничений для евреев и т.д. Предлагалось заняться законопроектами о реформе земского и волостного самоуправления, о волостном земстве, о кооперативах. Меньше согласий было по вопросу о том, кто войдет в правительство доверия.

Газета «Утро России» обнародовало два списка возможных членов кабинета. Первый возглавлял Родзянко, второй — Гучков. Гучков обратился с письмом к Горемыкину, в резких выражениях требуя его отставки. «Письмо и по тону, по существу столь неприлично, что я отвечать не намерен», — заявил на заседании Совета министров премьер и получил полную поддержку правительства⁶³. 28 августа Совет министров высказался за перерыв в работе Думы, 3 сентября царь издал соответствующий указ, и депутатам пришлось покориться этому.

⁶³ Цит. по Ольденбург С. 487 с.

Историография по надвигающемуся краху самодержавия обширная. Одним из первых, кто обратился к этой теме, был А.Блок. Его обстоятельная работа «Последние дни императорской власти», базирующаяся на документах, воспоминаниях современников, материалах охранного отделения (департамента полиции), дает лучшую характеристику общественного настроения того времени.

Власти читали донесения полиции и пытались повлиять на ситуацию. 27 января была арестована рабочая группа, которая готовила манифестацию, арестованы некоторые большевики. В начале февраля выделен из Северного фронта в особую единицу Петроградский военный округ во главе с генералом Хабаловым. Ему предписывалось всячески помогать полиции в наведении порядка в столице. Тем не менее 7, 8, 9, 10, 13 февраля забастовки прошли на многих заводах и фабриках. На Путиловском заводе 8 февраля на полицейских посыпался град железных обломков, шлака, булыжников. Охранное отделение сообщало, что на 14 февраля – день открытия сессии Думы – намечались новые стачки, шествие рабочих к Таврическому.

На открытие четвертой сессии Думы приехал царь, к этому времени уже Верховный главнокомандующий русской армии, сместивший великого князя Николая Николаевича. Но визит Николая II никак не повлиял на настроение депутатов. Эта была самая длинная сессия IV Думы, продлившаяся до 20 июня. Неожиданный перерыв в работе Думы заставил членов Прогрессивного блока умерить свой пыл в нападках на правительство и искать с ним компромисса и сотрудничества. Так продолжалось до осени 1916 года. Обострение экономического и политического положения в стране, поворот правительства России к сепаратному миру с Германией резко изменили ситуацию.

20 января 1916 года царь заменил престарелого Горемыкина другим «святочным дедом» – Борисом Федоровичем Штюрмером, бывавшим губернатором в Новгороде и Ярославле, затем долгое время возглавлявшим Департамент общих дел в МВД. Неожиданный карьерный взлет Штюрмера объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, это протезе Распутина и императрицы Александры Федоровны. Во-вторых, Николай II надеялся, что новый премьер найдет общий язык с Думой, используя свой ярославский опыт, где была крайне либеральная местная дума, но Штюрмер ладил с ней. Собственно, эти надежды царя новый премьер попытался было

оправдать, он сразу же вступил в секретные переговоры с Родзянко, Милюковым, другими лидерами фракций. Те, кстати, настояли на том, чтобы открыть Думу 9 февраля, и после его одобрения надеялись и дальше на сговорчивость со Штюрмером. Но не тут-то было! Вместо обсуждения поставленных депутатами жизненно важных вопросов премьер предложил им обсудить второстепенные: о кооперативах, о разделении империи на 15–18 областей-наместничеств, о немецком засилье и т. п. Как оказалось, Штюрмер был для депутатов, пожалуй, более нежелателен, чем Горемыкин. Он окружил себя проходимцами типа И.Ф. Манасевича-Мануйлова, предупредительно выполнял малейшие пожелания Распутина. Чтобы выглядеть сильной личностью, повел наступление на либеральную оппозицию, начал министерскую чехарду.

ПОСЛУШАЕМ ОЧЕВИДЦА. А. Ф. КЕРЕНСКИЙ:

«9 августа Сазонов был неожиданно снят со своего поста. Его портфель взял себе Штюрмер, а 16 сентября министром внутренних дел был назначен А. Д. Протопопов. Таким образом, вся официальная власть в Российской империи оказалась полностью в руках царицы и ее советников. Стало абсолютно очевидным, куда толкает Россию эта банда безответственных реакционеров, авантюристов и невротатов...»⁶⁴.

Депутаты не восприняли Штюрмера. Его «разносили» и справа, и слева, но бюджет на следующий год утвердили. Рассмотрели несколько запросов — о министерском циркуляре против евреев, о проекте введения предварительной цензуры и др.

Как ни старались депутаты избежать конфронтации с правительством, им это не удалось. Когда началось обсуждение законопроектов, передали местному самоуправлению не только хозяйственные дела, но и властные функции, оставив правительству только формальный надзор судебного характера и порядка. Но у Думы запала хватило ненадолго: за 21 день она провела 4 заседания, так и не доведя ни одного законопроекта до логического завершения. Во-первых, рассматривались «сырые» документы, во-вторых, на заседаниях присутствовало меньше половины депутатов, в-третьих, постановка законопроектов

⁶⁴ Керенский А.Ф. «Россия на историческом повороте». М., 1993. 126 с.

на голосование вела к расколу Прогрессивного блока, а этого пока хотели немногие. И наконец, в-четвертых, депутаты понимали, что реальность требовала подготовки и обсуждения совсем других законопроектов. К тому же над IV Думой в очередной раз замаячила реальная опасность досрочного закрытия и выборов V Думы. Во всяком случае, вопрос этот обсуждался и в правительстве, и у Николая II, а министр внутренних дел даже умудрился из запрошенных на избирательную кампанию Пятой Думы 8 млн рублей израсходовать 1,3 млн. Изучив ситуацию, Совет Министров отказался от досрочного роспуска Думы, но 20 июня 1916 года она снова ушла на каникулы.

ПЕРЕД РАЗВЯЗКОЙ

В Таврический депутаты вернулись лишь 1 ноября 1916 года. Вернулись на свою пятую, последнюю, сессию. Эта сессия занимает особое место в истории всех четырех Дум. Поведение депутатов резко контрастирует с тем настроением думцев, которое было 26 июня 1914 года. Бурные дебаты с критикой председателя Совета Министров и силовых министерств выходили за рамки обычных парламентских дебатов. Это объясняется экономической разрухой, нарастанием общенационального кризиса в стране в годы войны, которая поставила Россию на грань голода и экономического истощения, вызвав антивоенные настроения в широких массах. Так, уже к августу 1916 года рост оптовых цен против довоенного уровня достигал для хлеба — 91%, сахара — 48%, мяса — 145%, соли — 256%. Розничные цены, естественно, «подросли» еще выше. Все менее охотно крестьяне продавали зерно, стали прятать его до лучших времен. На это подталкивал и выпуск правительством большого количества бумажных денег, которые обесценивались на глазах. В стране наступил товарный голод. За пуд пшеницы давали два аршина ситца, цены на гвозди выросли в 8 раз. Естественно, росло общественное негодование.

Группа членов Думы (националистов) добилась аудиенции у царя и высказала озабоченность тревожным положением в стране, но это успеха не имело. Вернулись к предложению кадетов: высказать всю правду царю с трибуны. Выступления депутатов уже на заседании 1 ноября красноречиво говорят, что обострение противоречий между народом и монархией, между Думой и правительством было вы-

звано не только поражением русских армий летом 1916 года, но и усиливавшейся в дворцовом окружении тягой к сепаратному миру с Германией. «Что это — глупость или измена?» — вопрошал Милоков в речи 1 ноября 1916 г. с трибуны Думы, обращаясь к правительству, и его речь эхом отозвалась в среде буржуазных оппозиционеров, открыто заявивших о неспособности правительства руководить страной и армией. Депутаты требовали удаления с поста председателя Совета Министров и министра иностранных дел германофила Б.В.Штюрмера, влиятельной при царском дворе «клички Распутина». Монархист В.В.Шульгин громогласно заявил, что над страной нависла угроза революции.

Среди «левых» критикой правительства отличались Керенский и Чхеидзе. В итоге речи многих названных ораторов в открытой печати были с огромными купюрами. Газеты, освещавшие работу сессии, вышли с белыми полосами и многоточиями, и в то же время «крамольные» речи депутатов (Милокова, Шульгина, Керенского, Чхеидзе и др.) были тайно перепечатаны отдельно и распространялись в Петербурге и других городах в форме листовок. С купюрами впоследствии опубликованы и стенографические отчеты заседаний пятой сессии. Репрессивные меры военной цензуры, изъятие ею острых политических высказываний депутатов вызвали новый шквал критики правительства, обостряя и без того сложную политическую обстановку в стране.

Убойную фразу в своей речи произнес Милоков, замаскировав ее под цитату из немецкой газеты «Neue Freie Presse», прямо обвинив императрицу Александру Федоровну в стремлении к сепаратному миру, а следовательно, в государственной измене⁶⁵.

Обвинения Милокова потрясли основы самодержавия, он даже сам испугался того резонанса, ибо кадет Милоков, конечно же, не хотел свержения царя, а всегда хотел только повлиять на императора, чтобы тот подарил России Конституцию. «Святочный дед» — Штюрмер тут же подал на Милокова в суд за клевету. Дело начало раскручиваться. Милоков не признавал права судить депутата за речь, произнесенную с думской трибуны. Неизвестно, чем бы закончился этот инцидент — очередное заседание суда было назначено на 25 февраля 1917 года...

⁶⁵ Государственная Дума Российской империи. Четвертый созыв. Стен. Отчет о заседании, созванном на основе Высочайшего Указа... Спб., 1914. С. 370.

Милокова поддержало абсолютное большинство Думы. На втором заседании Думы даже монархисты бросились защищать его. Лавина серьезных обвинений, свалившихся на правительство и его главу Штюмера, не могла остаться незамеченной Николаем II. Он отправил Штюмера в отставку. Но и назначение на эту должность А.Ф.Трепова не удовлетворило думскую оппозицию, о чем можно судить уже по обсуждению декларации нового главы кабинета министров, зачитанной им на заседании Думы 6 ноября 1916 года.

Александр Федорович хоть и неудержимо рвался в кресло премьера, занимая пост министра путей сообщения, и, как отмечают современники, «подсиживал» Штюмера, но оказался в нем неожиданно и для себя, и для всех остальных. Его рекомендовал Штюмер. Николаю II он imponировал своей твердостью и представлялся именно тем человеком, который может навести в стране порядок. Но Трепов был обречен на короткое премьерство, помимо недовольства Распутина и Александры Федоровны, им было недовольно и все окружение, да и сам Николай II не доверял ему, хотел только, как объяснял царице, «свалить грязную работу» – роспуск Думы. Трепов попытался «навести мосты» с Думой, он готов был убрать из своего кабинета некоторых министров (особенно ему, как и депутатам, неприятен был министр внутренних дел А. Д. Протопопов).

«Трепов, которого, конечно, нельзя подозревать в снисходительном отношении к Думе или робости перед ней, признавал невозможность работать с Протопоповым, обнаруживающим с каждым днем все более явные признаки умственного расстройства, — отмечал известный дипломат М. Палеолог. — Принятый в Могилеве императором, Трепов умолял Николая назначить другого министра внутренних дел или отправить самого Трепова в отставку. После минутного колебания, император властно заявил:

— Александр Федорович, я приказываю вам продолжать исполнять ваши обязанности с теми сотрудниками, которых я счел долгом дать вам.

Трепов вышел, закусив губы»⁶⁶.

⁶⁶ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. Москва - Петроград, Государственное издательство, 1923 г. С. 216.

19 ноября 1916 года Трепов прочел свою Декларацию депутатам. Как и Штюрмер при первом выступлении, заявил о желании сотрудничать с Думой и общественными организациями. Левые пытались устроить ему обструкцию, и 8 депутатов были удалены из заседания. Социал-демократы, трудовики резко протестовали.

«Мы остаемся на посту верными служителями народа, — воскликнул Керенский, — и говорим: страна гибнет, и в Думе нет больше спасения!» «Народ, которого здесь не видно, — поддержал его Чхеидзе, — имеет свое мнение о происходящих событиях, и я предостерегаю вас, что это мнение не только против власти, но и против вас!»⁶⁷.

Националист граф В. А. Бобринский всю свою речь посвятил нападкам на Протопопова, который сделался очередной мишенью Прогрессивного блока. Пуришкевич, обвинив во всех грехах правительство, призвал министров отправиться в Ставку, пасть к ногам царя и умолять избавить Россию от Распутина. Эти слова Пуришкевича еще более накалили обстановку. Просьба Трепова к депутатам отказать от требования сформировать ответственное министерство с негодованием ими отвергнута. Соглашение не состоялось. Более того — 22 ноября депутаты приняли резолюцию о борьбе с «темными силами» в стране и необходимости добиваться всеми силами образования Кабинета министров, готового опираться на Думу, и провести в жизнь программу ее большинства. Правда, в Прогрессивном блоке появились разногласия по этому вопросу. Чем бы дело кончилось, гадать трудно, ибо Трепова отправили в отставку. Этому способствовало убийство Распутина.

В Думе изо дня в день шла критика правительства и прежде всего министерства земледелия в связи с выступлениями его управляющего Риттиха 24 ноября, также неоднократно выступавшего с «разъяснениями» по поводу необходимости введения твердых цен на хлеб, продразверстки, продовольственных карточек. Объяснения министра депутатами Думы не принимались. Они рисовали картины растущей дороговизны, разгула спекуляции, винули министров в подрыве экономики, требовали полного расформирования правительства и

⁶⁷ Ольденбург С.С. «Царствование императора Николая II». Ростов, 1998. 568 с.

создания «ответственного министерства». Нарастала критика правительства и в прессе и достигла своего апогея 16 декабря 1916 г. Депутаты встали на защиту съездов общественных организаций, которые власти запретили проводить в Москве. В тот день в Думе с длинной речью выступил Милюков. Его слова оказались пророческими:

«Мы переживаем страшный момент. На наших глазах общественная борьба выступает из рамок строгой законности, возрождаются явочные формы 1905 г. ...Атмосфера насыщена электричеством. В воздухе чувствуется приближение грозы...»⁶⁸.

В тот же день, 16 декабря, Указом Николая II Думу распустили на «рождественские каникулы», хотя Рождество еще было далеко. На царя надавила императрица, в истеричной, а по существу в ультимативной форме, потребовала от супруга немедленного прекращения работы «рассадника вольнодумия». В истории же 16 декабря 1916 года более известно тем, что в этот день убили Г. Е. Распутина. Устранением «старца» — исчадия ада и российских бед — занималось немало людей, в том числе и два депутата Думы: В. А. Маклаков оказался в роли консультанта, а В. М. Пуришкевич — непосредственный участник.

Русское общество в конце 1916 года, если судить по печати, заботили три проблемы: министерство общественного доверия, темные силы в царском окружении и война. Единства в войне теперь уже не существовало — одни ратовали за скорейшее ее прекращение, другие требовали вести войну до победного конца. Министерство доверия каждый представлял по-своему: либералы в виде кабинета министров с их участием во главе с авторитетным и признанным лидером, члены Прогрессивного блока — в виде правительства из их состава. Социал-демократы к предложению министерства общественного доверия относились скептически, полагая, что только революция даст именно то правительство, которое нужно народу. Под темными силами подразумевались Распутин, царица-немка и все сановники, выходцы из немцев и богатые евреи. По мнению современников и многих историков, Николай II всю жизнь был «подкаблучником». Александра Федоровна помыкала им, как хотела, бесцеремонно вмешиваясь и в государственные дела, указывая, что и как нужно делать.

⁶⁸ Там же. С. 478.

ДОКУМЕНТ:**ИЗ ПИСЬМА АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ
НИКОЛАЮ II:**

«В Думе все дураки; в Ставке сплошные идиоты; в Синоде одни только животные; министры — мерзавцы. Дипломатов надо перевешать; разгони их всех, назначь... новых министров, поскорей закрой Думу... Думу надо прихлопнуть; заставь их дрожать. Все они должны научиться дрожать перед тобой — тебя должны бояться. Покажи, что ты хозяин!.. Мы, слава Богу, не конституционное государство и не смеем им быть. Наш народ не подготовлен к этому, и, слава Богу, наш император-самодержец!..» — писала царица мужу⁶⁹.

Став Верховным главнокомандующим и уехав в Могилев, Николай II предоставил царице функции соправительницы, хотя и посоветовал ей как можно чаще консультироваться с министрами и действовать через их посредство, а также распорядился, чтобы те в свою очередь держали императрицу в курсе всех дел и событий. Постепенно Александра Федоровна вкупе с Распутиным и Вырубовой стали заправлять всеми кадровыми назначениями. Общество уже не роптало — негодовало, обвиняя царицу в измене.

Хотим этого или нет, но нельзя обойти вниманием Григория Ефимовича Распутина, не имевшего прямого отношения к власти, политическим партиям, но вошедшего в историю России и плеснувшего не одну баночку керосина в разжигание пожара революции 1917 года. Поскольку о Распутине написано достаточно много, то коснемся лишь тех фактов, которые имеют отношение к разжиганию революции.

Распутин обладал уникальными способностями и редкостными возможностями по воздействию на людей, поэтому его совершенно невероятный для простого тобольского мужика взлет и неслыханная карьера явились вовсе не случайностью. Помимо несомненного дара внушения, который сам Распутин отрицал, он обладал колоссальной энергией, проявлявшейся в самых разных формах. Как свидетельствуют материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного

⁶⁹ Цит. по Отечественная история. XX век. М., 1996. 149 с.

правительства, занимавшейся изучением истории его восхождения и влияния на царскую фамилию, буйство его природы находило выход в диком разгуле и необузданных вспышках чувственности, будивших в нем, по его же признаниям, «блудного беса». Показания целого ряда лиц свидетельствуют о том, что он даже в последний период своей жизни мог кутить и пить с полудня до 4 часов утра, а затем отправиться к заутрене, отстоять службу до 8 часов утра и, вернувшись домой, напившись крепкого чая, до 2 часов дня принимать просителей, поток которых исчислялся многими и многими десятками. Его сильнейшее биополе буквально притягивало к нему людей, вызывая у многих страстное желание приблизиться и даже прикоснуться к нему. Правда, с усилением влияния старца в «свете» вокруг него все больше стало появляться лиц, преследовавших собственные корыстные цели.

Эпизодов, раскрывающих талант Распутина именно как врача-лечебника достаточно много. Причем приемы и методы лечения были самыми различными: от трав и настоев по сибирским рецептам до почти шаманских нашептываний и жестов. И именно то, что Распутину удавалось неоднократно помочь находившемуся в тяжелейшем состоянии царевичу, на долгие годы невидимой, но прочной нитью связало его с царской семьей. Как утверждал дворцовый комендант В.Воейков, с первого же раза, когда Распутин появился у постели больного наследника, облегчение последовало немедленно. Если бы Распутин занимался только врачеванием, худого в том ничего не было бы. Но, пользуясь своим авторитетом, хотел он этого или нет, он во многом стал определять политику Николая II.

ВОТ ЛИШЬ ОДНО ИЗ ПИСЕМ РАСПУТИНА ЦАРИЦЕ (ОТ 15.03.1915).

«Дорогая моя Мама! Подумай над всем, что я тебе пишу! Твоя вся жизнь — в твоём Солнышке. Потому без него какая тебе радость? Зачем строить гнездо, если знаешь, что его ветром отнесет? Так. Для сохранения всего — не только гнезда, но всего леса, надо поубрать тех, кто этот лес с трех концов поджигает. А кто они поджигатели: с одного конца Гучков со своей партией — он, ты уже мне поверь — он, над разбойниками-разбойник. Он не только гнездо подожжет, птенчиков переловит и в огонь бросит. Второй врач — это братья и родичи Папы. Они только ждут,

чтобы кинуть спичку. И третий самый страшный врач — война. Потому ежели все по-хорошему будет, все на своем месте, то никакой чужой, охотник в той лес не заберется, а так двери открыты! Открыты двери! Вот. Теперь, как же уберечь гнездо? А вот как? Говорит Папа: «Не хочу позорного мира, будем воевать до победы!» Он, как бык, в одну сторону: «Воевать до победы!»

А победу пушай достают солдаты. А кресты и награды — генералам. Ловко! Добро, солдат еще не очухался. А очухается, — тогда што? А посему... Шепни ты ему, што ждуть «победы» — значит терять все. Сгорит и лба не перекрестит, а посему вот мой сказ: свидется с... У его все как на ладошке, а потом ежели што — для форм — поторгуйся.

А еще к тебе просьба, сию бумагу насчет осушки болот пушай Папа подпишет. И сделать сие не забором, штобы Дума не пронюхала. А Думу — закрыть. Закрыть Думу! А то Гучков нас всех прикроет. Из- под его крышки, не выскочить!. Вот.

В сию мою молитву Солнышку под головку! А за сим — молюсь за тебя»⁷⁰.

Чем не инструкция для Государя? А, кстати, предвидение старца, высказанное в письме, подтвердилось, если смотреть с сегодняшнего дня.

Именно через Распутина и Вырубову проходили многие назначения на высшие государственные должности, отмечают авторы монографии «Николай II». Сообщения и доклады о неблагоприятных деяниях «старца» поступали в Царское Село неоднократно. Так, проведшая три недели в селе Покровском вместе с Распутиным няня царских детей М.Н.Вишнякова по возвращении в Петербург призналась государыне в своем «грехе» — половой связи с Григорием, попутно сообщив о том, что на обратном пути в столицу видела его в купе ночью с другой их спутницей — 3.Мандштет. По словам фрейлины С. М. Тютчевой, государыня, выслушав ее рассказ, заявила, что не верит этим сплетням; видит в них работу темных сил, желающих погубить Распутина, и запретила говорить об этом государю. Когда же эти слухи дошли до

⁷⁰ Цит. по «Московский комсомолец», 2008, 2 апреля.

Николая II, и ей пришлось объяснять происшедшее, то результатом явилась отставка... Тютчевой.

Аналогичная участь постигла и товарища министра внутренних дел генерала Джунковского, представившего царю записку о тлетворности влияния Распутина, где ее автор высказывал предположение, что тот является орудием какого-нибудь сообщества, влекущего Россию к гибели. Разрешив Джунковскому дальнейшее наблюдение за Распутиным, Николай вскоре настоял на немедленной отставке генерала.

Без высочайшего внимания был оставлен и доклад, сделанный императору П. А. Столыпиным, который первоначально относился к Распутину весьма доброжелательно, по крайней мере, даже пригласил последнего помолиться у постели дочери, раненой во время взрыва террористами его дачи на Аптекарском острове. Однако уже вскоре, очевидно под влиянием дошедшей до него информации из донесений филеров и сообщений полицейского департамента, Столыпин резко переменял свое отношение к старцу и потребовал удаления от двора. Его преемник на посту председателя Совета министров Коковцов в резкой форме также выразил свое отрицательное отношение к Распутину.

Став председателем Совета министров, Трепов предложил Распутину 200 тысяч рублей с условием, что тот перестанет вмешиваться в государственные дела. Если к этому добавить многочисленные запросы и речи в Думе, резкие выпады прессы, которые, несомненно, доходили до Царского Села, то следует признать, что предостерегающих голосов раздавалось более чем достаточно. Последним предупреждением императорской семье явилось выступление М. Пуришкевича на заседании Государственной Думы в ноябре 1916 года.

«Надо, чтобы впредь недостаточно было рекомендации Распутина для назначения гнуснейших лиц на самые высокие посты, — говорил он. — Распутин в настоящее время опаснее, чем некогда был Лжедмитрий... Господа министры! Если вы истинные патриоты, ступайте туда, в царскую Ставку, бросьтесь к ногам царя и просите избавить Россию от Распутина и распутинцев, больших и малых»⁷¹.

⁷¹ Государственная Дума Российской империи. Четвертый созыв. Стен. Отчет о заседании, созванном на основе Высочайшего Указа... Спб., 1914. С. 480.

Однако все разбивалось о глухоту и слепоту царской четы. Между тем ропот нарастал. Негодовала уже практически вся Россия. И тогда монархисты решили убрать ненавистного Гришку Распутина и тем самым спасти честь царской семьи и России. Сделали это князь Феликс Юсупов и член Государственной Думы Пуришкевич. По утверждению печати, большинства современников и историков, реакция на это убийство была однозначной: оно воспринималось как величайшее благо. Английские и французские газеты в эти дни помещали поздравления народу России по случаю счастливого избавления его от «темной силы» и «национального позора». Под портретами Феликса и Ирины Юсуповых в английской «Таймс» была более чем выразительная подпись – «Спасители России». Массовое ликование петербуржцев отметил в своем дневнике и французский посол в России М. Палеолог.

Смерть Распутина не привела к желаемым результатам – авторитет царской семьи оставался по-прежнему низок, и «темных сил» в окружении Николая II нисколько не уменьшилось. Наоборот, трещина между царем и народом, Думой расширилась, ибо смерть «старца» озлобила императрицу, которая имела огромное влияние на венценосного супруга. Как отмечают историки (И. Лукоянов, в частности), это обострило политическую ситуацию в стране, способствуя революционной развязке.

Недовольство Николаем II брызгало и «наверху», где бродила мысль о дворцовом перевороте. Дошло до того, что представитель союза городов, Тифлисский городской голова Хатисов, поехал на Кавказ и предложил Великому князю Николаю Николаевичу свергнуть брата и провозгласить себя царем. Бывший Верховный Главнокомандующий, хотя и имел зуб на Николая II, но отверг это предложение. Дворцовый переворот не нашел поддержки и среди политических партий, особенно резко осуждали эту идею кадеты, хотя октябрист А. И Гучков, по его признанию, принимал в подготовке самое активное участие, но технически выполнить задуманное оказалось непросто.

Под нажимом императрицы, чтобы не упустить власть, Николай II делает 19 декабря 1916 года очередную перетряску правительства. Новым председателем Совета Министров, правда, опять ненадолго и опять-таки неожиданно, становится князь Николай Дмитриевич

Голицын, человек преклонных лет, послуживший губернатором в Архангельске, Калуге, Твери, а затем ставший членом Государственного Совета.

ПОСЛУШАЕМ ОЧЕВИДЦА. А. Ф. КЕРЕНСКИЙ:

«Это назначение носило весьма курьезный характер, если учесть, что новый глава правительства, которому предстояло в этот критический момент принять на себя руководство всей внутренней и внешней политикой страны, со слезами на глазах умолял царя не назначать его на столь ответственный пост, да еще в военное время. Но все мольбы его оказались напрасными. Впрочем, он и получил такое назначение именно потому, что не имел никакого опыта в делах государства и отмечался полным отсутствием собственной воли. Отныне вся власть сконцентрировалась в руках Протопопова и его подручных»⁷².

За последние два с половиной года царствования Николай II сменил четырех премьеров, тридцать министров, существенно обновил Государственный Совет, назначив 18 новых членов, переведя в разряд неприсутствующих 16 старых членов. Все назначения из рядов правых. Председателем Госсовета стал И. Г. Щегловитов. Обновить же Думу вот так, росчерком пера, царь не мог, хотя и был очень недоволен ею. Дума не удовлетворяла не только Николая II, но и крупную буржуазию, в первую очередь землевладельцев. Поспешное приостановление работы Думы в декабре 1916 года немного остудило горячие головы депутатов, убавило пыл ее ораторов после почти месячных «каникул». В день возобновления работы пятой сессии 14 февраля 1917-го к стенам Таврического пришла демонстрация рабочих, что свидетельствовало о росте, популярности народного представительства. Но «заговорившая улица» не обрадовала, а, наоборот, испугала депутатов — в их речах возобладал сдержанный характер выступлений.

Перед открытием сессии, 1 февраля, Родзянко отправился с всеподданнейшим докладом к царю.

Образовалось два лагеря — на одной стороне правительство, на другой — Дума и народ, говорил он. Война также показала,

⁷² Керенский А.Ф. «Россия на историческом повороте». М., 1993. 129 с.

что без участия народа страной править нельзя. Нужно самое тесное единение власти с народом во всех областях жизни. К сожалению, этого нет. И правительство все ширит пропасть. С прежней силой возобновились аресты, высылки, притеснения печати. Под подозрением находятся даже те элементы, на которых раньше опиралось правительство, под подозрением вся Россия. Государственной Думе грозят роспуском. При всех этих условиях никакие героические усилия, предпринимаемые Председателем Государственной Думы, не могут заставить Государственную Думу идти по указке правительства, и едва ли Председатель, принимая со своей стороны для этого какие-либо меры, был бы прав и перед народным представительством, и перед страной. Государственная Дума потеряла бы доверие к себе страны, и тогда, по всему вероятно, страна, изнемогая от тягот жизни, ввиду создавшихся неурядиц в управлении, сама могла бы стать на защиту своих законных прав. Этого допустить никак нельзя. Это надо всячески предотвратить и это составляет нашу основную задачу. Государственной Думе грозят роспуском, но ведь она в настоящее время по своей умеренности и настроением далеко отстала от страны. Изменение же состава народных представителей для Родзянко было крайне опасным. Поэтому необходимо, немедля же разрешить вопрос о продлении полномочий нынешнего состава Государственной Думы вне зависимости от ее действий.

Царь, явно раздраженный позицией Родзянко, предупредил его, что Думе будет позволено продолжить заседание лишь в том случае, если она не допустит новых непристойных выпадов в адрес правительства, и отказался дать согласие на просьбу Родзянко об удалении наиболее непопулярных министров.

Видимо, почувствовав, что это его последний доклад, Родзянко стал нажимать на Николая II...

«Я по всему вижу, что вас повели на самый опасный путь... Вы хотите распустить Думу... Еще есть время, еще возможно все изменить и дать стране ответственное правительство. Видимо, этому не суждено сбыться. Ваше Величество, вы выражаете несогласие со мной, и все останется, как было... Я вас преду-

преждаю, я убежден, что не пройдет трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет вас, и вы уже не будете царствовать»⁷³.

Пророчества Родзянко сбылось.

«Когда 15 февраля открылось заседание Думы, — вспоминает А.Ф. Керенский, — в повестке дня стоял вопрос о ее роли в противостоянии между властью и страной, близившийся к своей высшей точке. Милоков заявил, что, по его мнению, страна далеко опередила свое правительство. Но мысль и воля страны только случайно, через узкие щели, которые оставляет мертвый бюрократический механизм, может превратиться в полезное действие. Все чаще из глубины России мысль несется с надеждой к Государственной Думе. В то же время его “несколько смущают” подобные призывы к действию, ибо, как он выразился, “наше слово есть уже наше дело»⁷⁴.

Выступавший вслед за Милоковым Керенский пошел дальше:

«Исторической задачей русского народа в настоящий момент является задача уничтожения средневекового режима немедленно, во чтобы то ни стало, героическими личными жертвами».

Родзянко прервал оратора и спросил, что он имеет в виду? Керенский ответил:

«Я имею в виду то, что свершил Брут во времена Древнего Рима»⁷⁵.

Правительство потребовало у Родзянко стенограмму речи Керенского, Председатель Думы в этом отказал. Вопрос о привлечении оратора к суду за революционные призывы остался открытым. В воздухе запахло грозой...

⁷³ Родзянко М.В. Государственная дума и Февральская 1917 года революция. «Архив русской революции». М., 1991. Т.6. 45–47 с.

⁷⁴ Керенский А.Ф. «Россия на историческом повороте». М., 1993. 131 с.

⁷⁵ Там же.

И ГРЯНУЛ ГРОМ... ФЕВРАЛЬСКИЙ

Если судить по печати, то в первые годы войны Россия особенно бурлила — людей сдерживали законы военного времени. Но нет-нет, да забастовки, стачки случались. В мае 1915-го в Москве произошел антинемецкий погром, в августе забастовали иваново-вознесенские рабочие. Применение властью силы для подавления забастовки породило новые стачки солидарности. В январе 1916 года рабочие Петрограда отметили годовщину «кровавого воскресенья» забастовкой, в которой участвовало более ста тысяч человек. В феврале прошли забастовки в столице. Летом того же года восстали туземцы Туркестана, коренное население этого района было возмущено тем, что у него отнимали лучшие земли в пользу русских переселенцев. Во время войны резко возросли налоги, и наконец в разгар сельхозработ по царскому указу почти 500 тысяч человек трудоспособного возраста мобилизовали на строительство укрепрайонов в прифронтной полосе.

Заметно поменялась за годы войны русская армия, она выросла численно, место миллионов погибших, составлявших цвет армии, заняли вчерашние крестьяне. Если раньше офицерами могли быть только дворяне, то сейчас в прапорщики производили отличившихся солдат, в офицерские училища принимали даже «политически неблагонадежных». Участились случаи неповиновения солдат. Антивоенные настроения у них росли под влиянием писем из родных мест. Среди солдат почти легально распространялись революционные листовки.

К началу 1917 года в Петрограде скопилось около 200 тысяч солдат. Большею частью новобранцев, не нюхавших пороха. Имелись и группы вышедших из госпиталей раненых. Накапливались резервные силы, предполагалось бросить их на фронт в марте, к началу плани-

ровавшегося наступления. В казармах на нарах в три этажа в основном рабоче-крестьянская масса жила интересами своих семей. Будто губка, она впитывала все слухи, сплетни. Вышедшие из лазаретов солдаты рассказывали об ураганных потерях, о газах, вшах и других превратностях окопной жизни. Эта масса отнюдь не хотела на фронт, наоборот, она проникалась ожиданием некоего чуда, которое избавило бы от необходимости «идти на убой».

Ситуация, сложившаяся к середине февраля 1917-го, довольно-таки полно отражена прессой тех дней. Газеты сообщали, что 14 февраля, в день открытия очередного заседания Думы, рабочие и солдаты придут к Таврическому, дабы передать наказы народным избранникам о перебоях с продовольствием. Родзянко через «Биржевые ведомости» обращался к петроградцам:

«Я считаю, все уличные выступления крайне вредными для нашего общего дела... Искренне надеюсь, что рабочие от этого воздержаться...».

20 февраля «Речь» писала:

«Иstekшая неделя представляет исключительный политический интерес благодаря открытию сессии Государственной думы...Надежды на сознательное отношение рабочего класса к важности переживаемого момента вполне оправдались...».

До революции оставалось несколько суток, но, как видим, прихода ее пресса и общество не чувствовали.

Волнения, забастовки, многотысячные митинги и манифестации, и даже мелкие стычки с полицией были, а революция не начиналась. Почему? Не было движущей силы, не определилась армия. А армия — это многомиллионная масса, и хотя она состояла из вчерашних рабочих и крестьян, которые несли на своих плечах тяжелое бремя нужды, но солдатские массы колебались. Во-первых, они все еще верили в доброго царя-батюшку, а все зло видели в его окружении, во-вторых, семьей и церковью они были воспитаны в повиновении, а армия приучила к дисциплине. Перешагнуть это не так просто. А еще удерживал и страх — они знали, как карают смутьянов. В.Шульгин, вспоминая те дни, воспроизводит рассказ представителя Петросовета Н.Д.Соколова:

«Перед тем, как должна была собраться Государственная дума, произошло совещание революционных организаций Петрограда, как рабочих, так и солдатских. Представители рабочих предложили организовать уличные демонстрации. Солдатские же представители ответили: «Для чего вы нас зовете? Если для революции, то мы выйдем на улицы, но если для манифестации, — то не выйдем, потому что, вы, рабочие, после уличных манифестаций можете вернуться к себе на фабрики, а мы, солдаты, не можем — нас будут расстреливать. Представители рабочих признали эти соображения правильными и заявили, что к революции они не готовы...

Они, революционеры, не были готовы, но она, революция, была готова. Ибо революция только наполовину создается из революционного напора революционеров. Другая ее половина, а может быть три четверти, состоит в ощущении властью своего собственного бессилия», — заключает Шульгин⁷⁶.

Шульгин прав: власть металась, не знала, как быть. И без того сложную ситуацию в стране обострила суровая зима 1916–1917-х. В январе стояли трескучие морозы, в феврале — снежные заносы буквально парализовали пол-России, останавливались поезда, в Петрограде остро встал вопрос с топливом, продовольствием. По городу поползли слухи, что хлеба скоро вообще не будет, вот-вот грянет голод. И слухи имели под собой основания. На железнодорожных станциях сосредоточилось более 150 тысяч вагонов и паровозов, подвоз продовольствия к Петрограду практически приостановился. На Урале, на Дону специально задерживались эшелоны с хлебом для Центральной России. Люди начали делать запасы, сушить сухари. Точно такие же проблемы возникли и с топливом. Эшелоны с углем до Петрограда не доходили⁷⁷.

Эти факты в истории России до сих пор остаются белым пятном. Чьей могущественной рукой останавливались поезда с хлебом, углем? Кто отдавал команду? Чем руководствовался? Кто распускал слухи?

Ответа на эти вопросы нет и донныне. Ясно одно — это осознанные действия. Они преследовали одну цель — вызвать недовольство

⁷⁶ Шульгин В.В. «Дни». М., 1989. 165 с.

⁷⁷ «Известия», 01.02.07 г.

народа. Некоторые авторы делают туманные намеки на некие могущественные силы. Так, С.Ольденбург ссылается на выступление Н.А.Маклакова 26 ноября 1916 года в Государственной Думе.

«С самого начала войны, — сказал он, — началась хорошо замаскированная святыми словами, тонкая и искусная работа... Русскому народу стали прививать и внушать, что для войны и победы нужно то, что в действительности должно было вести к разложению и распаду... Это была ложь, господа, для большинства бессознательная, а для меньшинства, стремившегося захватить руководство политической жизнью страны, ложь сознательная. И, едва ли не преступная...»⁷⁸.

Маклаков, занимавший накануне революции должность министра внутренних дел, знал больше других. Не мог не знать о решениях съезда масонов в Париже, об активных действиях социал-демократических партий, не мог не знать и о заявлениях Шиффа, который обещал свергнуть российское правительство еще в 1905 году, финансировал революцию 1905-го года, продолжал это делать и все последующие годы. Незадолго до свержения самодержавия в Петроград прибыл один из лидеров мирового масонства — банкир лорд Мильнер. Говоря о его миссии, ирландский представитель в британском парламенте заметил, что лорда Мильнера послали в Петроград, чтобы подготовить там революцию. Накануне Февраля посольства Англии и Франции в России стали местом совещаний масонов-заговорщиков. На одном из них присутствовал и командующий Северным фронтом генерал Рузский, сыгравший важную роль при отречении Николая II от престола. На этом совещании, пишет журнал «Наш современник» (1995 г., № 11, с.202—203), обсуждался план свержения русского царя. Собравшиеся назвали даже конкретную дату, когда сие случится, — 22 февраля 1917 года. Получается, что отнюдь не случайно начались волнения в Петрограде.

ЧИТАЕМ ПРЕССУ. «ПРАВДА», 5 МАРТА 1917 ГОДА:

«...18 февраля на Путиловском заводе забастовала одна мастерская... Избрана делегация к дирекции для предъявления

⁷⁸ Ольденбург С.С. «Царствование императора Николая II». Ростов, 1998. 530 с.

требований. Делегация ходила к директору, который грозил расчетом.

21-ого митинги были по всему заводу. 22-ого объявлен локаут. Рабочие к работе не приступили, а 22-ого, когда они явились на работу, увидели объявление о том, что завод закрыт на неопределенное время...».

Путиловцев поддержали рабочие других предприятий. 23 февраля бастовало 78,5 тысяч. Народ хлынул на улицы. Толпа требовала: «Хлеба!». «В 3 часа дня, — доносил начальник Петроградского охранного отделения генерал Глобачев министру МВД Протопопову, — после заявления администрации булочной Филиппова о том, что нет хлеба, оставшиеся неудовлетворенными 300 человек стали бросать в окна магазина глыбы льда, после чего, проникнув в магазин, провели там полный разгром»⁷⁹.

В этот же день на улицах, заводах и фабриках, в казармах появились первые листовки Петербургского межрайонного комитета РСДРП. В них говорилось:

«...Уже третий год тянется эта ужасная бойня. Отцы наши, мужья и братья гибнут. Близкие приходят домой несчастными и калеками. Царское правительство послало их на фронт и искалечило, убило, а о пропитании не заботится. Оно без конца лило и льет рабочую кровь... Страшная дороговизна растет во всех городах, голод стучится во все окна. В деревнях отнимают последний хлеб и скот на войну. Мы часами стоим в очередях. Дети наши голодают. Сколько их вовсе осталось без присмотра и потеряло родителей...» В конце листовка призывала: «Долой самодержавие! Да здравствует революция! Да здравствует Временное революционное правительство! Долой войну! Да здравствует Демократическая Республика!»⁸⁰.

Волнения, возникшие в Петрограде и других городах из-за перебоев с хлебом и топливом, начали принимать угрожающие размеры. Гром грохотал над Россией все раскатистей. Власти пытались не допустить бури.

⁷⁹ Февральская революция 1917 года. Сб. документов. М., 1996. С. 24.

⁸⁰ Там же. С. 19–21.

ДОКУМЕНТ

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ НАЧАЛЬНИКА ПЕТРОГРАДСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕН- ТА ПОЛИЦИИ ГЕНЕРАЛУ ВАСИЛЬЕВУ О СОБЫТИЯХ В СТОЛИЦЕ.

«Происходившие вчера (24 февраля — *Авт.*) забастовки рабочих по поводу недостачи хлеба сегодня продолжались, причем в течение дня не работало 131 предприятие с 158 583 человеками. Явившись с утра на заводы, мастерские решивших бастовать предприятий, после непродолжительных совещаний, расходились частью по домам, а часть выходили на улицы и производили беспорядки. В 9 часов утра, вышедшая с завода Кона, толпа рабочих соединилась на Б. Пушкарской улице с вышедшими ей навстречу рабочими завода Эриксон и направилась по району 1-го участка Петроградской части, по пути снимала с работ не нарушивших до их появления порядка мастеров. Таким образом, толпа вскоре разрослась до 2-3 тысяч человек...»⁸¹.

Генерал Глобачев подробно, на 5 листах, информировал шефа обо всем происходящем. Из донесения следует, что рабочие начали громить лавки, произошли первые стычки с полицией. Но в основном рабочие в городе шли на митинги, ораторы призывали к ниспровержению существующего строя. Кто-то из ораторов призывал идти за поддержкой и справедливостью к Думе. Рабочие верили депутатам, тем более что накануне Дума инициировала спешный запрос 30 депутатов председателю Совета Министров, Военному и Морскому министрам по поводу забастовок на Путиловском и Ижорском заводах. В дополнение к этому запросу в конце заседания Думы Милюков от имени Прогрессивного блока внес следующий проект резолюции:

«Признавая необходимыми:

- 1) чтобы правительство немедленно приняло меры для обеспечения продовольствием населения столицы, так же, как и других городов,

⁸¹ Там же. С. 19–21.

- 2) чтобы, в частности, были немедленно удовлетворены продовольствием рабочие заводов, работающие на оборону,
- 3) чтобы для распределения продовольствия были теперь же широко привлечены городские самоуправления и общественные элементы и организованы продовольственные комитеты...»

От имени трудовиков Керенский предлагает еще один пункт:

«Все уволенные рабочие Путиловского завода должны быть приняты обратно и деятельность завода немедленно восстановлена»⁸².

Но резолюция эта никакого эффекта не имела, напряжения не сняла, наоборот, оно нарастало. Расшатывались скрепы, надламывались спайки, слышался везде зловещий треск — весь государственный уклад России разваливался.

Правительство не ставило себе принципиальных задач: идти вперед было ему страшно (да, пожалуй, и поздно), идти назад — стыдно, да и царь не велел. У правительства имелся еще один изъян: оно ни на кого не опиралось; оно не удовлетворяло ни крестьян, ни рабочих, ни торгово-промышленные круги, ни чиновничество, ни общественных деятелей, ни землевладельцев, не удовлетворяло оно ни фронт, ни тыл, ни левых, ни правых. Оно оказалось как бы под колпаком, ничего особенного не опасаясь, хотя, как уже говорилось выше, в Петрограде начались забастовки. Шеф охраны, генерал Глобачев продолжает слать секретные доклады «наверх», в которых сообщает о нарастающем недовольстве населения, высказывает опасение, как бы это не явилось последним этапом на пути к началу беспощадных эксцессов самой ужасной из всех революций. Правительство его не слышит. Не придает особого значения начавшимся забастовкам и царь.

Придя в духовное равновесие после похорон «друга семьи» Распутина, 22 февраля 1917 года, он уезжает на фронт, в Ставку, которая находилась в Могилеве. Американский историк Р. Пайпс отмечает, что революция разворачивалась на фоне несмолкающей трескотни антиправительственных речей в Думе. И повели наступле-

⁸² Государственная Дума Российской империи. Четвертый созыв. Стен. Отчет о заседании, созванном на основе Высочайшего Указа... СПб., 1914. С. 1739–1758.

ние на власть все те же, знакомые нам лица: Милюков, Керенский, Чхеидзе... Обвиняя, требуя, угрожая⁸³...

Между тем напряжение в Петрограде нарастает под действием революционных партий, всевозможных листовок, митингов. Лозунг «Мира и хлеба!», доминировавший на первых порах, тонет среди транспарантов с призывом – «Долой войну!», «Долой самодержавие!». Казаки и другие воинские части, вызванные на помощь полиции, пытаются разогнать манифестантов. Но тщетно. Заволновалось правительство, занервничала императрица, требуя от супруга наказать не только зачинщиков, но и депутатов. 24 февраля она сообщала царю о беспорядках на Васильевском острове и на Невском, о том, что люди приступом брали булочные, и высказывала пожелания повесить Керенского за его ужасную речь в Думе, что послужит уроком для других смутьянов.

25 февраля она снова информирует Николая II, что хулиганские действия продолжаются, но считает, что это все пройдет и успокоится, если только Дума будет хорошо вести себя. Снова высказывает пожелание строго наказывать участников, ибо теперь военное время. Некоторые зарубежные историки (Мэсси, Фрэнкэнд, Пайпс, Харкэйв) полагают, что в этот момент волнения можно было пресечь, но Хабалов, как и Протопопов, премьер Голицын, проявили нерешительность. Так-то оно так, но джинна уже выпустили из бутылки, и обратно загнать его не так просто, усмирить народ, доведенный до отчаяния, едва бы удалось. И все-таки у Николая II шанс был – армия еще колебалась. Согласись он, как требовала Дума, на создание ответственного министерства, сделай другие уступки по расширению полномочий народного представительства, прими меры по улучшению снабжения Питера мукой, то, как показывает опыт той же Англии, возможно, и сохранил бы свою корону. Но история сослагательного наклонения не имеет. Тем более Николай II не собирался делиться с кем-то своей властью.

Сообщения о том, что беспорядки в столице разрастаются, он получил только 25 февраля и тут же по телеграфу повелел командующему Петроградским военным округом Хабалову: завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны. Повелеть-то можно, но как исполнить это повеление? 25 февраля началась

⁸³ Пайпс Р. «Русская революция. В 3 кн». М., 2005. Т.1. 374 с.

всеобщая политическая забастовка, не работало 173 предприятия, на работу не вышло свыше 200 тысяч человек. Во исполнение царских повелений против народа были брошены дополнительные казачьи отряды и пехотные подразделения. Но они не особенно ретиво стали выполнять приказ... Тем временем на сцене истории, вернее на Олимпе власти, появились и все более утверждались новые действующие лица – Петербургский межрайонный комитет РСДРП(б) и Петроградский Совет рабочих депутатов. Последнего как такового еще не было ни 23, ни 24, ни 25 февраля, как помнит читатель, его членов арестовали в 1905 году и отправили в ссылку. Вышедшие из тюрьмы меньшевики-оборонцы К.Гвоздев и Б.Богданов вместе с депутатами Н.Чхеидзе и М.Скоблевым реанимировали Петросовет, призвав рабочих предприятий избрать своих представителей на его организационное собрание. 25 февраля от имени Петросовета по заводам и фабрикам, воинским частям наряду с лозунгом «Долой царское самодержавие!» начал активно распространяться призыв «Да здравствует Совет рабочих депутатов!». Характерно, что социал-демократов было не так уж и много, как и рабочих, во всяком случае, по воспоминаниям участников, на первом заседании Петросовета, состоявшемся 27 февраля, делегатов от рабочих присутствовало не более 40–50 из 200⁸⁴. Но, как известно, «города берут не количеством, а умением». На первом заседании Совета рабочих и солдатских депутатов (кстати, дополнение «и солдатских депутатов» на первом заседании внес В.Молотов) появилась идея иметь свой печатный орган. Им стала газета «Известия». Первый номер печатался в типографии газеты «Копейка». Наряду с решениями Петросовета, в этом номере напечатан и Манифест большевиков. В нем, в частности, говорилось:

«Твердыни русского царизма пали. Благоденствие царской шайки, построенное на костях народа, рухнуло. Столица в руках восставшего народа. Революционный пролетариат и революционная армия должны спасти страну от окончательной гибели и краха, который приготовило царское правительство...

Задача рабочего класса и революционной армии – создать Временное революционное правительство, которое должно

⁸⁴ Никонов В. Молотов. «Наше дело правое. В 2 кн.», 2016. Т.1. 4 с.

встать во главе нового нарождающегося республиканского строя. Временное революционное правительство должно взять на себя создание временных законов, защищавших все права и вольности народа, конфискацию монастырских, помещичьих, кабинетных и удельных земель и передать их народу, введение 8-часового дня и созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, без различия пола, национальности и вероисповедания, прямого, равного избирательного права с тайной подачей голосов».

Пока Дума размышляла, что ей делать, пока правительство выжидало, Петрокомитет РСДРП(б) потихонечку брал руководство стихийным движением масс в свои руки, направляя его в революционное русло, предлагая рабочим 27 февраля приступить к устройству баррикад, прекращению подачи городу электроэнергии, создавать на заводах и фабриках заводские комитеты...

Дума пыталась утвердить законопроект о передаче снабжения продовольствием объединенной комиссии Союзов городов и земств. Дебаты шли с 11 утра и прерваны после полудня. Очередное заседание намечалось на 28 февраля, но ему уже не суждено открыться... 26 февраля, в воскресенье, люди вышли на улицы несколько позже обычного. Это ввело в заблуждение командующего войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенанта С.Хабалова, утром он телеграфировал царю, что в столице наблюдается спокойствие. Но вскоре на улицах появились манифестанты, зазвучали выстрелы — полиция и войска, пытаясь разогнать толпы народа, открыли стрельбу. Полилась кровь... Около 4-х часов дня случилось и неординарное происшествие, повернувшее ход истории в иное русло: 4-я рота запасного батальона Павловского полка, в которой основательно поработали агитаторы, столкнувшись на улице с казаками и полицией, разгонявшими толпу, открыла огонь по ним, став на сторону народа. Район быстро оцепили, спешно прибывшим на место происшествия священнику и командиру удалось «урезонить» павловцев и увести их в казармы. 19 зачинщиков арестовали. Это еще больше взбудоражило павловцев.

Депутаты бросились к Родзянко — воздействовать на военные власти для предотвращения кровопролития мирно митингующих людей, а в значительной степени — идущих по делам обывателей, среди

которых было много женщин и детей. Проехав по Петрограду, Родзянко схватился за голову: город походил на военный лагерь. Это уже не просто народное волнение, приходит к выводу он, — начинается настоящая революция, и нужно принимать безотлагательно надлежащие энергичные меры. О чем и говорит Военному министру Беляеву, предлагает кн. Голицыну срочно созвать Совет Министров с участием представителей законодательных Палат, Земского и Городского самоуправления, дабы совместными усилиями выработать те меры, которые могли бы, хотя и временно, успокоить народ. Его не слышат.

В Думе Родзянко поделился впечатлениями, вынесенными им из бесед с министрами. Состоялось совещание Прогрессивного блока, на котором кадеты выдвинули вопрос о необходимости экстренного заседания Думы. Предложение не встретило сочувствия среди октябристов, и вопрос остался открытым. Вечером в Таврическом планировалось заседание сеньорен-конвента, однако не было кворума. Родзянко предлагает созвать в понедельник, в 12 часов дня, совещание старейшин, а пополудни — совещание всех думских фракций.

Петроград бурлит. Родзянко пытается повлиять на ход событий, телеграфирует в Могилев царю:

«Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах идет беспорядочная стрельба, части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на Венценосца»⁸⁵.

Вместо ответа на свою телеграмму Николаю II Родзянко получает от кн. Голицына «бланковый указ», гласящий:

«На основании статьи 99 Основного государственного законодательства повелеваем: занятия Государственной Думы прервать с 26 февраля сего года и назначить срок их возобновления не позднее апреля 1917 года...»⁸⁶.

⁸⁵ Государственная Дума Российской империи. Четвертый созыв. Стен. Отчет о заседании, созванном на основе Высочайшего Указа... Спб., 1914. С. 3—9.

⁸⁶ Там же. С. 104.

Словесная борьба кончилась. Она не предотвратила революцию. Может быть, даже ускорила. Обратите внимание на очень существенную деталь — царь не распускает Государственную Думу, а прерывает ее работу на время, причем короткое, и указывает возобновить занятия «не позднее апреля 1917 года». К сожалению, депутаты не воспользовались этим указанием.

ПОСЛЕДНЯЯ КАПЛЯ

Ночь с 26 на 27 февраля в Петрограде была тревожной, хотя основная масса демонстрантов разошлась по домам. Центр города оставался занятым царскими войсками. На всех перекрестках Невского проспекта и некоторых других улицах стояли караулы, по мостовым разъезжали конные патрули. Со здания Адмиралтейства мощный прожектор освещал весь Невский проспект. Власть готовилась было развить свой успех... Но в 7 утра капнула последняя капля, и чаша весов стремительно пошла к революции — восстал батальон Волынского полка.

Ночью, то ли по собственной инициативе, то ли по чьему-то указанию, унтер-офицер Кирпичников собрал солдат и убеждал их выступить против самодержавия, поддержать народ. Штабс-капитан Лашкевич возражал ему, попытался разубедить подчиненных, склонявшихся принять участие в революции, приказал им выходить на улицу для пресечения беспорядков. Тогда Кирпичников потребовал, чтобы штабс-капитан покинул казарму, а когда тот отказался, убил его. Возбужденные солдаты понимали, что за это их по головке не погладят. Они послали агитаторов в соседние казармы, где размещались другие подразделения, с предложением вместе стать на сторону народа. Согласие дали Павловский и Литовский полки. Долго колеблющаяся армия определилась с выбором. Если 26 февраля на стороне революционных масс было всего 500–600 солдат, то 27 февраля — 66700.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ И. В. КИРПИЧНИКОВА

Иван Тимофеевич Кирпичников родился в профессорской семье, стал студентом, но учебу прервал — пошел в армию. Судя по всему, он выполнял указание масонов. Во всяком случае, впоследствии

держался около военного министра Временного правительства, авторитетного масона Гучкова и другого не менее авторитетного масона — Керенского. Во время апрельских событий 19-20 апреля вывел солдат на улицу в поддержку Временного правительства. В июне, по представлению Гучкова, Керенский наградил его Георгиевским крестом, произвел в прапорщики. У сослуживцев награждение Георгием не за боевые заслуги и вообще непонятно за что, естественно, вызвало негативную реакцию.

После Октябрьской революции Кирпичников бежал на Дон воевать с большевиками. Генерал Кутепов, к которому он явился, поинтересовался, кто он такой? Услышав ответ Кирпичникова, что он один из первых революционеров в армии, велел расстрелять.

Иные авторы относят Волынский полк, в котором служил Кирпичников, к запасным. Но это не так. Лейб-гвардии Волынский полк — гордость русской армии. Он сформирован в начале XIX века для охраны великого князя Константина Павловича, в 1831 году отличился при подавлении польского восстания, в Первую мировую блестяще проявил себя в Восточно-Прусской и Лодзинской операциях и особенно — под Сморгонью, где германская армия «споткнулась» и долгое время не могла взять этот маленький городок! В декабре 1916-го по случаю полкового праздника и для пополнения лейб-гвардейцев сняли с фронта и отправили в Петроград. Как видим, совсем не случайно убит кадровый офицер этого полка и именно это подразделение первым включилось в революцию, увлекая за собой других. Кстати, в Волынском полку служило немало украинцев, и вышли из казармы волынцы, развернув сине-желтый стяг, провозгласив тем самым право российских окраин на самоопределение.

Среди дня 27 февраля произошли первые бесчинства. Как отмечал М.В.Родзянко, были разгромлены Окружной суд и Главное артиллерийское управление, а также арсенал, из которого рабочими завода похищено около 40 тысяч винтовок, которые сейчас же были розданы быстро сформированным батальонам Красной гвардии⁸⁷. Вечером собрался Совет Министров. Члены кабинета не знали, что делать? Единственно, до чего додумались, — уговорили ненавистного всем министра МВД Протопопова сказатьсь больным и потихоньку разошлись по домам. Между тем противоположная сторона не дремала.

⁸⁷ Архив русской революции. Т.1. 335–338 с.

Историки (Р. Пайпс, другие) высказывают мнение, что Февральская революция началась 27 числа. При этом Пайпс утверждает, что это была не рабоче-крестьянская революция, а солдатский мятеж — бунт вчерашних крестьян. Этот свой вывод он делает на том основании, что, дескать, Петроград являл собой крестьянский город еще до войны, ибо 70 процентов его жителей, выходцы из деревни. Оттуда же с началом войны пришло на заводы и фабрики еще 200 тысяч, плюс 200 тысяч новобранцев, скопившихся в столице перед отправкой на фронт⁸⁸. Думается, рациональное зерно в этих рассуждениях есть, однако сводить все к крестьянскому бунту вряд ли правильно. Так или иначе, но 28 февраля в России уже не было ни царя, ни Думы, ни Совета Министров, который сложил с себя эти обязанности...

Власть, как говорится, валялась на улицах Петрограда. К ней потянулись и Петросовет, и депутаты, и партии, и масоны... Проведя практически бессонную ночь, депутаты в понедельник пришли в Таврический. Не зная, что делать, они сгрудились в коридорах. Керенский попытался организовать их и пригласил в зал заседаний. Боясь нарушить царский указ, народное представительство не откликнулось на этот призыв, «кучковалось» по интересам.

ПОСЛУШАЕМ ОЧЕВИДЦА. В. В. ШУЛЬГИН:

«Собралось заседание бюро Прогрессивного блока: Шидловский, Шингарев, Милюков, Капнист — 2-ой, Львов В.Н., Половцев, я, еще некоторые... Ефремов, Ржевский... Все те, кто вели Думу последние годы... И довели... Мы будем говорить, чтобы страна молчала — этими словами я сам изложил смысл борьбы в своей речи 3 ноября 1916 г. Но теперь словесная борьба кончилась... Она не привела к цели. Она не предотвратила революции... А, может быть, даже ее ускорила...

Сидя за торжественно-уютным, крытым зеленым бархатом, столом, они думали, что бюро Прогрессивного блока так же может управлять взбунтовавшейся Россией, как оно управляло фракциями Государственной Думы... Когда дошла очередь до Шульгина он сказал: “По-моему, наша роль кончилась... Весь

⁸⁸ Пайпс Р. «Русская революция. В 3 кн». М., 2005. Т.1. 390 с.

смысл Прогрессивного блока, был предупредить революцию и дать власти возможность довести войну до конца....»⁸⁹.

Пока депутаты были в нерешительности, все активнее действует Петроградский Совет рабочих депутатов — проводит в казармах, на заводах выборы. От каждой тысячи по одному. Выбирали солдатских и рабочих депутатов, организовывали массу. Родзянко снова телеграфирует царю, сообщает, что положение еще больше ухудшается. Николай II жалуется министру двора Фредериксу:

«Опять этот толстяк Родзянко написал мне разный вздор, на который я ему даже отвечать не буду»⁹⁰.

Он посылает в столицу навести порядок генерала Н. И. Иванова, за которым во время 1905 года упрочилась репутация твердого генерала, подавившего Кронштадтские беспорядки, назначив его командующим Петроградским военным округом, дав практически неограниченные полномочия. Одновременно Николай II распорядился, чтобы с трех фронтов были отправлены по две кавалерийских дивизии, по два пехотных полка. Родзянко умоляет генерала Рузского прекратить присылку войск в Петроград, так как они действовать против народа не будут.

Петроград вооружился, в единый поток сливались вооруженные рабочие и солдатско-крестьянские массы. Боевые отряды из рабочих и солдат громили полицейские участки, захватывали правительственные учреждения, открывали двери тюрем, разоружали офицеров. Петросовет занялся реквизицией продовольствия и распределением его. Таврический превращался не только в боевой штаб революции, но и в продовольственный пункт. По Петрограду распространялись листовки, в которых говорилось, что революция началась с Указа царя о роспуске Думы, народ стал на сторону депутатов, войска присоединились к народу, представив себя в распоряжения Думы⁹¹.

Отправленному в Петроград наводить порядок генералу Иванову до столицы было добраться не так просто — на всем пути революционные массы. Царь недоволен медлительностью генерала, а тут еще

⁸⁹ Шульгин В.В. «Дни». М., 1989. 170 с.

⁹⁰ Милоков П.Н. Воспоминания. М., 1991. 452 с.

⁹¹ Ольденбург С.С. «Царствование императора Николая II». Ростов, 1998. С. 554 с.

императрица Александра Федоровна сообщает, что заболели дети. Николай II принимает решение ехать в столицу. В ночь с 28 февраля на 1 марта на ст. Малая Вишера, в 150 км от Петрограда, царские поезда были остановлены, стало известно, что следующая станция, Любань, занята революционными войсками. Повернули на Виндово-Рыбинскую железную дорогу, но дальше станции Дно продвинуться тоже не удалось. Царь велел возвращаться назад, под прикрытием войск Северного фронта, и вечером 1-го марта прибыл в Псков, где помещался штаб этого фронта. Все – приехали!

...В Таврическом меж тем народу не протолкнуться. В этой сутолоке Керенский подвел к Родзянко двух неказистых посетителей, представившихся членами Петроградского Совета рабочих депутатов Сухановым (Гиммер) и Стекловым (Нахамкес), которые просили выделить им комнату для заседаний. Родзянко удивился, что еще за Совет, кто его избирал? Пришельцы ответили, что Совет рабочих депутатов действует еще с 1905 года, его тогда возглавляли Г.С.Хрустальев-Носарь и Л.Д.Троцкий, Совет был в подполье, сейчас большинство членов кооптированы, на заводах и фабриках идут довыборы членов Совета. Родзянко, хотя и неохотно, не особо вникая в детали, спеша на совещание фракций, распорядился выделить им зал заседаний Бюджетной комиссии. Знал бы, какую бомбу подложил под себя и под всю Россию!

В Государственном архиве Российской Федерации обнаружен интересный документ – «Протокол событий Февральской революции». Инициатор составления его – депутат В. М. Вершинин. Документ впервые опубликован в сборнике «Февральская революция 1917-го», который выпущен Российским государственным гуманитарным университетом тиражом – всего тысяча экземпляров.

ЧИТАЕМ «ПРОТОКОЛ СОБЫТИЙ»:

«Родзянко информирует собравшихся (лидеров фракций, 26 февраля – *Авт.*), что без ведома Государственной Думы он послал Государю телеграмму следующего содержания:

“Всепоподданнейше доношу Вашему Величеству, что народные волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры. Основа их – недостаток

печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику, но главным образом полное недоверие к власти, не способной вывести страну из тяжелого положения. На этой почве, несомненно, разовьются события, сдержать которые можно временно ценою пролития крови мирных граждан, но которых, при повторении, сдержать будет невозможно. Движение может переброситься на железные дороги, и жизнь страны замрет в самую тяжелую минуту. Заводы, работающие на оборону в Петрограде, останавливаются за недостатком топлива и сырого материала, рабочие остаются без дела, и голодная безработная толпа вступает на путь анархии, стихийной и неудержимой. Железнодорожное сообщение по всей России в полном расстройстве. На юге из 63 доменных печей работает только 28 ввиду отсутствия подвоза топлива и необходимого материала. На Урале из 92 доменных печей остановилось 44, и производство чугуна, уменьшаясь изо дня в день, грозит крупным сокращением производства снарядов. Население, опасаясь неумелых распоряжений властей, не везет зерновых продуктов на рынок, останавливая этим мельницы, и угроза недостатка муки встает во весь рост перед армией и населением. Правительственная власть находится в полном параличе и совершенно бессильна восстановить нарушенный порядок.

Государь, спасите Россию, ей грозит унижение и позор. Война при таких условиях не может быть победоносно окончена, так как брожение распространилось уже на армию и грозит развиться, если безначалию и беспорядку власти не будет положен решительный конец. Государь, безотлагательно призовите лицо, которому может верить вся страна, и поручите ему составить правительство, которому будет доверять все население. За таким правительством пойдет вся Россия, воодушевившись вновь верой в себя и своих руководителей. В этот небывалый по ужасающим последствиям и страшный час иного выхода нет и медлить невозможно»⁹².

⁹² Февральская революция 1917 года. Сб. документов. М., 1996. С. 109–110.

Подобного содержания им были составлены телеграммы начальнику Штаба Верховного главнокомандующего генерал-адъютанту Алексееву и главнокомандующим фронтами: Северного – генерал-адъютанту Рузскому, Южного – генерал-адъютанту Брусилову и Западного – генерал-адъютанту Эверту. Председатель Государственной Думы просил их поддержать его перед царем, дабы предотвратить катастрофу. Для более быстрой передачи этих телеграмм Родзянко обратился к военному министру – генералу Беляеву за содействием, чтобы телеграммы были переданы без задержки по назначению по прямому проводу, но получил от Беляева отказ. Военный министр находил, что не может содействовать передаче телеграмм, в которых имеются указания на паралич власти. Тогда Родзянко апеллировал к начальнику Главного управления почт и телеграфов Похвистневу, при содействии коего телеграммы доставлены по назначению. Государь на телеграммы не ответил. Ответили лишь генерал Брусилов и генерал Рузский. Брусилов телеграфировал: «Вашу телеграмму получил 23 часа 26 февраля. Свой долг перед Царем и Родиной исполнил», а телеграмма Рузского гласила: «Телеграмму Вашу получил. По содержанию ее исполнил телеграммою Государю»⁹³.

«27 февраля, – читаем далее в «Протоколе событий», – Председатель Государственной Думы шлет царю еще одну телеграмму: “Занятия Государственной думы Указом Вашего Величества прерваны до апреля. Последний оплот порядка устранен. Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров. Примкнув к толпе и народному движению, они направляют-ся к дому министра внутренних дел и к Государственной думе. Гражданская война началась и разгорается. Повелите немедленно призвать новую власть на началах, доложенных мною Вашему Величеству во вчерашней телеграмме. Повелите в отмену Вашего Высочайшего Указа вновь созвать законодательные палаты. Возвестите безотлагательно эти меры высочайшим манифестом. Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец, и крушение России, а с ней

⁹³ Там же. С. 111.

и династии, неминуемо. От имени всей России прошу Ваше Величество об исполнении изложенного. Час, решающий судьбу Вашу и Родины, настал. Завтра может быть уже поздно»⁹⁴.

Родзянко проинформировал собравшихся о положении в Петрограде. Депутаты говорили, что нельзя сидеть сложа руки, надо действовать, иначе грянет анархия. Совещание представителей фракций постановило немедленно начать частное совещание членов Думы в полуциркульном зале. В это самое время в зале заседаний бюджетной комиссии началось организационное заседание представителей Совета рабочих депутатов.

ЧИТАЕМ «ПРОТОКОЛ СОБЫТИЙ»:

«...Члены Государственной Думы обменялись мнениями, причем Некрасов полагал, что необходимо создать власть, так как таковая отсутствует. По его мнению, было бы правильно предоставить эту власть пользующемуся доверием военному начальнику и при нем составить комитет из представителей от Государственной думы. Он указал, что этим лицом мог бы быть генерал от артиллерии Маниковский. Член Думы Караулов предложил избрать исполнительную комиссию, которой и передать организацию власти. Савич предложил поручить организацию власти президиуму вместе с секретариатом, а из генералов избрать Поливанова, как более популярного человека. Ржевский обратил внимание на то, что необходимо торопиться с разрешением вопросов, так как волнение все усиливается. В это время были получены уже сведения, что революционными войсками взят арсенал, Петропавловская крепость и одиночная Выборгская тюрьма, из которой выпущены все арестанты, и подожжен Окружной суд. Ржевский находит, что предложение Некрасова пригласить к власти генерала старого правительства неприемлемо и предлагает организовать комитет для сношения с армией и народом. Против предложения Некрасова высказываются также Чхеидзе и Коваленко.

Засим председатель Государственной Думы был вызван к телефону председателем Совета министров князем Голицыным,

⁹⁴ Там же.

который ему сообщил, что им подано прошение об отставке и что Совет министров заседает в Мариинском дворце.

Продолжая обсуждение прерванного вопроса, Дзюбинский указывает на необходимость взять власть в свои руки совещанию и представителям фракций, о чем тотчас же объявить населению.

В 2 ч. 57 мин. в зал заседаний возвратился Керенский и обратился с просьбой уполномочить его и Чхеидзе объехать оставшие войска, чтобы объявить им, что Государственная дума солидарна с ними и их поддержит. Это предложение поддерживает Чхеидзе, который настаивает на необходимости свержения старой власти и замены ее новой. Шингарев выражает сомнение, признает ли народ эту новую власть. Волков доказывает, что власть, образованная по проекту Некрасова, не может быть авторитетной в глазах [народа] и необходимо создать особый комитет. Милуков выражает сомнение, насколько такой комитет из 10 лиц мог бы диктаторствовать над всеми и в том числе над Государственной думой. Предложение Некрасова он также считает неудобным, создание новой власти, по предложению Чхеидзе и Дзюбинского, в настоящее время невозможно, так как для этого не настал еще момент. Милуков находил, что предложение Керенского о посещении войск вряд ли достигнет цели, и потому полагал необходимым остановиться на чем-либо реальном. Алмазов указывал на невозможность откладывать решение и вести выжидательную политику. Дзюбинский полагает, что иного выхода, кроме создания новой власти, нет и у Государственной думы быть не может, и предлагает взять эту власть самой Государственной думой, которая должна объявить себя Учредительным собранием. Это предложение поддерживает князь Мансырев, но Савич возражает им, замечая, что толпа дать этой власти Государственной думе не может, что Государственная дума для народа представляет последнее убежище и, что если она сделает какой-либо незаконный шаг, то она не может быть законодательным учреждением, — тогда она больше не Государственная дума. Янушкевич указывает на обязанность Государственной думы быть солидарной с революционным народом и войском, ибо иного пути для нее

уже нет. Князь Шаховской находит, что хотя Государственная дума распущена, но что совещание ее с представителями фракций может избрать членов комитета, которому можно передать власть. Шульгин говорит, что следует помнить, что нельзя обещать того, чего нельзя выполнить. Ведь согласитесь, что мы не можем быть солидарны во всем с восставшей частью населения. Представьте, что восставшие предлагают окончить войну. Мы на это согласиться не можем. Мы можем принять либо предложение Некрасова, либо первое предложение Дзюбинского о передаче власти совещанию с представителями фракций.

Председатель Государственной думы просил совещание поторопиться с принятием решения. Частное совещание членов Государственной думы пришло к заключению о необходимости избрать Временный комитет и возложит на него обязанность следить за развитием событий и принимать соответственные меры, вплоть до принятия на себя всей исполнительной власти, если бы это оказалось необходимым. Перед окончательным разрешением этого вопроса председатель Государственной думы М. В. Родзянко просил дать ему 1/4 часа на размышления, чтобы окончательно высказаться по этому вопросу»⁹⁵.

В этот момент Дума могла взять власть в свои руки, стоило, как говорится, только нагнуться. Ее признавал народ, и она стала олицетворением высшей власти. К Думе шли рабочие, студенты, солдаты... Нужен был решительный человек, который бы всю ответственность за судьбу страны взял на себя. В Думе такого человека не нашлось. Родзянко не знал, как поступить, хотя 28 февраля получил от Николая II телеграмму, разрешавшую ему лично сформировать ответственное министерство, но он боялся Его уговаривают.

ПОСЛУШАЕМ ОЧЕВИДЦА. П. Н. МИЛЮКОВ:

«Михаил Владимирович, — говорю я председателю. — Надо решаться! Я разумел, конечно: решиться окончательно, признать революцию как свершившийся факт. Родзянко попросил четверть часа на размышления и удалился в свой кабинет...

⁹⁵ Там же. С. 112–114.

Наконец, выходит и садится к столу. “Я согласен, — говорит он, повышая голос и стараясь придавать ему максимальную значимость, — но только под одним условием. Я требую, и это относится особенно к вам, Александр Федорович (Керенский), чтобы все члены комитета (о правительстве не упоминал), безусловно, и слепо подчинялись моим распоряжениям...”»⁹⁶.

Во Временный комитет вошли: М.В.Родзянко, И.И.Дмитрюков, С.И.Шидловский (октябристы), П.Н.Милюков, Н.В.Некрасов (кадеты), А.И.Коновалов, Б.М.Ржевский (прогрессисты), В.В.Шульгин (независимый националист), В.Н.Львов (центр), М.А.Караулов (независимый), А.Ф.Керенский (трудовик), Н.С.Чхеидзе (социал-демократ). Само создание группой депутатов органа, не предусмотренного законодательством о Думе, говорит о том, что народные избранники, независимо от своего желания, не до конца подчинились царю и включились в революционное движение.

ЧИТАЕМ «ПРОТОКОЛ СОБЫТИЙ»:

«Во время совещания с представителями фракций председателю Государственной думы позвонил великой князь Михаил Александрович с просьбой встретиться для переговоров. Было условлено, эти переговоры вести в Мариинском дворце в присутствии товарища председателя Некрасова, секретаря Государственной думы Дмитриюкова и члена Государственной думы Савича.

В 5 часов пополудни возобновилось частное совещание членов Государственной думы, которому доложено было постановление совета старейшин об избрании членов Временного комитета. Член Государственной думы Вершинин предложил в конце совещания, чтобы члены Государственной думы все без различия партий дали обещание поддерживать и оказывать содействие Временному комитету Государственной думы во всех действиях, которые ему придется предпринять в будущем...

⁹⁶ Милюков П.Н. Воспоминания. М.,1991. С. 457.

...К 5 ½ часа (27 февраля — *Авт.*) список членов Временного комитета был расклеен по улицам, что внесло некоторое успокоение в городе. К этому же времени под усиленным конвоем был доставлен в здание Таврического дворца председатель Государственного совета Щегловитов. По распоряжению члена Государственной думы Керенского он был временно помещен в павильон министров при Государственной думе, причем Керенским же было объявлено, что он лишен свободы»⁹⁷.

Одновременно с частным совещанием депутатов в Таврическом шло заседание Петроградского Совета рабочих депутатов. В ходе его небольшая группа людей, имевших солидный опыт работы в массах, создала Исполнительный комитет Совета во главе с депутатом Думы меньшевиком Н.С.Чхеидзе. Заместителями стали депутаты А.Ф.Керенский и М.И.Скобелев. Успели быть тут и там. Большевики в создании Петроградского Совета рабочих депутатов никакого участия не принимали и даже поначалу отнеслись к нему враждебно. Но потом передумали и ввели туда Молотова. В результате возникла организация, в которой из трех тысяч членов две трети составляли солдаты и одну тысячу — рабочие.

ДВОЕВЛАСТИЕ

Разместившись в Таврическом, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов воспринимался людьми наравне с Думой как официальный орган власти. Он сразу же занялся реквизицией запасов продовольствия и распределением его среди народа. «Таврический дворец превращался не только в большой штаб, — замечает С.Ольденберг, — но и в питательный пункт. Это сразу создавало практическую связь между «Советом» и солдатской массой»⁹⁸.

ПОСЛУШАЕМ ОЧЕВИДЦА. А. Ф. КЕРЕНСКИЙ:

«В тот момент, когда авторитет Думы достиг наивысшей точки в стране и в армии, и когда этот авторитет мог сыграть далеко идущую положительную роль, отказ Думы созвать

⁹⁷ Февральская революция 1917 года. Сб. документов. М., 1996. С. 115.

⁹⁸ Ольденбург С.С. «Царствование императора Николая II». Ростов, 1998. 553 с.

официальное заседание был равносителен политическому самоубийству. В этом сказалась слабость Думы, в основном отражавшей лишь узкие интересы высших слоев общества, что неизбежно ограничивало ее способность выражать чаяние нации в целом. Отказавшись взять в свои руки инициативу, Дума стала неофициальной организацией наравне с Советом рабочих депутатов, который к тому времени только-только начал набирать силу. Осознав на следующий день совершенную ошибку, Родзянко предпринял попытку возродить Думу в качестве официального института. Но было уже слишком поздно. К тому времени в столице уже возникли два центра власти, существованием которых они были обязаны революции. Этими центрами стали Дума, назначившая на неофициальном заседании Временный комитет в качестве своего временного руководящего органа, и Совет рабочих депутатов, возглавляемый его Исполнительным комитетом...»⁹⁹.

У Родзянко все еще теплилась надежда спасти монархию, уговорить великого князя Михаила Александровича взять на себя всю полноту власти или же официально передать эту власть Государственной Думе, которая сможет достаточно быстро образовать авторитетное правительство, способное успокоить страну. Великий князь ответил депутатам, что у него нет права распоряжаться властью. По телефону из Петрограда он просил генерала Алексева доложить царю, что для успокоения необходимо заменить премьера Голицына князем Львовым. Царь ответил, что приедет в Петроград сам и на месте примет все решения.

ЧИТАЕМ «ПРОТОКОЛ СОБЫТИЙ»:

«Председатель Государственной думы и сопровождавшие его члены Государственной думы около 10 часов вечера (27 февраля — *Авт.*) прибыли в Таврический дворец, где доложили Временному комитету о переговорах с великим князем Михаилом Александровичем и кн. Голицыным. В это время было получено сообщение, что толпы солдат окружили Мариинский дворец и заперли из него выходы. Однако некоторым из министров удалось выйти из дворца и скрыться.

⁹⁹ Керенский А.Ф. «Россия на историческом повороте». М., 1993.137 с.

Отсутствие власти, так как министры к этому времени фактически прекратили всякую деятельность, а также непрекращающиеся волнения обязывали Комитет обсудить вопрос, насколько его задачи могут ограничиться первоначальным предположением о возложении на него водворения порядка в Петрограде и сношения с лицами и учреждениями.

После длительного обсуждения и переговоров с представителями Совета рабочих депутатов Комитет пришел к заключению о необходимости взять всю исполнительную власть в свои руки. В это же время член Государственной думы Шидловский сообщил, что собравшиеся на Миллионной улице в казармах офицеры Преображенского полка передали ему по телефону, что они решили поддержать Государственную думу, с которой желали бы войти в сношения.

Для этой цели Временным комитетом был командирован член Государственной думы Энгельгардт. В 2 часа ночи (28 февраля — *Авт.*) Временный комитет объявил, что вся государственная власть переходит к Временному комитету Государственной думы. Вслед за этим Комитет постановил немедленно отстранить от действий всех министров и главноуправляющих, а также председателя Государственного совета Щегловитова, вице-председателя Государственного совета Дейтриха и Государственного секретаря Крыжановского.

Приказом Временного комитета Государственной думы обязанности коменданта гор. Петрограда и Таврического дворца, а также командование над революционными войсками было возложено на члена Государственной думы полковника Генерального штаба Энгельгардта. Под его же председательством была образована при Временном комитете Военная комиссия, которая являлась штабом революционной армии. В качестве членов этой Комиссии были принимавшие деятельное участие в революционном движении офицеры различных частей. В состав ее вошли также делегаты от Совета рабочих депутатов. В ту же ночь было отдано распоряжение о занятии радиотелеграфа и телеграфа, городских телефонов и почт.

В ту же ночь Временным Комитетом была учреждена Продовольственная комиссия, в составе 9 членов для общего руководства продовольственным делом в Петрограде»¹⁰⁰.

Командующим фронтами, флотами и армиями была послана телеграмма, в которой говорилось:

«1) Временный комитет членов Государственной думы сообщает Вашему Высокопревосходительству, что ввиду устранения от управления всего состава бывшего Совета Министров правительственная власть перешла в настоящее время к Временному комитету Государственной думы;

2) Временный комитет членов Государственной думы, взявший в свои руки создание нормальных условий жизни и управления в столице, приглашает действующую армию и флот сохранить полное спокойствие и питать полную уверенность, что общее дело борьбы против внешнего врага ни на минуту не будет прекращено или ослаблено. Также стойко и мужественно, как доселе, армия и флот должны продолжать дело защиты своей Родины. Временный комитет при содействии столичных воинских частей и при сочувствии населения в ближайшее время водворит спокойствие в тылу и восстановит правильную деятельность правительственных установлений. Пусть и с своей стороны каждый офицер, солдат и матрос исполнит свой долг и твердо помнит, что дисциплина и порядок есть лучший залог верного и быстрого окончания вызванной старым правительством разрухи и создания новой правительственной власти”.

Одновременно Комитет обратился с воззванием к населению и армии:

“Временный комитет членов Государственной думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознывая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в

¹⁰⁰ Февральская революция 1917 года. Сб. документов. М., 1996. С. 116–118.

трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием”.

Другое воззвание было обращено к жителям Петрограда:

“Временный комитет Государственной думы обращается к жителям Петрограда с призывом во имя общих интересов шадить государственные и общественные учреждения и приспособления, как-то: телеграф, водокачки, электрические станции, трамваи, а также правительственные места и учреждения. Равным образом комитет Государственной думы поручает охране граждан заводы и фабрики, как работающие на оборону, так и общего пользования. Необходимо помнить, что порча и уничтожение учреждений и имущества, не принося никому пользы, причиняют огромный вред как государству, так и всему населению, ибо всем одинаково нужны вода, свет и проч. Недопустимы также посягательства на жизнь и здоровье, а равным образом на имущество частных лиц. Пролитие крови, разгром имущества, лягут пятном на совесть людей, совершивших эти действия, и могут принести, кроме того, неисчислимые бедствия всему населению столицы”».

В ту же ночь Временный комитет постановил: впредь до образования нового правительства назначить для заведования отдельными частями государственного управления комиссаров из состава членов Государственной Думы. По министерству внутренних дел — гр. Капнист 2-й, Масленников, Ефремов и Арефьев; по Петроградскому почтамту — Барышников; по телеграфному агентству — Тройский; по телеграфу — Калугин; по военному и морскому министерствам — Савич и Савватеев; по министерству земледелия — Волков, Демидов, кн. Васильчиков и гр. Капнист 1-й; по министерству юстиции — Маклаков, Аджемов и Басаков; по министерству торговли и промышленности — Родзянко 2-й и Ростовцев; по министерству финансов — Виноградов и Титов; по министерству путей сообщения — Бубликов; по министерству народного просвещения — Ковалевский; по правительствующему Сенату — Годнев и по Петроградскому градоначальству — Герасимов и Пепеляев. Управляющим делами Временного комитета назначен начальник отдела канцелярии Думы Глинка.

Вслед за этим Комитет Думы выпустил обращение ко всем железнодорожным служащим следующего содержания:

«Железнодорожники! Старая власть, создавшая разруху во всех областях государственной жизни, оказалась бессильной. Комитет Государственной думы, взяв в свои руки образование новой власти, обращается к вам от имени отечества: от вас теперь зависит спасение родины. Движение поездов должно поддерживаться НЕПРЕРЫВНО, с удвоенной энергией. Страна ждет от вас больше, чем исполнения долга, — она ждет подвига. Слабость и недостаточность техники на русской сети должна быть покрыта вашей беззаветной энергией, любовью к родине и сознанием роли транспорта для войны и благоустройства тыла». Это объявление было немедленно передано по телефонам по линиям всех железных дорог»¹⁰¹.

Утром 1 марта к Государственной Думе стали прибывать войска, солдаты считали своим долгом явиться в Государственную Думу, в которой видели власть, выражали готовность принять новую присягу. Родзянко еле успевал выходить и принимать поклонение частей, «посадил» свой запорожский бас, произнося зажигательные речи. К Думе шли и манифестации рабочих с заводов и фабрик. Нет, не все верили депутатам. Тот же Родзянко признавался, что как только окончил свою очередную речь, слово взял один солдат и сказал, вот, мол, председатель Думы все требует от нас, чтобы мы русскую землю спасали. Понятно, у господина Родзянко есть что спасать... Немалый кусочек у него этой самой русской земли в Екатеринославской губернии. Да и у других тоже. Так что Родзянкам и другим помещикам Думы есть что спасать.

Комитет Думы заменял пока все ветви власти. Сюда начали приводить арестованных министров, высшие полицейские чины, приносили документы, деньги...

ПОСЛУШАЕМ ОЧЕВИДЦА. В. В. ШУЛЬГИН:

«Наступил день второй, еще более кошмарный... Революционный народ опять залил Думу. ...Комитет Государственной думы

¹⁰¹ Там же. С. 119-120.

работает в этот день всюю... Правительства нет, все брошено... Весь огромный механизм остановлен на полном ходу, остановлен и обезглавлен...

Кем заменить? Решили послать членов Государственной думы комиссарами, то есть временно исполняющих должности сановников. Родзянко подписывал и человек ехал. Из крупных назначений и удачных было назначение члена Думы инженера Бубликова командиром в “Пути сообщения”. Он сразу овладел железными дорогами. Чем дальше от Таврического, тем обаяние Государственной думы было сильнее и воспринималось как власть»¹⁰².

Энергично действовали и оппоненты Думы – социал-демократы. Комитет РСДПР вкупе с партией эсеров принял обращение к солдатам поддержать революцию. Но, пожалуй, активнее других действовал Петросовет: назначил районных комиссаров для установления народной власти в Петрограде, создал сборные пункты для вооружения рабочих и солдат, изыскал денежные средства старой власти, формировал отряды милиции. В ведение Совета перешли железные дороги, почта, телеграф, все жизнеобеспечение города.

Как уже говорилось, в Петрограде образовалось два центра революционного движения. Они выражали интересы разных групп людей – Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов – широких народных масс, Временный комитет Государственной Думы – состоятельных людей. И Комитет, и Совет внимательно отслеживали действия друг друга. На заседании 1 марта у Петросовета появилась озабоченность тем, что военные присягают Думе. Решили отстранить офицеров от власти, передать всю полноту ее выбираемым ротным и батальонным комитетам. Решение это подкрепили известным приказом № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Он состоял из семи пунктов. Солдатам предписывалось:

«1) во всех ротах, батальонах, полках, эскадронах и на кораблях из нижних чинов комитеты; 2) выбрать, где еще не избрали, депутатов в Совет; 3) в политических делах воинская часть подчиняется только Совету и своим комитетам; 4) решения

¹⁰² Шульгин В.В. «Дни». М., 1989. С. 210–213, 225–231.

Государственной думы исполнять только тогда, когда они не противоречат решениям Совета; 5) оружие должно находиться в распоряжении и под контролем комитетов и ни в коем случае не выдавать его офицерам, даже по их требованиям.

Последними двумя пунктами объявлялось равноправие солдат и офицеров вне строя, отменена отдача чести, титулования и т. д.»¹⁰³.

Этот приказ подготовил и внес на утверждение вечером 1 марта Н. Д. Соколов. Он вступил в действие тотчас же, был расклеен по всему городу, а утром следующего дня напечатан в «Известиях». Советы рабочих депутатов появились и в других городах. Так, в Москве он заседал уже вечером 28 февраля. Днем же в старой столице начались массовые демонстрации. Центр движения располагался в здании городской Думы. 1 марта после слабых попыток сопротивления у арсенала и около манежа весь московский гарнизон перешел на сторону восстания, командующий войсками генерал Морозовский отправлен под домашний арест. Советы взяли власть в свои руки в Харькове, Нижнем Новгороде, других городах.

Великий князь Павел Александрович, последний из оставшихся в живых братьев Александра II, составил проект царского Манифеста, обещавшего России конституционный строй и новое правительство во главе с Родзянко. 1 марта свои подписи под этим Манифестом поставили три великих князя и доставили в Думу, чтобы Родзянко, собиравшийся ехать к царю, взял его с собой. Но время уже ушло — народ требовал все настойчивей: «Долой царизм!» и «Даешь Учредительное собрание!».

В 10 часов 15 минут 2 марта начальник штаба Ставки генерал Алексеев разослал командующим фронтам телеграмму о необходимости отречения царя от престола и попросил их высказаться по этому поводу. Ответы в большинстве пришли за отречение. Армия отказалась от Николая II. Скрепя сердце в 3 часа дня 2 марта Николай II составил телеграмму Родзянко:

«Нет той жертвы, которую я не принял бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки-России. Посему я

¹⁰³ Там же. 233-234 с.

готов отречься от престола в пользу моего сына, с тем чтобы он оставался при мне до совершеннолетия при регентстве брата моего великого князя Михаила Александровича»¹⁰⁴.

Но он не отправил ее, получив известие, что из Петрограда к царю за отречением выехали В. В. Шульгин и А. И. Гучков. Пока они добирались, Временный Комитет Государственной Думы наконец-то организовал правительство.

ДОКУМЕНТ

ДЕКЛАРАЦИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА О ЕГО СОСТАВЕ И ЗАДАЧАХ, 3 МАРТА 1917 ГОДА:

«Граждане! Временный комитет членов Государственной Думы при содействии и сочувствии столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успехов над темными силами старого режима, который позволяет ему приступить к более полному устройству исполнительной власти.

Для этой цели Временный комитет Государственной Думы назначил министрами первого общественного кабинета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью.

Председатель Совета Министров и министр внутренних дел — князь Г. Е. Львов.

Министр иностранных дел — П. Н. Милюков.

Министр военный и морской — А. И. Гучков.

Министр путей сообщения — Н. В. Некрасов.

Министр торговли и промышленности — А. И. Коновалов.

Министр финансов — М. И. Терещенко.

Министр просвещения — А. А. Мануйлов.

Обер-прокурор Святейшего синода — В. Н. Львов.

Министр земледелия — А. И. Шингарев.

Министр юстиции — А. Ф. Керенский.

Государственный контролер — И. В. Годнев.

(В одном из вариантов состава Временного правительства есть и Родичев — министр по делам Финляндии.)

¹⁰⁴ Доклады Родзянко М.В. Николаю II. Ист. зап. 1965. Т. 75. С. 306,326.

В своей настоящей деятельности, — говорится в документе, кабинет будет руководствоваться следующими основаниями:

- 1) Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т. д.
- 2) Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допустимых военно-техническими условиями.
- 3) Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.
- 4) Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.
- 5) Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.
- 6) Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.
- 7) Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.
- 8) При сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении воинской службы — устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам.

Временное правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обязательствами для какого-либо промедления в осуществлении вышеизложенных реформ и мероприятий.

Председатель Государственной думы М. Родзянко.

Председатель Совета Министров кн. Львов.

Министры: Милюков, Некрасов. Мануйлов, Коновалов, Терещенко, В. Львов, Шингарев, Керенский»¹⁰⁵.

¹⁰⁵ Февральская революция 1917 года. Сб. документов. М., 1996. С. 1440-1441.

Документ этот одобрил Совет рабочих и солдатских депутатов. Он решал большинство проблем широких масс. Большинство, но не все. Оставался неясным вопрос с землей, ни слова не говорилось об улучшении положения рабочих, крестьян — главной движущей силы революции, туманом покрыт был вопрос о мире. Оставались нерешенными и другие проблемы. Далеко не все депутаты Думы приветствовали означенные цели Временного правительства.

Революция покатила по стране. Историки отмечают (Пайпс, например), что она «шествовала по стране бескровно», как выразился У.Г. Чемберлен, «она совершалась по телеграфу. Смена режима воспринималась как свершившийся факт. Пока еще не классовая»¹⁰⁶.

Интересная деталь: первоначально А. Ф. Керенского не было в списке министров Временного правительства, который составили П. Н. Милюков и В. В. Шульгин. Милюков вписал В. В. Шульгина, но тот уступил свое место Керенскому¹⁰⁷. Почему уступил? Просил его об этом Керенский, или же Шульгин сам это сделал? К сожалению, ответ на этот вопрос получить не удалось.

Когда был создан Временный Комитет Думы, он принял решение, чтобы его члены не входили в состав Петросовета. Но Керенский игнорировал это решение и вошел. И Петроградский Совет принял аналогичное решение — членам Совета не входить ни в Комитет Думы, ни во Временное правительство, но Керенский опять-таки нарушил и это решение — вошел во Временное правительство. Он выступил на заседании Петроградского Совета и убедил всех, что это надо обязательно сделать.

Обойденным оказался и М. В. Родзянко — он не вошел в состав Временного правительства, хотя де-факто на первых порах играл роль крестного отца этого самого правительства, стоял как бы над ним, но вскоре с Родзянко никто уже не считался.

ПОСЛУШАЕМ ОЧЕВИДЦА. П. Н. МИЛЮКОВ:

«Родзянко остался вне власти. Но он продолжал быть председателем Думы, не распущенной, а только отсроченной царским

¹⁰⁶ Пайпс Р. «Русская революция. В 3 кн». М., 2005. Т.1. 39 с.

¹⁰⁷ Менделеев А.Г. «Роковая, родная страна». М., 2005. 238 с.

указом. Он пытался считать Думу не только существующей, но и стоящей выше правительства... Но Дума была тенью своего прошлого... У Родзянко был план созвать Думу, и объявить, что она носительница верховной власти и орган, перед которым Временное правительство было бы ответственным... Но он не решился этого сделать

...2 марта в середине дня Милюкову, как он пишет, поручили выйти к людям и объявить формально о новом правительстве. Большинство приветствовало. Но были и вопросы: “Кто вас выбрал?”

Милюков говорит, что он мог бы отвечать долго и подробно на этот вопрос, но сказал коротко: “Нас выбрала русская революция”. И тут же добавил: “Мы ни минуты не сохраним этой власти, после того как свободно избранные народом представители скажут нам, что они хотят на наших местах видеть людей, более заслуживающих из доверия”.

Милюков огласил список. Под аплодисменты прошли известные думские оппозиционеры и Керенский. Годнева и Львовых публика проглотила молча. По Коновалову, Ефремову, особенно Терещенко, появились вопросы»¹⁰⁸.

КОНЕЦ САМОДЕРЖАВИЯ

Член Госсовета А. И. Гучков и член Думы В.В.Шульгин прибыли в Псков 2 марта около 22 часов. Тотчас к ним подскочил флигель-адъютант — полковник А. А. Мордвинов и повел прибывших через рельсы к императорскому поезду.

«Значит, сейчас все это произойдет, — ужасается в душе Шульгин. — И нельзя отворотить! Нет, нельзя... Так надо... Нет выхода, — напишет потом он. — Мы пошли, как идут люди на все самое страшное, — не совсем понимая... Иначе не пошли бы... Но меня мучила еще одна мысль, совсем глупая...

¹⁰⁸ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. 464-465 с.

Мне было неприятно, что я являюсь к государю небритый, в смятом воротничке, в пиджаке...»¹⁰⁹.

ПОСЛУШАЕМ ОЧЕВИДЦА.

В. Н. ВОЕЙКОВ, ДВОРЦОВЫЙ КОМЕНДАНТ:

«Оба прибывшие к Его Величеству представители народа производили впечатление людей невымытых, небритых, были они в грязном крахмальном белье. Неопрятностью старались понравиться делегатам Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов, командированных для их сопровождения и за все время поездки их ни на шаг не покидавшими до самого момента входа в императорский поезд.

...Почти все время говорил Гучков, говорил ровно и очень спокойно: подробно описывал последние события в Петрограде. Внимательно его выслушав, государь на свой вопрос, что он считал бы желательным, получил ответ Гучкова: «Отречение Вашего Императорского Величия от престола в пользу наследника цесаревича Алексея Николаевича»...

«Считаете ли вы, что своим отречением я внесу успокоение?», спросил депутатов царь и услышал утвердительный ответ»¹¹⁰.

ПОСЛУШАЕМ ОЧЕВИДЦА. В. В. ШУЛЬГИН:

«Мы вошли в вагон. Это был большой вагон-гостиная. Зеленый шелк по стенкам, несколько столов... Старый, худой, высокий желтовато-седой генерал с аксельбантами... Это был барон Фредерикс...

— Государь император сейчас выйдет... Его величество сейчас в другом вагоне, — сказал он.

...В дверях появился Государь... Он был в серой черкеске... Спокойный, поздоровался с нами, подав руку. Жестом пригласил нас сесть...

¹⁰⁹ Шульгин В.В. «Дни». М., 1989. 250 с.

¹¹⁰ Воейков В.Н. «С царем и без царя». М., 1918. 88 с.

Говорил Гучков. И очень волновался. Он говорил, очевидно, хорошо продуманные слова, но с трудом справлялся с волнением, говорил негладко... и глухо — о том, что происходит в Петрограде... Он не смотрел на Государя, а говорил, как бы обращаясь к какому-то внутреннему лицу.. Как будто он совести своей говорил, — говорил правду, ничего не преувеличивая и ничего не утаивая... Гучков окончил. Государь ответил:

— Я принял решение отречься от престола... До трех часов сегодняшнего дня я думал, что могу отречься в пользу сына, Алексея... Но к этому времени я переменял решение в пользу Михаила... Надеюсь, вы поймете чувства отца...

К такому повороту событий парламентарии не были готовы. Замешкались, попытались было попросить соизволения царя посоветоваться, но потом согласились. “Решение царя сошло в главном, — заключает Шульгин, — но разошлось в частности... Алексей или Михаил перед основным фактом — отречением, все же была частность... Допустим, на эту частность мы бы “не согласились”... Каков результат? Прибавили бы только один лишний повод к неудовольствию. Государь передал престол “вопреки желанию Государственной думы”... И положение нового государя было бы подорвано.

Кроме того, каждый миг был дорог... А кроме того...

Если есть здесь юридическая неправильность... Если государь не может отречься в пользу брата, пусть будет неправильность!.. Может быть, этим выиграется время — выяснится, что он не может царствовать, и престол перейдет к Алексею Николаевичу ...И мы “согласились”.

Гучков передал царю “набросок”. Государь взял его и вышел. Спустя некоторое время вернулся и протянул Гучкову бумагу: “Вот текст”.

«Каким жалким показался мне набросок, который мы привезли, — сознается Шульгин. — Внесли небольшую поправку. Затем последовала просьба передвинуть обозначенное царем

на акте время на несколько часов назад, как если бы он подписан до приезда депутатов, мол, чтобы никто позже не сказал, что отречение вырвано. Николай соглашается и помечает: 15 часов, хотя часы показывали начало 12-го ночи. Еще просьба. Раз царь отрекся от престола, теряет пост и глава правительства. Кто же назначит нового? Поскольку это сделать пока никому, пусть назначает царь, хоть уже и бывший. “Кого? — спрашивает Николай думцев”. “Князя Львова”, — отвечают они. “Ах, Львова? Хорошо — Львов” — и тут же написал указ правительствующему Сенату о назначении председателя Совета Министров.

“Государь встал, посмотрел на меня, вспоминает Шульгин, и, может быть, прочем в моих глазах чувства, меня волновавшие, потому что взгляд его стал каким-то приглашающим высказаться... У меня вырвалось: “Ах, ваше величество... Если бы вы это сделали раньше, ну хоть до последнего созыва Думы”»¹¹¹.

Императорское отречение было незаконным, считает большинство историков. Николай II мог отречься за себя, но не имел права отречься за сына... Николай здесь хитрил. Пройдут тяжелые дни, потом все успокоится, и тогда можно будет взять данное обещание обратно, видимо, думал он.

Отречение Николая II в пользу своего брата, а не сына породило проблему. Родзянко 3 марта звонит Рузскому и просит манифест об отречении и передаче власти Великому Князю Михаилу Александровичу ни в коем случае не публиковать. Дело в том, что в Петрограде с великим трудом удалось удержать более или менее в приличных рамках революционное движение, но положение еще не пришло в себя, и весьма возможна гражданская война. С регентством Великого князя и воцарением наследника Цесаревича люди, возможно, и смирились бы, но воцарение его как Императора абсолютно неприемлемо для большинства. После долгих переговоров к компромиссу удалось прийти только к ночи. Сошлись на том, что через некоторое время будет созвано Учредительное собрание для того, чтобы народ мог высказать свой взгляд на форму правления.

¹¹¹ Шульгин В.В. «Дни». М., 1989. 250–259 с.

Но корона, которой более 300 лет владели Романовы, не покрыла голову брата Николая II — Михаила Александровича. Он тоже отказался от нее, боясь народного гнева. Историк М. Касвинов замечает, что у Николая борьба за трон заняла восемь дней, от четверга до четверга. Михаил управился с этим делом в одну пятницу, от десяти утра до шести вечера. Решение им принималось на совещании в квартире князя П. П. Путятина 3 марта, в котором помимо Михаила Романова были М. В. Родзянко, А. Ф. Керенский, П. Н. Милуков, Г. Е. Львов, В. В. Шульгин, А. И. Гучков, М. И. Терещенко, И. В. Годнев, И. Н. Ефремов, М. А. Караулов, В. Д. Набоков, Н. В. Некрасов. Когда расходились, Родзянко обнял Михаила и назвал его «благороднейшим человеком». Разразился комплиментами и Керенский, заявив: «Великого князя я глубоко уважаю и всегда буду уважать»¹¹². Между тем, как утверждает Солженицын, отречение Михаила было таким же незаконным, как и Николая II. При этом одним росчерком пера Михаил Александрович объявил трон вакантным и своею призрачной властью самочинно объявил выборы в Учредительное Собрание, тем самым он походя уничтожил и парламент, и основные законы государства.

Отречение Николая еще не было формально концом династии. Концом монархии стало отречение Михаила. Он хуже, чем отрекся: он загородил путь на трон и всем другим возможным престолонаследникам, он передал власть аморфной олигархии. Его отречение превратило смену монархии в революцию. Именно этот Манифест, подписанный Михаилом, и стал единственным актом, определившим формально степень власти Временного правительства, делает вывод Солженицын¹¹³.

Родзянко тут же сообщает об отказе Михаила Николаю II. Позже тот скажет: «Кругом измена, и трусость, и обман». 7 марта Николай составил прощальное «Обращение к действующей армии», в котором призвал повиноваться новому правительству. Главком Алексеев включил обращение царя в свой приказ, но Гучков, узнав об этом, телеграммой из Петрограда категорически предписал не делать подобного — уже на второй день после отречения царя Петроградский Совет, учитывая требования, выдвинутые на многих митингах, поста-

¹¹² Касвинов М.К. «Двадцать три ступеньки вниз». М., 1976. 344-345 с.

¹¹³ «Российская газета», — № 40, 2007.

новил арестовать чету Романовых¹¹⁴. В. Львов и А. Керенский поручают это сделать депутатам А. Бубликову, С. Грибунину, И. Калинину, В.Вершинину. 8 марта в 4.45 пополудни поезд увез арестанта Романа из Могилева сначала в Царское Село, а спустя пять месяцев по распоряжению Керенского его отправили в Тобольск. Свое решение глава Временного правительства мотивировал тем, что нужно обезопасить самого бывшего императора от революционных потрясений. 9 мая 1918 года ЦИК РСФСР предписал переместить Николая II с семьей в Екатеринбург, где в ночь с 16 на 17 июля царя, жену и детей расстреляли по решению местных властей.

Николай II поначалу надеялся уехать за границу, в Англию. Совет рабочих и солдатских депутатов решительно высказался против отправки царской семьи за границу, настаивая на показательном суде. Временное правительство не возражало, Керенский заявил, что самолично доставит Романовых на английский корабль в Мурманск. Но время шло, а корабль англичане не присылали за бывшим русским царем, родственником королевы, а вскоре и вовсе отказались от этого – политические соображения пересилили родственные. Англия ждала от России активизации военных действия, и ей было не до судьбы царя. В начавшейся гражданской войне белым нужно было знамя, которым мог бы стать Николай II. Восстание Чехословацкого корпуса резко изменило ситуацию в Сибири и на Урале. Большевиков теснили, они отступали, царская семья оказалась в непосредственной близости от фронта. Чтобы лишить Белое движение знамени, чтобы закончить в России с ненавистной монархией, большевики и расстреляли царскую семью.

Историки все еще выясняют: кто же был инициатором этой идеи, исполком Уральского областного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, по решению которого Яков Михайлович Юровский непосредственно осуществил акцию, или же инициатива исходила из Москвы – от Ленина и Свердлова? Документов, подтверждающих участие в этом деле Москвы, пока в распоряжении историков нет.

Почти век прошел с момента падения монархии в России, но проблема эта актуальна для россиян. Имеет ли «копия бумажки», хранящаяся в Государственном архиве Российской Федерации,

¹¹⁴ Февральская революция 1917 года. Сб. документов. М., 1996. С. 96.

юридическую силу? Какие юридические и процессуальные процедуры должны были сопровождать отречение? Ответ на эти вопросы кроется в российском дореволюционном законодательстве. В Свод Основных Государственных законов Российской империи, вступивший в силу в 1906 году, помимо прочего вошел Акт о престолонаследии 1797 года. Статья 37 Основных законов гласила: «При действии правил, выше изображенных о порядке наследия Престола, лицу, имеющему на оный право, предоставляется свобода отрешить от сего права в таких обстоятельствах, когда за сим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании Престола». Это правило появилось в 1825 году после оглашения манифеста об отречении от престола цесаревича Константина Павловича и объявления императором младшего брата Николая I.

Казалось бы, данная статья однозначно отвечает на вопрос, мог ли в принципе Николай II отречься от престола. Однако в последние годы довольно популярно мнение, что 37-я статья относилась лишь к тем, кто имел право на российский трон, но не к главе государства непосредственно. В учебнике «Русское государственное право» авторства известного русского юриста, профессора Николая Коркунова, данный парадокс также рассмотрен. «Вступление на престол право, а не обязанность. Имеющий право на престол может от него отречься. Может ли уже вступивший на престол отречься от него? Так как царствующий государь несомненно имеет право на престол, а закон предоставляет всем, имеющим право, и право отречения, то надо отвечать на это утвердительно¹¹⁵. Как видим, даже авторитетные дореволюционные правоведы были уверены: император имеет право на отречение.

Мог ли Николай подписать столь важный документ обычным карандашом? Согласно статье 4 Основных законов, «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает». Статья же 24 гласила: «Указы и повеления Государя Императора, в порядке верховного управления или непосредственно Им издаваемые, скрепляются Председателем Совета Министров или подлежащим Министром либо Главноуправляющим отдельною частью и обнародываются Правительствующим Сенатом». Иными

¹¹⁵ «Русское государственное право». СПб., 1909. Т. 1. С. 243.

словами, любая форма подписи императора, заверенная уполномоченными на то лицами, являлась действительной. То есть слова сенатора Добрынина о росписи «гвоздем на листе железа» вполне справедливы, но с уточнением: подпись должна быть контрассигнована.

Ввиду отсутствия председателя Совета министров князя Николая Голицына (он в этот момент находился в Петрограде) императорский автограф заверен министром императорского двора графом Владимиром Борисовичем Фредериксом. Существует версия, известная из мемуаров графини Марии Клейнмихель, что отречение было подписано при министре двора, но под угрозами жизни Николаю. Дескать, Фредерикс рассказывал, что государь колебался и противился и что подпись под отречением у него вырвана насильно. Однако стоит отметить, что рассказ Фредерикса относится скорее к области мифов, к фантазиям глубоко больного на тот момент старика. Тем более что он идет в разрез с протоколом допроса графа, произведенного Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства 2 июня 1917 года, из которого явственно следует: Фредерикс крайне плохо помнит все происходившее. Впрочем, в ГАРФ сохранился датированный 2 марта протокол переговоров Николая II в вагон-салоне императорского поезда с делегатами Временного комитета Госдумы Гучковым и Шульгиным об отречении.

НИКОЛАЙ: «Я думал в течение утра, и во имя блага, спокойствия и спасения России я был готов на отречение от престола в пользу своего сына, но теперь, еще раз обдумав положение, я пришел к заключению, что ввиду его болезненности мне следует отречься одновременно и за себя, и за него, так как разлучаться с ним я не могу».

ГУЧКОВ: «Ваше Величество, у вас заговорило человеческое чувство отца, и политике тут не место, так что мы ничего против вашего предложения возразить не можем».

Как видим, решение императором было принято вполне добровольно и без особых колебаний. Сам Гучков позднее, в августе 1917 г., на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии говорил:

«Я предлагал ему обдумать, но государь сказал: “Я этот вопрос уже обдумал и решил отречься”. Я даже был поражен, что я не

встретил никакого сопротивления, по-видимому, у него никакого внутреннего сопротивления и не было»¹¹⁶.

Шок участников событий от того, что император спокойно согласился на отказ от власти, полностью затмил юридическую сторону вопроса. Но если внимательно посмотреть Основные законы Российской империи, становится очевидным, что отречение любого из членов правящей династии не ставило крест ни на династии, ни на монархии как таковой. Схема наследования была продумана крайне тщательно. Фактически единственным возможным вариантом с точки зрения дореволюционного права был созыв императором Учредительного собрания для решения вопросов государственного устройства и последующее отречение от престола с созданием опекунства при малолетнем цесаревиче Алексее до наступления его династического совершеннолетия. Иными словами, де-юре вопрос о форме правления в России никак не мог быть решен ранее 1920 года, однако реальность зачастую расходится с бумагами.

Обычный российский бардак, впрочем, многие принимали (и принимают) за злой умысел. Позднее, уже в 1918 году, бывший комиссар путей сообщения Временного правительства Александр Бубликов, арестовывавший Николая в Могилеве, писал: «Одной из основных черт характера семьи Романовых является их лукавство. Этим лукавством проникнут и весь акт отречения. Во-первых, он составлен не по форме: не в виде манифеста, а в виде депеши начальнику штаба в ставку. При случае это – кассационный повод. Во-вторых, в прямое нарушение Основных законов, он содержит в себе не только отречение императора за себя, но и за наследника, на что он уже определенно никакого права не имел».

Манифест, присланный из ставки еще днем и исправленный вечером 2(15) марта 1917 года, был подписан императором Николаем II в 23 часа 40 минут. В протоколе переговоров сказано:

«Чтобы не казалось, что акт совершен под давлением приехавших депутатов, и так как самое решение об отречении от Престола было принято Его Величеством еще днем, то, по совету депутатов, на Манифесте было поставлено при подписи 3 часа дня... Депутаты попросили подписать еще дубликат

¹¹⁶ Электронный ресурс: Lenta.ru. Режим доступа: 18.07.2015.

Манифеста на случай возможного с ними несчастья, который остался бы в руках генерала Рузского. Приблизительно через час дубликат Манифеста был поднесен Его Величеству на подпись, после чего все четыре подписи (на манифестах и двух указах — *Прим. «Ленты.ру»*) были контрассигнованы министром Императорского двора графом Фредериксом».

На следующий день гражданин Николай Романов писал в дневнике:

«Спал долго и крепко. Проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре. ...Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой (так называли всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в законодательный орган — *Прим. «Ленты.ру»*) для выборов через шесть месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились — лишь бы так продолжалось дальше»¹¹⁷.

...27 апреля 1917-го состоялось торжественное собрание членов Думы всех четырех созывов в ознаменование 11-летия ее существования. Собрание оказалось не очень-то торжественным: «Хоронили знатного покойника». Один из лидеров социал-демократической фракции IV Думы, а теперь член исполкома и заместитель председателя Петросовета М.И.Скобелев заметил, что Дума уже умерла, мы имеем дело с призраком... Однако формально Дума еще существовала. Только после подавления корниловского мятежа 6 октября Временное правительство официально объявило о ее роспуске.

¹¹⁷ Электронный ресурс: Lenta.ru. Режим доступа: 18.07.2015.

ТАК КТО ЖЕ ЗАЖИГАЛ РЕВОЛЮЦИЮ?

История Февральской революции до сих пор будоражит умы. Ученые никак не придут к согласию: разразилась она спонтанно или же тщательно готовилась? Кто конкретно ее породил? Причины? Какие силы двигали массы? Кто непосредственно руководил?

Размышляя над этими вопросами, известный русский историк Г. Федотов писал:

«Революция пришла незванная и неожиданная, она совершилась без революционеров — как обвал, как стихийная катастрофа. Обвал лавины можно было растянуть на восемь месяцев, что и было сделано революционной демократией. Странная эта была революция, где революционерам приходилось тушить, а не раздувать ее. И они сознавали, что в руках у них не было ничего, кроме садовых леек»¹¹⁸.

Один из закоперщиков февральских событий, лидер кадетской партии П. Н. Милюков божился французскому послу М. Палеологу:

«Мы не хотели этой революции. Я даже не предвидел ее, она произошла без нас, но по вине, преступной вине императорского режима»¹¹⁹.

Этой же точки зрения придерживается современный историк В. Чурбанов, ссылаясь на одного из лидеров петроградских большевиков, члена Русского бюро большевистского ЦК и Петроградского

¹¹⁸ «Московский комсомолец», №7, 2007.

¹¹⁹ Милюков П.Н. Избранное. М. Т. 10. 150 с.

комитета РСДРП(б) А. П. Шляпникова, который, получив сообщение о том, что в столице началась революция, воскликнул:

«Какая там революция! Дадут рабочим хлеба, и движение уляжется»¹²⁰.

И В. И. Ленин, по мнению А.Арутюнова, *«проспал февральскую революцию»*.

«События в России страшно удивили и озадачили Ленина, — пишет он. — Не оправдались его политические прогнозы. Он не верил в то, что в России в ближайшем будущем может вспыхнуть революция. Он считал, что социальные слои населения еще не созрели для того, чтобы стряхнуть с себя страх и оцепенение»¹²¹.

Не верили, что возможна революция и царь, его окружение. Даже когда она уже грянула, императрица телеграммой успокаивала мужа: «Это хулиганское движение — мальчишки и девочки бегают и кричат, что у них нет хлеба... Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам»¹²².

А. Солженицын не соглашается с этим, возражает этой группе авторов.

«Никак бы не отговориться, что Февральская революция грянула неожиданно. О созревании революционной обстановки не дремлющее Охранное отделение доносило своевременно и в полноте, — доносило больше, чем правительство способно было усвоить и принять к решению»¹²³.

Возражение небезосновательное. Выше приводились документы Департамента полиции и выступления прессы, подтверждающие этот вывод.

Точку зрения Солженицина в принципе разделяет С.Кара-Мурза. В фундаментальном исследовании «Советская цивилизация. От начала до наших дней» он обстоятельно анализирует истоки Февраля, дает

¹²⁰ «Российская Федерация сегодня». №2.,2006. С. 52.

¹²¹ Арутюнов А. «Ленин». М., 2002. Т. 1. 90 с.

¹²² Переписка Николая II и Александры Романовых. М., 1926. Т.5. 219 с.

¹²³ «Российская газета», 2007, 27 февраля.

социальный портрет тех, кто шел и делал революции в России: крестьян, рабочих, армии, буржуазии, интеллигенции, дворянства, духовенства, политических партий и их печатных органов, всевозможных объединений – и тоже приходит к выводу, что революция зрела давно, при этом развенчивает миф об особой роли в подготовке и осуществлении ее партии большевиков.

«Сейчас, когда рассеялся туман «истории КПСС», мы знаем, что большевики мало что добавили к ее подготовке. Уж во всяком случае, неизмеримо меньше, чем П.А.Столыпин и сам Николай II»¹²⁴...

И. Фроянов видит иностранный след в революции. Он отмечает, что Яков Шифф снова начал активно финансировать революционное движение в России с 1916 года, приводит донесение русского агента в США, поступившее в Ставку 15 февраля 1916 года.

«Русские революционеры в Америке, – говорится в нем, – без всякого сомнения приняли решение перейти к действию, поэтому каждую данную минуту можно ждать волнений. ...Большинство присутствующих были евреи... Было доложено, что революционные организации получили из России секретные сведения в смысле того, что положение совершенно подготовлено, так как все предварительные соглашения на предмет немедленного восстания заключены. Единственное серьезное препятствие – это недостаток денег, но как только этот вопрос был поставлен, сейчас же было заявлено собранию некоторыми из присутствующих, что это обстоятельство не должно вызывать никаких колебаний, потому что в ту минуту, когда это будет нужно, будут даны крупные суммы лицами, сочувствующими русскому освободительному движению. По этому поводу имя Якова Шиффа было произнесено несколько раз»¹²⁵.

Как порою бывает, высказанные выше авторами мнения, хотя и диаметрально противоположны, но имеют право на жизнь. Газета – зеркало жизни общества – документ истории. Полистайте «Русские

¹²⁴ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От начала до наших дней. Книга 1. М., 2008, 257 с.

¹²⁵ Фроянов И. «Октябрь 1917-го». Спб., 1997. С. 62.

ведомости», «Новое время», «Русское слово», «Петроградские ведомости», «Утро России», «Петроградскую газету», «Русскую волю», «Биржевые ведомости», «День», «Речь» (это главные столичные газеты тех дней) с начала января по 25 февраля 1917 года и увидите, как нелегко жилось тогда россиянам, но не найдете ни малейшего намека на грядущую революцию. Но с другой стороны, печать подвергала резкой критике власть, заявляла, что она не способна обеспечить народу лучшую жизнь.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА. А.Д. ПРОТОПОПОВ, ПОСЛЕДНИЙ МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ:

«Финансы расстроены, товарообмен нарушен, производительность страны — на громадной убыли: пути сообщения в полном расстройстве, что чрезвычайно осложнило экономическое и военное положение. Наборы обезлюдили деревню, очутился громадный недостаток рабочей силы... Деревня без мужей, братьев, сыновней и даже подростков тоже была несчастна. Города голодали, торговля была задавлена, постоянно под страхом реквизиций... Товаров было мало, цены росли, развивалась продажа «из-под полы», получалось «мародерство»... Искусство, литература, ученый труд были под гнетом; рабочих превратили в солдат, солдат — в рабочих. Армия устала, недостатки понижали ее дух... Упорядочить дело было некому...»¹²⁶.

Да, гром грянул для кого-то неожиданно, но не для всех и не с ясного неба... Прозовые тучи ходили над Россией не один год и даже не одно десятилетие, и печать способствовала тому. Солженицын, некоторые другие авторы бросают упрек за Февраль 1917-го Николаю II, обвиняя его в нерешительности, дескать, мирился с тем, что не один год забастовочное движение на заводах подкреплялось неопознанными деньгами для анонимных забастовочных комитетов. Правительство десятилетиями смотрело на революционную агитацию как на неизбежно текущее, необратимое, уже и привычное зло. По его мнению, российское правительство почти не боролось за свое существование против подрывных действий. В февральские дни агитаторы камнями

¹²⁶ Отечественная история. С. 142.

и угрозами насильственно гнали в забастовку рабочих, задержано десятка два, но ни один не расстрелян — даже не предан суду. Думается, не за это стоит упрекать царя. Более существенно то, что его политика была антинародной.

В эмигрантских кругах довольно долго ходила аргументация, что Николая II предало его окружение и прежде всего генералитет, министры. Да, это так, но... а не его ли это главная вина? Кто же эти все ничтожества назначил, если не он сам? Почему в эти испытательные недели России назначались дряхлые премьер-министры? А военным министром — канцелярский грызун Беляев? (Потому что они очаровали императрицу помощью по дамским комитетам.) Почему главная площадка власти — министерство внутренних дел — отдана психопатическому болтуну, лгуну, истерику и трусу Протопопову, обезумевшему от этой власти? На Петроградский гарнизон, и без того уродливый, бессмысленный, — откуда и зачем вытащили генерала Хабалова, полудремлющее бревно, по определению печати, бездарного, безвольного, глупого? Почему при остром напряжении с хлебом в столице — его распределение поручено безликому безответственному Вейсу? А столичная полиция почему доверена новичку из Варшавы? Почему, почему, почему?...

Больше всего сетований на мягкотелость Николая II. А если бы не было всех этих «почему?», монархия удержалась бы? Едва ли. Был бы Николай II и предельно жестоким, едва ли России удалось бы избежать революции. И не такой уж «пушистенский», этакий сердобольный ангелочек Николай II, как его изображают некоторые авторы. По царскому велению расстреляна не одна демонстрация. Одно «кровавое воскресенье» чего стоит! А подавление Кронштадтского восстания тем же царским любимчиком Ивановым, наконец расстрел демонстрантов в Петрограде в феврале 17-го! Или вот еще почитайте образец николаевской «мягкотелости».

ДОКУМЕНТ

БЕСЕДА ГЕНЕРАЛА М. В. АЛЕКСЕЕВА С НИКОЛАЕМ
II ПОСЛЕ ДОКЛАДА О СРАЖЕНИИ У ОЗЕРА НАРОЧЬ.
АПРЕЛЬ 1916 Г.:

«— Потери громадны, особенно в 5 корпусе, Ваше Величество.

- Ну, что значит «громадны», Михаил Васильевич?
- Около 50 процентов, Ваше Величество, и, что особенно тяжело, в том числе масса достойных офицеров.
- Э-э-э, Михаил Васильевич, такие ли еще погибали, обойдемся с другими, еще хватит.
- Ваше Величество, прикажете, все-таки, поддержать корпус и сообщить телеграфом выражение вашей искренней скорби?
- Дайте, пожалуй, только не надо «искренней» а просто «скорби».
- Слушаю-с...»¹²⁷!

Нет, не мягкотел был и вовсе не бездействовал Николай II, не церемонился с революционерами, как не бездействовали полиция, войска. Десятки сотен «смутьянов» власти сослали на каторгу, а сколько томилось в тюрьмах! Только 26 февраля 1917-го полиция арестовала 100 членов революционных партий. Кстати, в это время большевистская партия была обезглавлена: «верхушка» находилась или в ссылках, или за границей. Нет, жестокостью народ не остановить. Запугать можно. Такое часто случается. Но до поры, до времени. Рано или поздно люди осияют страх, что подтверждается всем ходом истории человечества.

...Хабалов, обруганный донельзя Солженицыным за бездействие (и зря), сформировав на второй день революции ударный отборный отряд — около тысячи человек во главе с полковником Кутеповым, приказал ему навести порядок в центре столицы, но через несколько часов солдаты и этого отряда смешались с бушующим людским морем. Даже Царский Конвой, четыре сотни терских казаков, охранявших Николая II в своих страшных туземных папахах, надели белые повязки, выбрали комитет, побрели отмечаться в Думу. Да, у Николая было 13 армий, 40 корпусов — 7 миллионов людей в шинелях, при винтовках (их уже хватало), пушках и даже аэропланы и танки имелись... Но это уже была другая армия — она перешла на сторону народа, разделяла идеи революции, выступала против самодержавия. И генералитет тоже перешел на сторону народа. Большинство генералов высказалось за отрешение царя от престола. Так что наводить порядок в стране практически было некому.

¹²⁷ Там же. С. 149.

Претензии к Николаю II, как отмечалось выше, надо предъявить другие — он вел не ту политику, руками и ногами держался за его любимое «Как встарь». В том его и внутренняя трагедия. И Солженицын, спохватываясь, говорит об этом, но говорит суетно. Фроянов «копает» глубже.

«Возникновение процессов общественной жизни, которые привели к революционным потрясениям в России начала XX века, надо относить к эпохе реформ Петра I, — пишет он. — Столетиями длилась дуэль общества и трона, в феврале 17-ого прозвучал последний, роковой выстрел»¹²⁸.

И у Бердяева находим эту мысль — «в атмосфере неудачной войны, все созрело для революции, старый режим сгнил и не имел приличных защитников... В народе ослабели и подверглись разложению те религиозные верования, которые поддерживали самодержавную монархию»¹²⁹.

Утверждение же иных авторов, что революция произошла как протест против войны, не подтверждается фактами. Хотя агитация велась, особенно большевиками, но сильного движения против войны не было, ни в Петрограде, ни по всей России. Но война, несомненно, сыграла свою роль.

Февральская революция началась, как отмечалось выше, из-за перебоя с хлебом, с хлебных очередей в магазинах. Впрочем, и сами по себе очереди в булочных Петрограда не могли стать той тугой хлебной гирей, способной задушить Россию. Голодом и не пахло. Перебои с хлебом случались, но хлеб-то в Петрограде был. Это утверждали и Хабалов, и Риттих, и другие. Не оспаривают данного факта и историки. Да, «хвосты» в лавки тянулись, но, выстояв очередь, люди брали хлеба столько, что не могли весь съесть и пускали на сухари.

**ЧИТАЕМ ПРЕССУ. «БИРЖЕВЫЕ ВЕСТИ»,
12 ФЕВРАЛЯ 1917 ГОДА. БЕСЕДА С КОМАНДУЮЩИМ
ПЕТРОГРАДСКИМ ОКРУГОМ С. И. ХАБАЛОВЫМ:**

«К счастью, благодаря принятым чрезвычайным мерам, продовольственный кризис удалось на время ослабить.

¹²⁸ Фроянов И. «Октябрь 1917-го». Спб., 1997. 10 с.

¹²⁹ Отечественная история. С. 142.

Железнодорожные пути освобождены от снежных заносов. И в последние дни в столицу прибыли большие партии муки, примерно, в среднем по 25 поездов в день».

Генерал не бравивирует. Историки подтверждают это документами. Так, Г. М. Катанина в своем исследовании «Война, хлеб, революция, продовольственный вопрос в России (1914 – октябрь 1917 гг.)» (Ленинград, 1955 г.) пишет, что в России *«излишек хлеба (за вычетом объема потребления и союзных поставок) в 1916 г. составил 197 млн. пуд»*.

Хлеб был, но его вдруг не стало! Дефицит создан искусственно. Историк Н. Н. Яковлев приходит к заключению, что это заправили февральского переворота *«способствовали созданию к началу 1917 года серьезного продовольственного кризиса»*¹³⁰.

Дефицит создавался не только продовольственный. Фронт постоянно испытывал недостаток оружия, прежде всего снарядов, хотя к 1917 году на складах находилось 30 млн снарядов – примерно столько же, сколько было истрачено в 1914–1916 годы. Этого запаса практически хватило на все время Гражданской войны.

Если в первый год войны в армии за винтовкой и патронами чуть ли не становились в очередь, то в 1917 году оружия и боеприпасов хватало. Так, производство винтовок удвоилось против 1914 года, выпуск пулеметов возрос в 6 раз (900 в месяц против 160 в 1914 году), легких орудий – в девять раз (665 вместо 70). В 4 раза возросло производство тяжелых орудий, утроилось число аэропланов (716 против 203). Но на фронтах всего этого не было в достатке.

Исследователи отмечают (С. Миронов, например), что «февральские события во многом были результатом Первой мировой войны. Один из творцов февраля – председатель кадетской фракции в IV Государственной Думе Милюков признавался, – пишет он, – что для того, чтобы совершить государственный переворот и склонить Николая II к отречению от престола, кадеты и октябристы решили использовать момент острого народного недовольства, вызванного в первую очередь неудачами на фронте»¹³¹.

¹³⁰ Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М., 1974, – с. 206.

¹³¹ «Российская газета», 2007, – №40.

Из вышесказанного сам собой вытекает вывод: царь своей политической внес огромный вклад в свершение Февральской революции. Но не только он. Но кто же дергал за ниточки, дирижировал процессом подготовки и самой революции? Кто останавливал поезда с хлебом и топливом? Кто выводил людей на улицы? Вопросы, вопросы...

Политические партии? К февралю в России действовало более 100 общероссийских партий и объединений. В «Полном сборнике платформ всех российских партий» (Спб. 1906 г.) изложены цели и задачи 16-ти наиболее влиятельных: социал-демократов, социал-революционеров, радикалов, свободомыслящих, конституционных демократов, демократического Союза конституционалистов, умеренных прогрессистов, прогрессивно-экономической партии, народнохозяйственной партии, всероссийского торгово-промышленного Союза, Союза 17 октября, партии правопорядка, монархистов-конституционалистов (царистов), русского народнического всеславного Союза, отечественного Союза, Русского Собрания.

Влиятельной силой, безусловно, стали к февралю 17-го социалисты-революционеры (эсеры). В их рядах к этому времени насчитывалось около миллиона человек, объединявшихся в 436 местных организациях. Но после разоблачения Азефа эсеры чуть приутихли, делая ставку на созыв Учредительного собрания. Считая великим злом распад крестьянской общины, они вели свою работу в основном в деревне. Эсеры хотели революции и отстаивали народное крестьянское социалистическое государство, но февральские события застали их врасплох.

В Петрограде почти не было сколь-нибудь влиятельных большевиков, отмечает В. Кожинов.

«Поскольку они выступали за поражение в войне, они вызывали всеобщее осуждение и к февралю 1917 года пребывали или в эмиграции в Европе и США, или в далекой ссылке, не имея сколько-нибудь прочной связи с Петроградом. Из 29 членов и кандидатов в члены большевистского ЦК, избранного на IV съезде, ни один не находился в февральские дни в Петрограде. И сам Ленин, как известно, не только ничего не знал о готовящемся перевороте, но ни в коей мере не предполагал, что он вообще возможен»¹³².

¹³² Кожинов В.Г. Правда «черной сотни». М., 2006. С. 236-237.

Но даже когда до Ленина дошли первые сообщения о февральских днях, он не был способен управлять из Швейцарии этим процессом и только хлопотал о том, чтобы быстрее попасть в Россию. А приехал не то что к шапочному разбору, а гораздо позже — Февральская революция свершилась, топки, то бишь костры, поделены, Временное правительство сформировано¹³³.

Меньшевики тоже не были организаторами революции, они никак не могли поделить сфер влияния с большевиками. Известный историк того времени С. Н. Булгаков обвинял в разжигании революции кадетов и октябристов:

«В это время (конец 1916 г.) в Москве проходили собрания, на которых открыто обсуждался дворцовый переворот и говорилось об этом, как о событии завтрашнего дня», — пишет он и добавляет: «Особенное недоумение и негодование вызывали в то время речи и дела кн. Г. Е. Львова, будущего премьера Временного правительства... Его я знал, как верного слугу царя, разумного, ответственного, добросовестного русского человека, относившегося с непримиримым отвращением к революционной сивухе, и вдруг его речи на ответственном посту (накануне февральской революции Г.Е.Львов стал председателем Всероссийского земского союза — *Авт.*) зовут прямо к революции»¹³⁴.

Кадеты были влиятельной силой в первой русской революции, но правительство жестоко тогда расправилось с ними, правда, к 17-му они оклемались, имея в своих рядах около ста тысяч человек. Но партия официально заявила, что будет действовать не революционным, а эволюционным путем. Октябристы и вовсе не помышляли о свержении монархии, наоборот, всеми правдами и неправдами защищали ее.

Анархисты? Но это, как отмечалось выше, не партия, а объединение людей, принципиально отрицающих всякие партии и государства. Для них всякая власть — зло. Главные лозунги — «Долой власть!», «Анархия — мать порядка!». Их программа: нужно договариваться, пусть народные массы объединяются сами по себе в общества, синдикаты и управляют по-своему. К февралю анархистов в стране около полумиллиона. Но и они не застрельщики революции!

¹³³ Арутюнов А. «Ленин». М., 2002. Т. 1. С. 91.

¹³⁴ Булгаков С.Н. Христианство и еврейство. Париж, 1999. С. 310.

В большинстве национальных окраин возникли свои партии — и революционные, и промонархические: на Украине, в Польше, Белоруссии, Литве, Латвии, Эстонии, Финляндии, Грузии, Армении. У мусульман появились идеи «шариатского социализма» и парламентских автономных государств казанских татар, башкир, азербайджанцев, туркестанцев... Впрочем, голоса этих партий мало кто слышал.

Российские революционеры не были готовы к этой удивительной революции, волей не волей придется согласиться с Солженицыным, исходя из изложенного выше.

«Десятилетиями наши революционные партии готовили только революцию и революцию, — пишет он. — Но, сильно раздробленные после неудач 1906 года, затем сбитые восстановлением российской жизни при Столыпине, затем взлетом патриотизма в 1914 году, — они к 1917-ому, оказались, ни в чем не готовы и почти не сыграли роли даже в подготовке революционного настроения (только будоражили забастовки)... В совершении революции, ни одна из революционных партий не проявила себя, и ни единый революционер не был ранен или оцарапан в уличных боях... Чхеидзе, Скобелев и Керенский, возглавили Совет не как лидеры своих партий (они были даже случайны в них), но как левые депутаты Думы». Солженицын утверждает, что Февральская революция это дитя Думы, «это ее речи перевозбудили общество и подготовили к революции»¹³⁵.

Нет, тут надо поспорить с Солженицыным. Политические партии для свершения революции сделали ничуть не меньше, чем царь. Пожалуй, даже больше. Но не сами они ее осуществили...

Государственная Дума? Революция свершилась... Оседала ее пыль. 26 апреля В. Шульгин в своих записках («Днях») признавался:

«Не скажу, чтобы вся Дума целиком желала революции; это было бы неправдой... Но даже не желая этого, мы революцию творили.. Нам от этой революции не отречься, мы с ней связались, мы с ней спаялись и несем моральную ответственность»¹³⁶.

¹³⁵ «Российская газета», 2007, №40.

¹³⁶ Шульгин В.В. «Дни». М., 1989. 130 с.

Не только Шульгин и Солженицын, но и бывшая свита царя, окружение Родзянко, да и зарубежные историки тоже упрекают Думу и ее председателя в разжигании революции и не случайно наделили Родзянко оскорбительным прозвищем «чучело революции». Родзянко же неоднократно решительно отмежевывался от того, что Дума повинна в Феврале.

ПОСЛУШАЕМ М. В. РОДЗЯНКО:

«Народное представительство — Государственная дума — основой своей работы положила убеждение в необходимости вести страну путем эволюции, но не революции, к развитию либеральных реформ.

Но правительство оставалось глухо к этому правильному пониманию своих задач Государственной думой и продолжало упорно стоять на принципе: “сначала успокоение, а потом реформа”.

...Революция готовилась и организовывалась вне стен Таврического дворца, в среде Исполнительного Совета рабочих депутатов, который имел несомненно определенные директивы и действия по заранее тонко и всесторонне обдуманному плану, выдвигая впереди себя Государственную Думу как бы в виде революционного знамени. Вихрь революционной вспышки сыграл ему в руку, а слабость и нерешительность созданного Государственной Думой Временного правительства... только способствовали дальнейшему, как принято выражаться, углублению революции. Даже зданием и помещениями Государственной Думы сразу же, в первый день, овладели вооруженные рабочие, чему воспротивиться было уже невозможно»¹³⁷.

В рассуждениях Родзянко есть доля истины. В Думе, как показано выше, присутствовали представители всех слоев населения, как в зеркале, отражались основные проблемы многогранной жизни людей. Да, часть народных избранников эмоционально и хлестко говорила с

¹³⁷ Мировые войны. Кн. 1. С. 370.

думской кафедры о бедах народа, но столь же страстно другая часть (кадеты, октябристы, особенно монархисты) защищала монархию. Словом, страсти кипели нешуточные.

Дума, скорее, выпускала пар из российского общества, порой доводя до кипения. При этом Родзянко как председатель Думы довольно успешно руководил вверенным ему оркестром, направляя всю энергию в свисток. Как отмечалось выше, у него была реальная возможность взять власть в свои руки. Он ее и взял под нажимом коллег, неуверенно, но вскоре упустил из своих вялых рук.

Поразмышляв над фактами февраля 17-го, Солженицын приходит к выводу, что революция началась без революционеров, «революция – это хаос с невидимым стержнем. Она может победить и ни кем не управляемая»¹³⁸.

И с этим его суждением согласиться трудно. История не знает, чтобы революции, восстания, пусть и стихийные, были без вожаков и побеждали. Вожаки всегда имелись. Другое дело, афишировали ли они себя или держались в тени и, случалось, не удерживали вожжи в своих руках, и тогда действительно торжествовала стихия, пока не появлялся кто-то и прибирал плоды к своим рукам. Но Февраль 17-го планомерно готовился, и тот же Солженицын, хотя и говорит, что революция возникла спонтанно, но в то же время намекает на некий «невидимый стержень». Ага, стержень, значит, был, а это уж не хаос.

Масоны. На главенствующую роль масонов в Февральской революции указывает ряд исследователей (С. П. Мельгунов, В.Ф. Иванов, Н. Н. Яковлев, В. С. Брачев, О. Ф. Соловьев, Б. И. Николаевский, Н. Г. Журина, В. И. Старцев и др.), отмечая, что русские масоны активизировали свою деятельность к 1910 году, благодаря энергичным действиям нового руководства ложи во главе с Николаем Виссарионовичем Некрасовым. Профессор Томского университета, специалист по статике и сооружению мостов, он затем стал наводить совсем другие мосты – в политике. В 1907 году вступил в кадетскую партию, его тут же избирают в III, а затем и IV Думы. Здесь зарекомендовал себя не столько ярким, неординарным оратором, но хорошим организатором. Масоны его заметили.

¹³⁸ Солженицын А. «Размышления над Февральской революцией». – Российская газета. – 2007. – №40.

«Я был принят в масонство в 1908 году ложей под председательством графа А. А. Орлова-Давыдова на квартире профессора М. М. Ковалевского, — признается он. — Ложа эта принадлежала к политической ветви масонства и была первоначально французской ложей “Grand drient de France”, но уже в 1910 году русское масонство отделилось и прервало связи с границей, образовав свою организацию “Масонство народов России”... Она сразу поставило себе боевую политическую задачу: “Бороться за освобождение Родины и за закрепление этого движения”. Имелось в виду, не допустить при революции ошибок 1905 года, когда прогрессивные силы раскололись, и царское правительство легко, по частям разбило их. За численностью организации не гнались, но подбирали людей морально и политически чистых, а кроме, и больше того, пользующихся политическим влиянием и властью...

...Масонство было надпартийным, то есть в него входили представители разных партий, но они давали обязательства ставить директивы масонства выше партийных. Народнические группы были представлены Керенским, Демьяновым, Переверзевым, Сидамом-Эристовым... Меньшевики и близкие к ним группы — Чхеидзе, Гогечкори, Чхенкели, Прокопович, Кускова. Среди к. д. были — Колюбякин, Степанов В. А. Волков Н. К. и много других. У прогрессистов отмечу Ефремова, Коновалова, Орлова-Давыдова....

...Незадолго до Февральской революции начались и поиски связей с военными кругами. Была нашупана группа оппозиционных царскому правительству генералов и офицеров, сплотившихся вокруг их и Гучкова (Крымов, Маниковский и ряд других), и с ними завязана организационная связь. Готовилась группа в с. Медыка, где сосредотачивались запасные воинские части, в полках Петрограда... В момент начала Февральской революции был дан приказ немедленно встать в ряды защитников нового правительства, сперва Временного Комитета Государственной Думы, а затем Временного правительства»¹³⁹.

¹³⁹ Сикорский Е. «Деньги на революцию». Смоленск., 2004. С. 228.

Во всех переговорах организации власти масоны играли закулисную, но видную роль. Вспомните дебаты депутатов в Думе, отзыв в другую комнату Керенским переговорщиков Петросовета с членами Временного Комитета по поводу приказа № 1.

В этой связи нельзя обойти фигуру А. Ф. Керенского.

Известный большевистский авторитет В. Д. Бонч-Бруевич указывал, что «А. Ф. Керенский был вспоен и вскормлен масонами, и был специально воспитываем ими на роль политического руководителя во время предстоящего движения за свержение самодержавия, а после — для борьбы с Советом рабочих и солдатских депутатов»¹⁴⁰.

Кстати, Керенский этого не отвергал. Е. Сикорский считает, ссылаясь на данные царской охраны, что Керенский еще до февраля 1917-го стремился объединить все радикальные интеллигентские силы вокруг левонароднических журналов «Заветы» и «Русское богатство», пытался проникнуть со своими единомышленниками во всех легальные организации, насаждать там свои идеи. В это время Керенский являлся юрисконсультom немецкой фирмы в России «Шпан и сыновья». 26 января 1916 года товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий доносил, что адвокат и член Думы Керенский располагает немалыми финансовыми средствами.

Другой «активист» масонов в России — А. И. Гучков. Во главе с ним братья-каменщики взяли в годы войны под свой контроль снабжение армии. Под их напором, после поездки Родзянко на фронт, правительством создано «Особое совещание» из военных, депутатов и представителей крупного капитала. Последние охотились за выгодными казенными заказами, большинство которых шло через Особое совещание. Вскоре на базе Особого совещания Гучков создал военно-промышленные комитеты во главе с Центральным ВПК (он существовал до конца 1918 года), которым сам и руководил, а заместитель его — прогрессист А.И.Коновалов. Московский ВПК возглавил известный банкир и промышленник П.П.Рябушинский, Киевский — сахарозаводчик М.И.Терещенко. Вскоре в России появилось 250 областных и местных ВПК, в 58 из которых существовали и рабочие группы,

¹⁴⁰ Там же.

состоящие из кадетов, меньшевиков, эсеров. Большевики ВПК бойкотировали. Постепенно ВПК стали подменять органы власти, не только осуществлять контроль за снабжением армии, как пишут авторы «Мировых войн XX века», но и «прямо подключаться к руководству революционным процессом»¹⁴¹.

Масоны установили контроль за продовольственным снабжением страны. Через кадетскую партию выдвинули идею создания Министерства снабжения на базе Земгора, имевшего разветвленную сеть снабженческих организаций. На первых порах предлагалось сделать Земгор филиалом министерства земледелия. Готовился уже законопроект по этому вопросу, который планировалось провести через прогрессивный блок в Думе¹⁴². Но в полном объеме задуманное не удалось осуществить. Тем не менее масоны контролировали поставки продовольствия в городах, и, думается, во многом их стараниями в феврале 1917 года в Петрограде произошли перебои с поставкой муки, а за Уралом придерживались эшелоны с хлебом, идущими из Зауралья, Омской области, с Алтая.

Задолго до февраля масоны начали создавать по всей стране подконтрольные им Советы рабочих депутатов. С этой целью летом 1915 г. член Верховного Совета российских масонов А. Ф. Керенский отправляется в турне по России. Вникнув в суть этих поездок, МВД пришлось к выводу о необходимости принятия к Керенскому решительных мер вплоть до ареста, чтобы остановить его работу по подготовке революции, но он пользовался депутатской неприкосновенностью.

По инициативе Некрасова 14 марта 1916 года для координации всех сил по свержению государственной власти предпринималась попытка создать Союз союзов. Выступая на съезде представителей городов, он говорил:

«Имеется масса мелких, отдельных ячеек, но еще не объединены в одну всероссийскую организацию кооперативы. Перед нами, таким образом, задача создания целого ряда новых всероссийских союзов – рабочего, кооперативного, торгового и др. И когда они возникнут, тогда все они вместе с Всероссийским городским и земским союзом должны из своей среды выделить

¹⁴¹ Мировые войны. Кн.1. 370 с.

¹⁴² ГАРФ. Ф.. 97. Д.27. л.145.

высший орган... Это будет как бы штаб общественных сил всей России»¹⁴³.

Свидетели событий февраля 1917 года и некоторые историки (О.Платонов, к примеру) отмечают удивительно организованный характер революционных беспорядков, начавшихся сразу же после отъезда царя из Петрограда. 22 февраля они, как по мановению волшебной палочки, охватили столицу. Родзянко, как помним, считал, что подготовка революционных беспорядков осуществлялась в среде членов Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов. Но тот же О. Платонов опровергает его, обращая внимание на такой факт – Совет рабочих и солдатских депутатов возник только 27 февраля, а организованные «хлебные бунты» начались 22 февраля. Ни большевики, ни эсеры, ни кадеты и октябристы даже после отречения царя от престола, когда им, казалось бы, ничего не грозило, в этом не признались. Значит, существовали некие тайные силы, совсем не заинтересованные в огласке их причастности к событиям. В то время в России таких сил было две: масоны-евреи и германские шпионы. Они объединились и вздыбили Петроград, вначале руководили из подполья через своих людей, а 27 февраля легализовали себя в виде Петросовета. Практически в один день возникают и два органа: Временный комитет Думы, а ближе к ночи – Временный Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который возглавили масоны Чхайдзе, Керенский, Скобелев.

«Первый состав Исполнительного комитета Совета, – подчеркивает О. Платонов, – не включал ни одного русского, а три четверти его были евреи: Гуревич (Дан), Гольдман (Либер), Гоц, Гендельман, Розенфельд (Каменев). Были также один поляк и один армянин. Секретарем Петросовета стал, связанный с немецкой разведкой, масон Н.Д.Соколов (но он ведь русский. – *Авт.*), выполнявший те же функции при Верховном Совете российских масонов. Из 13 членов Временного комитета Государственной думы 11 были масоны»¹⁴⁴.

¹⁴³ ГАРФ. Ф., 97. Д.34., л.126.

¹⁴⁴ Платонов О. «Терновый венец России. Тайная история масонства». М., 2002. С. 257.

Методы работы русских масонов — постепенное замещение царской бюрократии своими людьми на ключевых постах. В. И. Ленин, судя по всему, знал о существовании этой тайной организации русских каменщиков, ведь не случайно же, говоря о февральской революции, подчеркнул:

«Эта восьмидневная революция была, ... “репетиция”, актеры знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка, политических направлений, и приемов действий»¹⁴⁵.

Первым, кто со всей определенностью поставил вопрос о масонских планах насильственного отстранения Николая II от власти, был участник этих событий, эмигрантский историк С.П.Мельгунов, пишет исследователь В. Грачев в вышедшей в 1931 году в Париже книге «На путях к дворцовому перевороту». Опираясь на документы, он убедительно показал, что подготовкой и организацией февральского переворота 1917 года руководили две группы или два кружка русских масонов.

«Во главе одного из них — военного стоял А. И. Гучков. Другой, гражданский, возглавил А. Ф. Керенский»¹⁴⁶.

И историки В. Иванов, О. Платонов считают, что двигателем второй антирусской революции являлось мировое масонство, российское либерально-масонское подполье, а также социалистические и националистические круги, активно действующие во время войны на деньги германских, австрийских спецслужб, а также международных, прежде всего американских, антирусских центров. Началом же революции следует датировать, считает О.Платонов, 9 августа 1915 года, когда образованный Прогрессивный блок, созданный всеми антирусскими партиями из числа членов Думы и Госсовета с целью отстранения от власти законного правительства и формирования нового Совета Министров, «облеченного доверием страны», из состава исключительно главных руководителей либерально-масонского подполья. Мировое масонство, по мнению Платонова, придавало

¹⁴⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 31. 12 с.

¹⁴⁶ Брачев В. «Масоны у власти». М., 2006. С. 364.

революции тонус, освящало своим авторитетом, а когда нужно — выделяло и деньги. Войском этой революции стали члены социалистических и националистических партий, подпитанные немецкими деньгами, но ее действительным, хотя и негласным, штабом и мозговым центром было либерально-масонское подполье, ставившее своей целью свержение существующего государственного строя и разложение православной церкви¹⁴⁷.

Можно, конечно, отмахнуться от этих авторов. Мало ли что пишется в последнее время. Но вот фундаментальное коллективное исследование Российской академии наук (Институт всеобщей истории), изданное «Наукой», — «Мировые войны XX века в 4-х книгах». Авторы его тоже утверждают, что масоны в Февральской революции принимали активное участие.

«Организации масонов существовали в Петрограде, Москве, Киеве, Тифлисе, Самаре и некоторых других городах, — отмечают они. — С достаточной долей уверенности можно предполагать, что в обстановке острейшей общественно-политической конфронтации, царившей в то время в России, а также учитывая полное бессилие думской оппозиции изменить ситуацию в стране в рамках существующих законов, масоны решили использовать свою нелегальную организацию.

...В определенной мере масонам это удалось, о чем свидетельствует персональный состав Временного правительства, пришедшего к власти после падения самодержавия (почти все его члены были масонами)»¹⁴⁸.

Масоны действовали через своих представителей в печати, партиях (меньше всего их было среди большевиков), правительстве, Думе, армии, общественных организациях, отнюдь не стремясь афишировать решающую роль своего присутствия в них.

Как показывал на следствии в НКВД СССР в июле 1939 года бывший генеральный секретарь Верховного совета ложи Великого Востока народов России Н. В. Некрасов, «предварительный

¹⁴⁷ Платонов О. «Терновый венец России. Тайная история масонства». М., 2002. С. 223, 217.

¹⁴⁸ Мировые войны. Кн.1. 376 с.

сговор сыграл, по моему глубокому убеждению, видную роль в успехе февральской революции»¹⁴⁹.

Некрасов, указывая на связи масонов в военных кругах, назвал только генерала Маниковского и полковника Крымова, входивших в группу Гучкова. Историки О. Соловьев, А. Виноградов, В. Брачев расширяют этот список, называют других генералов-масонов: В.И.Гурко, А. А. Половцева, М. В. Алексеева, Н. В. Рузского, В. В. Теплова.

Имея везде своих людей, масоны направляли ситуацию в нужную им сторону. Когда Николай II, получив информацию о революции в Петрограде, ринулся было сам в столицу ее подавлять, его тормознули на станции Малая Вишера. Тормознул Николая II масонский комиссар А. А. Бубликов.

Роль Бубликова в истории с блокированием царского поезда на пути его следования в Петроград, конечно же, важна, отмечает В.Брачев. Но сам Бубликов в масонской иерархии был сравнительно мелкая сошка. «Подлинным организаторам погони или, правильнее, блокирования царского поезда и предательского направления его в Псков — прямо в руки заговорщика Н.В.Рузского — был глава Верховного совета Великого Востока народов России Н. В. Некрасов»¹⁵⁰.

«Два момента особенно врезались в память, — вспоминал Некрасов в 1921 году, — приказ командующему Балтийским флотом Непенину арестовать финляндского генерал-губернатора Зейна и погоня за царским поездом, которую мне довелось направлять из Государственной Думы, давая распоряжения Бубликову, сидевшему комиссаром в министерстве путей сообщения»¹⁵¹.

Не пропустив поезд Николая II в Петроград, направили его в Псков, где якобы под командованием генерала Н.В. Рузского оставались самые надежные для царя части Северного фронта.

¹⁴⁹ «Вопросы истории». 1998, №11. С. 39.

¹⁵⁰ Брачев В. «Масоны у власти». М., 2006. С. 374.

¹⁵¹ «Вопросы истории». 1998, №11-12. С. 20.

Но, как пишет В. Брачев, это была ловко подстроенная заговорщиками-масонами «западня, так как именно Рузский, как раз и являлся одним из наиболее деятельных участников готовившегося на апрель 1917 года государственного переворота». Именно Рузский и Алексеев убедили царя, что армия отвернулась от него и Государю надо без промедления отречься от престола¹⁵².

«2 марта. Четверг, — читаем в дневнике Николая II. — Утром пришел Рузский и прочел свой длинейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь Министерство без Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К двум с половиной часам пришли ответы от всех — суть та, что во имя спасения России и удержания на фронте спокойствия нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект Манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный Манифест. В 1 час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, трусость и обман»¹⁵³.

Несколько позже Николай II с обидой вспоминал:

«Генерал Рузский был первым, кто поднял вопрос о моем отречении от престола. Он поднялся ко мне во время моего следования и вошел в мой вагон-салон без доклада. Бог не оставляет меня. Он дает мне силы простить всех моих врагов и мучителей, но я не могу победить себя только в одном — генерал-адъютанту Рузскому я простить не могу»¹⁵⁴.

По мнению же историка И. Солоневича, основной пружиной свержения самодержавия, главным стратегом Февраля был А.И. Гучков¹⁵⁵. В. Брачев же не согласен с этим суждением, полагая, что Гучков

¹⁵² Брачев В. «Масоны у власти». М., 2006. С. 374.

¹⁵³ Дневник императора Николая II. М., 2001. 625 с.

¹⁵⁴ Цит. по История СССР. М., 1990. С. 150.

¹⁵⁵ Солоневич И. «Наша страна. XX век». М., 2001. 198 с.

был таким же техническим исполнителем, как и Н.В.Рузский, М.В.Алексеев. Стратегию переворота на самом деле разрабатывали совсем другие люди и совсем в другом месте. Инициатива исходила из-за рубежа. Не от русских масонов.

«Хотели того русские масоны или не хотели, — делает вывод В. Брачев, — но сценарий разыгранного ими в 1917 году «действия», был написан все-таки на Западе»¹⁵⁶.

Делая это заключение, он опирается на факты активизации в 1916–1917 года масонских организаций в США, обещания Шиффа и не только его, а и ведущих банкиров субсидировать революцию в России. И они не жалели денег. Шифф сразу после Февральской революции телеграфом послал П.Н.Милюкову свои горячие поздравления:

«Позвольте мне в качестве непримиримого врага тиранической автократии, которая безжалостно проследовала наших единоверцев, поздравить через ваше посредство русский народ с деянием, только что им так блестяще совершенным»¹⁵⁷.

В ответ Милюков телеграфирует Шиффу:

«Мы едины с вами в нашей ненависти и антипатии к старому режиму, ныне сверженному; позвольте сохранить наше единство и в деле осуществления новых идей равенства и свободы и согласия между народами...». И далее Милюков благодарит Шиффа за поздравления¹⁵⁸.

Комментируя телеграмму Милюкова, И. Фроянов задается вопросом: почему американский банкир поздравлял Милюкова и русский народ? Теперь именно Милюкову надо задать его же вопрос относительно Шиффа:

«Это, что — “глупость или измена?” На чьей же стороне выступал Милюков, говоря в телеграмме о совместной борьбе “против средневековья, милитаризма и самодержавной власти?”— задается вопросом И. Фроянов. “На стороне России, ее

¹⁵⁶ Брачев В. «Масоны у власти». М., 2006. С. 377–378.

¹⁵⁷ Фроянов И. «Октябрь 1917-го». Спб., 1997. С. 63.

¹⁵⁸ Там же. С. 54.

союзников? Едва ли. Быть может, на стороне Германии? Вряд ли. Что же это за третья мировая сила? — ставит он вопрос. И отвечает — масонская»¹⁵⁹.

У масонов была своя цепь лож, было соответствующее руководство. И историк Н. Н. Яковлев убедительно это показывает.

«15 сентября 1915 года, — пишет он, — после провала переговоров Прогрессивного блока, возникшего в Думе, с правительством, те, кто считал себя руководителем русской буржуазии, решили создать тайную организацию»... В документе, найденном после Великого Октября в бумагах А. И. Гучкова, формулировались цели этой организации: взять власть в свои руки и навести порядок в стране. Руководство возлагалось на масонский штаб, «основную ячейку которого составляли князь Г. Е. Львов, А. И. Гучков и А. Ф. Керенский... С самого начала подчеркивался избранный, а не массовый характер организации... До сих пор тайна этой организации не раскрыта, а она была громадной. Ко времени февральской революции вся Россия была покрыта сетью лож»¹⁶⁰.

Масоны всех степеней и градусов, отмечает Н. Н. Яковлев, были последовательными противниками большевиков. Правда, О. Платонов утверждает, что к вольным каменщикам принадлежали и некоторые соратники Ленина — Троцкий, Скворцов-Степанов, Луначарский, Бонч-Бруевич и другие¹⁶¹.

Итак, масоны — влиятельная сила в Феврале, но сказать, что именно эта сила одна совершала революцию, тоже нельзя...

КУПЕЦ РЕВОЛЮЦИИ - ПАРВУС

Некоторые историки обвиняют в осуществлении революции евреев. В России в начале Февральской революции проживало 5,5 млн евреев, больше чем в любой другой стране мира. Среди рабочих евреев было не более 50 тысяч, среди земледельцев — в три раза побольше.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М., 1974. 10 с.

¹⁶¹ Платонов О. «Терновый венец России. Тайная история масонства». М., 2002. С. 171.

Основная же масса — более 80 процентов занималась ремеслом и торговлей. Почти 94 процента российских иудеев проживало в пределах черты оседлости, отмечает Е.Сикорский¹⁶².

Черта оседлости существовала до марта 1915 года. Война сломала ее, евреи частично бежали от немцев в глубь России. Тем не менее некоторые унижительные ограничения для евреев действовали. В высшие учебные заведения их принимали по ограниченной квоте. Они не могли стать офицерами, как и не допускались занимать некоторые должности в государственном аппарате... Евреи рьяно боролись за свои права, ощущая реальную поддержку соплеменников из-за рубежа.

«Евреи сыграли огромную роль в том, что у нас чуть ли не до сих пор сохранилось выражение: «русское освободительное движение», — отмечают современные исследователи А.Буровский и М.Веллер. Евреев была едва ли не половина во всех социалистических организациях. В руководстве социал-демократов даже и больше»¹⁶³.

Активность евреев в революции объясняется прежде всего их грамотностью, организованностью, тесной связью с руководством своих центров и единомышленниками. Многие из них являлись агентами влияния. Да и самодержцы российские сделали немало, чтобы толкнуть евреев в оппозицию. Прежде всего своей политикой.

В Февральской революции весьма заметна германская рука. Это отмечают многие историки (В. Никонов, Е. Сикорский, Н. Яковлев, Р. Пейн, З. Зеeman, В. Шарлау и другие). Как отмечал на страницах «Российской газеты» (№54, 2007 г.) политолог В.Никонов, в основе германской политики лежала программа целей войны, сформулированная канцлером Бетман-Гольвегом 9 сентября 1914 года. Основной метод работы — «стратегия апельсиновой корки»: расчленить Россию «как апельсин, без ножа и ран, на ее естественные исторические и этнические составные части» — Финляндию, Польшу, Бессарабию, Прибалтику, Украину, Кавказ, Туркестан, которые должны стать независимыми государствами под германским контролем. С начала войны немцы вошли в контакт с российскими эмигрантскими кругами.

¹⁶² Сикорский Е. «Деньги на революцию». Смоленск, 2004. 457 с.

¹⁶³ Буровский А., Веллер М. «Гражданская история безумной войны». М., 2007. 207 с.

Политика западных союзников в отношении России накануне революции была как минимум трехслойной. На первом – высшем – уровне, где взаимодействовали главы государств, доверительность была высока. Николай II стал даже британским фельдмаршалом (что не помешает, правда, англичанам поддержать его свержение и откровенно предать после Февраля). На втором, элитном, уровне к России относились плохо, считая ее диктатурой, а русских – полуварварским племенем. На третьем уровне – общественно-политическом – осуществлялась поддержка оппозиции внутри страны, приветствовалась дестабилизация правительства, а также поощрялись антироссийские силы и настроения на периферии нашей страны.

Одним из непосредственных исполнителей воли германской верхушки, первой скрипкой в разжигании революции в России являлся Парвус (Израиль Лазаревич Гельфанд). В годы Первой мировой войны он осел в Турции и в январе 1915 года опубликовал в балканских газетах статьи, в которых утверждал, что торжество социализма в Европе может быть достигнуто только победой Германии над Россией. По указанию заправил мирового еврейства он встретился с немецким послом в Турции Куртом фон Вагенгеймом, заявил ему, как утверждает историк Шуб, следующее:

«Российская демократия может достигнуть своей цели только через свержение царизма. Германия не будет иметь полного успеха, если ей не удастся вызвать в России революцию. Но русская опасность для Германии не исчезнет и после войны до тех пор, пока Российское государство не будет расчленено на отдельные части, Интересы германского правительства и интересы русских революционеров, таким образом идентичны»¹⁶⁴.

Фон Вагенгейм довел мнение Парвуса до своего правительства, которое живо заинтересовалось предложением Парвуса. 9 марта 1915 г. он представил в Берлин записку на 20 страницах – план победы над Россией («Меморандум Парвуса»). Так состоялась «свадьба» Парвуса с немецкими политиками, а затем и спецслужбами.

¹⁶⁴ Шуб Д. Ленин и Вильгельм II. «Новый журнал». Кн. LYII. Нью-Йорк, 1959. С. 232.

ДОКУМЕНТ

МЕМОРАНДУМ ПАРВУСА¹⁶⁵

«К весне надо подготовить в России массовую политическую забастовку под лозунгом: свобода и мир. Центром движения будет Петербург, а в нем – Обуховский, Путиловский и Балтийский заводы. Забастовка должна охватить железнодорожные коммуникации Петербург-Варшава, Москва-Варшава и Юго-Западную железную дорогу..

– Это дело может быть осуществлено только под руководством российской социал-демократии. Ее радикальное крыло уже приступило к действиям. Но надо, чтобы к ним присоединилась и фракция умеренного меньшинства. До сих пор такому объединению более всего препятствовали радикалы. Однако две недели назад их лидер Ленин сам открыто поднял вопрос об объединении с меньшинством... следует уже сейчас приступить к непосредственной агитации. Через Болгарию и Румынию можно установить связи с Одессой, Николаевым, Севастополем, Ростовом-на-Дону, Батумом и Баку.

– Перспективы восстания черноморского флота можно оценить лишь после установления тесного контакта с Севастополем.

– В Баку и в районе нефтяных приисков забастовку можно организовать относительно легко. Если дойдет до забастовки, то надо попытаться, как в 1905 г., поджечь нефтяные скважины и хранилища. Также возможны забастовки в угледобывающей области на Донце. Особенно благоприятны условия на Урале. Там социалистическая партия большевиков имеет много сторонников. Политические забастовки горняков можно легко организовать, располагая некоторой суммой денег, так как население там очень бедное.

¹⁶⁵ Документ и поправки к нему даются в сокращении и хранятся в архиве германского Министерства иностранных дел: Auswartiges Amt, Weltkrieg, 11 с secr. Band 5, A 8629. Меморандум не датирован, но зарегистрирован в журнале Министерства с датой 9 марта 1915 г. Текст печатается в переводе З.Г. Антипенко и М.В. Назарова с немецкого оригинала по его первому изданию в книге: W.B. Scharlau, Z.A. Zeman. *Freibeuter der Revolution. Parvus—Helfand. Eine politische Biographie.* Koln. 1964. S. 361-374.

— Особое внимание надо уделить Сибири. В Европе она известна лишь как место ссылки. Но вдоль великих сибирских трактов, вдоль железных дорог и рек живет крепкое крестьянство, гордое и независимое, которое больше всего хотело бы, чтобы его не беспокоило центральное правительство.

— Одновременно общая линия этого дела должна быть усилена внутри российских социалистических партий посредством дискуссий в печати, в брошюрах и т. д. Брошюры на русском языке можно печатать в Швейцарии...

— Если... русская армия потерпит какое-нибудь серьезное поражение, то движение против режима может быстро приобрести невиданный размах. Во всяком случае, если будут приведены в действие все силы согласно начертанному выше плану, можно рассчитывать на то, что весной дело дойдет до массовой политической забастовки.

— Важным сопутствующим феноменом этих процессов, как и в 1905 г., может стать крестьянское движение. Условия жизни крестьян в России с тех пор не улучшились, а наоборот — ухудшились. В глазах русского крестьянина весь вопрос — в земле. Поэтому он вновь начнет захватывать помещичьи земли и угрожать помещикам.

— Образование независимой Украины будет одновременно выглядеть как освобождение от царского режима и как спасение от хаоса крестьянской смуты.

Финны... прежде всего могут обеспечить сообщение русских революционеров с Петербургом. Поскольку страна очень велика, непосредственно граничит с районом Петербурга и имеет с ним оживленное ежечасное сообщение, можно, несмотря на военную оккупацию, создать информационно-транспортную службу. Можно устроить склады для оружия и контрабандно переправлять в Петербург оружие, взрывчатку и т.п.

Социал-демократы считают царское правительство ответственным за эту войну. Следовательно, они привлекут правительство к ответственности за бесполезность и безуспешность войны.

Они выдвинули требования: отставка правительства и быстрое заключения мира. Если революционное движение достигнет большого размаха, то даже если царское правительство удержит власть в Петербурге — будет создано временное правительство, которое поставит на повестку дня вопрос о прекращении военных действий и о заключении мира»¹⁶⁶.

Германия принимает меморандум Парвуса. Связь с ним решено было держать через немецкого посла в Австрии Мирбаха. Видимо, не случайно потом в Москве, после прихода к власти большевиков, его убрали с политической сцены — слишком много знал. По распоряжению Вильгельма Израилу Лазаревичу дали германское гражданство, он стал главным консультантом германского правительства по вопросам революционного движения в России. Для осуществления плана он запросил 5 млн марок, немцы выделили на первых порах 1 миллион. Гельфанд перевел их в свои штаб-квартиры в Бухарест, Цюрих и Копенгаген. В Бухаресте он встретился с другом Л.Троцкого Х. Г. Раковским и предложил финансировать Ю. Мартова, Л.Троцкого и А.Луначарского, которые в Париже издавали капитулянтскую газету «Наше Слово». И хотя документов, подтверждающих, что Раковский принял этот щедрый подарок Парвуса, историки не приводят, но есть признание Л. Троцкого, который заявлял, что деньги на издание «Нашего Слова» он в основном получал от Раковского¹⁶⁷. А.Ф.Керенский утверждает, ссылаясь на немецкого исследователя Ф.Фишера, что к концу 1917 года Германия истратила на пропаганду и специальные цели 382 млн марок, из которых 40,5 млн потрачено на Россию¹⁶⁸.

В мае 1915 года Парвус появился в Цюрихе и распределил большую сумму денег между русскими политэмигрантами. Встретился и с Лениным, с которым был знаком, предложил ему деньги на революционные нужды. «Эта встреча живописно, но не слишком достоверно описана Солженициным в «Красном колесе», — отмечал в журнале «Родина» (№3, 1915, с.24) историк В.Эрлихман. — На самом деле Ленин, по свидетельству Радека, без долгих объяснений указал гостю на дверь, заявив, что никаких общих дел у них быть не может».

¹⁶⁶ «Родина», №3, 2015 г. С. 25.

¹⁶⁷ Сикорский Е. «Деньги на революцию». Смоленск, 2004. 173 с.

¹⁶⁸ Керенский А.Ф. «Россия на историческом повороте». М., 1993. 265 с.

Парвус был ошарашен, он не ожидал такого поворота, план его трещал по всем швам. В статье «У последней черты» Ленин объяснил свою позицию:

«В шести номерах его журнальчика (имеется в виду журнал «Колокол», который начал издавать Парвус — *Авт.*) нет ни единой честной мысли, ни одного серьезного довода, ни одной искренней статьи. Сплошная клоака немецкого шовинизма, прикрытая разухабисто намалеваной вывеской: во имя будто бы интересов русской революции!... Он защищает немецких оппортунистов с невероятно наглым и самодовольным видом. Он сжег все, чему поклонялся..., он лижет сапоги Гинденбурга»¹⁶⁹.

После свершения Октябрьской революции Ленин запрещает Парвусу приезжать в Россию, мотивируя это тем, что нельзя пачкать революцию грязными руками. Его отношение к Парвусу красноречиво характеризует и телеграмма Председателя Совнаркома от 4 февраля 1922 года в Политбюро.

«Предлагаю назначить следствие по поводу того, кто поместил на днях в газетах телеграмму с изложением писаний Парвуса... ибо только круглый дурак или белогвардеец мог превратить наши газеты в орудие рекламы для такого негодяя, как Парвус»¹⁷⁰.

Ленин если не знал, то догадывался, кто такой Парвус на самом деле. С кем, помимо немцев, связан, какова его роль в русской революции. Исследователи И.Фроянов, Г.Катков, В.Кузнецов, А.Солженицын, А.Кац и другие характеризуют Парвуса-Гельфанда как отпетого авантюриста, дельца, мошенника, спекулянта идеями революции, платного агента германского империализма. А.С.Кац замечает:

«Личность Парвуса интересна, загадочна и достойная изучения... особенно в связи с его тайным влиянием на развитие революционной драмы»¹⁷¹.

¹⁶⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 27. 82 с.

¹⁷⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. 381 с.

¹⁷¹ Кац А.С. «Евреи. Христианство». Россия, 2005. 255 с.

Соглашаясь с этим суждением, И.Фроянов добавляет:

«Нельзя простодушно воспринимать Парвуса, как платного германского агента. Он был куда более самостоятельным и значительным, чем простой агент... За Парвусом стояли мощные, в высшей степени, могущественные надмировые силы, замысел и план которых он, похоже, осуществлял... Вспомним угрозы Шиффа и Лёба, февральское 1916 года тайное собрание в Нью-Йорке, где было решено приступить к активным действиям, чтобы поднять в России большую революцию... Именно Гельфанд и его агенты, по указанию мирового еврейства организовали и направляли забастовочное движение в России»¹⁷².

Израиля Лазаревича просто убил отказ Ленина от сотрудничества, его грандиозные планы объединения русских революционеров для свержения царизма оказались на грани катастрофы. Из сложившейся ситуации было два выхода: каяться перед германским правительством и возвращать деньги или создавать свою собственную революционную организацию в России. Ему не хотелось ни каяться, ни — еще больше — возвращать деньги. Пошел по другому пути.

Легко сказать — создать собственную организацию. Он понимал всю сложность ее решения, но надеялся на еврейско-масонские связи, друзей, Троцкого и других единомышленников по Петербургскому Совету 1905—1907 годов, связи с российской печатью и политическими партиями. Но прежде чем взяться за создание организации, надо было выбрать базу. Решил обосноваться в Скандинавии. Во-первых, в Стокгольме и Копенгагене заключались основные банковские сделки, проводимые в то время воюющими государствами, например, товарооборот между Россией и Германией, с августа 1915 по июль 1916 года составил более 11 млн рублей. Во-вторых, эти города являлись центрами множества шпионских сетей. В-третьих, здесь был «большой пересадочный вокзал» российских революционеров, которые следовали в Европу и из Европы.

Для оперативной работы и координации действий нужен был штаб. Он его создал в Копенгагене, назвав для отвода глаз «Институтом научного и статистического анализа». В качестве сотрудников пригласил Г. И. Чудновского, А. Г. Зурабова, М.С. Урицкого и других.

¹⁷² Фроянов И. «Октябрь 1917-го». Спб., 1997. С. 104.

Правой рукой его вскоре стал Яков Станиславович Фюрстенберг (Ганецкий). Это был далеко не последний человек в революционном движении. Он родился в 1879 году в Варшаве. На V съезде стал членом ЦК РСДРП. В годы войны примкнул к Циммервальдской левой оппозиции. Вместе с В. Воровским и К. Радеком входил в заграничное представительство ЦК РСДРП(б), которое издавало «Вестник русской революции» и «Русский корреспондент “Правды”». Держал связь с Лениным, имел отношение к финансовым делам партии, как замечает Е. Сикорский, по существу, являлся казначеем Ленина¹⁷³.

Забегая вперед, заметим, что в 1918 году за сотрудничество «с грязным дельцом» Гельфандом большевики исключали Ганецкого из своих рядов, но вмешался Ленин, и решение отменили. После Октябрьской революции работал в Наркомфине, Наркомвнешторге. 26 ноября 1937 года расстрелян как «немецкий шпион и троцкист». Историки (Е. Сикорский, М. Футрелл, Р. Пайпс, В. Зеeman, В. Шарлоу), характеризую Ганецкого, подчеркивают, что он сочетал в себе четыре ценных качества: светлый ум, трудоспособность ломовой лошади, хитрость лисицы и большой талант ведения торговых операций, — и полагают, что «в контору» Парвуса он, видимо, попал с благословления Ленина.

Между тем Парвус, закрутив дело по активизации революции в России, в июле 1915 года получил от немцев второй транш в размере млн марок. Для передачи денег в Россию разработал специальную схему — на Западе закупались ходовые товары, которые передавались петроградской фирме Фабиона Клингслэнда, где попадали в руки родственницы Ганецкого — Е.М. Суменсон. Через руки Ганецкого-Суменсон в общей сложности прошло свыше 2 млн рублей. Весьма большие деньги по тем временам.

Немцы народ педантичный, четко контролировали денежные потоки. В одном из донесений агентов МИД указывалось:

«До сих пор удается вести все дела так осторожно, что никто из работающих в этой организации не подозревает, что за всем этим стоит наше правительство. Замечено, что Парвус (Гельфанд) тратит много денег на партийные цели»¹⁷⁴.

¹⁷³ Сикорский Е. «Деньги на революцию». Смоленск, 2004. С. 190-192 с.

¹⁷⁴ Зеeman З. Шарлау. «В. Парвус - купец революции». Нью-Йорк, 1991. 197, 234-235 с.

Создание революционной штаб-квартиры в Копенгагене и организация финансирования оппозиции Николаю II, без сомнения – большое достижение Парвуса, отмечает Е. Сикорский¹⁷⁵. В августе 1915 года германский посол в Дании отправляет в Берлин уточненный план Парвуса по организации российской революции. С планом ознакомился лично кайзер Вильгельм и утвердил его. Ключевые моменты – издание журнала «Колокол» для пропаганды идей свержения царизма, объединение социал-демократии и проведение в России всеобщей политической забастовки. Определен даже день ее начала – 22 января 1916 года. В сентябре 1915-го увидел свет первый номер журнала «Колокол».

Большевики довольно быстро и крайне негативно отреагировали на это событие, назвав «Колокол» в своей газете «Социал-демократ» «органом ренегатства и грязного лакейства в Германии».

«Парвус, – писал Ленин в «Социал-демократе» (№48, 1915 г.), – лижет сапоги Гинденбургу, уверяя читателей, что "немецкий генеральный штаб выступил за революцию в России"».

Выпустив журнал, Парвус взялся за подготовку политической забастовки, запросив добавки финансирования. Немцы пошли навстречу, выделив на это еще 1 млн марок. Январские забастовки вспыхнули в России в 1916-м. Они прошли в Николаеве, Одессе...

Е. Сикорский утверждает, что Парвус «позаботился о том, чтобы стачечные комитеты в этих городах имели на своих счетах солидные суммы, что позволяло им ежедневно выплачивать каждому забастовщику рублевый эквивалент трех шиллингов (по курсу 1916 г.). Компенсация была вполне приличной и рабочие подолгу не выходили на работу...»¹⁷⁶.

Но до всеобщей стачки и перерастания ее в революцию дело не дошло. Более того, 22 января 1916 года политическая стачка в Петрограде вообще не состоялась – Россия еще не созрела для взрыва. Парвусу пришлось оправдываться перед своими хозяевами тем, что, дескать, заметно улучшалось продовольственное снабжение, а это снизило

¹⁷⁵ Сикорский Е. «Деньги на революцию». Смоленск, 2004. 196 с.

¹⁷⁶ Там же. 200-201 с.

накал недовольства широких слоев, и хорошо поработали жандармы, отправив в тюрьмы сотни революционеров. Объяснения эти не успокоили немцев, они на время потеряли интерес к Парвусу. Германская разведка сконцентрировалась на обострении политической ситуации на окраинах России. Через своих резидентов Германия пыталась создать диверсионно-повстанческие группы в Закавказье, на Украине. Этим занимались Тифлисская и Эрзерумская резидентуры. Первую возглавлял молодой дипломат, позже гитлеровский посол в Москве граф Ф.Шуленбург. Но и эта попытка Германии взорвать Россию изнутри не получилась.

Германские эмиссары стремились установить контакты с эсерами, влиятельными фигурами как в России, так и за границей. Е.Сикорский утверждает, что они вышли и на А.Ф. Керенского. Германское воззвание о мире, в массовом количестве изготовлявшееся в Стокгольме и Копенгагене, первым в Петрограде получил не кто-нибудь, а именно Керенский. На одном из заседаний своих единомышленников заявил о наличии у него документа, подтверждающего, что истинным виновником войны является не Германия, а Россия, а как-то признался, что располагает копией конфиденциального письма Николая II кайзеру Вильгельму с просьбой о заключении сепаратного мира для спасения обеих династий от революционных потрясений. Кроме того, немцы поддерживали тесные отношения с лидерами эсеров В. М. Черновым, М. А. Натансоном, Б. Д. Катковым, М. М. Зайонцелем и др.

Но не забыли и о Парвусе. После провала со всеобщей политической забастовкой в 1916 году он убедил своих хозяев поверить ему еще раз. Поверили... На этот раз он опирался на эсеров и меньшевиков из Советов рабочих и солдатских депутатов, имел причастность к забастовкам и перебоям с хлебом и углем в Петрограде в феврале 1917-го. Так что свой вклад в Февральскую революцию внесли и германские власти. И союзники России — тоже.

НАПОЛЕОН ОКАЗАЛСЯ ПРАВ

Наполеон как-то сказал, что три враждебных газеты опаснее стотысячного вражеского войска. Эти его слова многократно подтверждала жизнь. Вот и во время русских революций несколько десятков газет в Санкт-Петербурге, Москве, других городах разжигали пламя революции более эффективно, чем несколько сот тысяч агитаторов во всех политических партиях.

Уже в конце 1904 года печать «явочным порядком» расширила цензурные рамки, определенные в 1880-е годы. По воспоминаниям Витте, пресса начала разнуздываться еще с началом русско-японской войны. Именно в это время журналистика осознала свою, особую, только ей присущую роль — информировать читателей о том, что происходит, несмотря на любые катаклизмы и влиять на общественное сознание. Момент самоопределения журналистики стал одним из самых главных итогов русской революции.

Для российской периодики в начале столетия самым острым вопросом стал вопрос свободы печати. Еще в начале октября 1905 года в Петербурге по инициативе газеты «Наша жизнь» создан Союз в защиту свободы печати. В него вошло около 36 изданий разных направлений. Первые заседания, во время которых обсуждались проблемы ослабления цензурного гнета, проходили в редакции «Нашей жизни», затем переместились в «Новое время».

Союз провел определенную работу в борьбе за свободу слова. Его заслуга есть и в том, что в России появились новые «Временные правила» о печати, обнародованные 24 ноября 1905 года, которые несколько ослабили цензурный гнет. Революционный подъем обусловил бурный рост периодической печати, продолжающийся и в период спада революции. В 1905–1907 годах было основано 1143 новых общественно-политических органа. Всего же в этот период в России издавалось 3310 газет и журналов, из них 1467 — общественно-политические издания.

В годы революции газета как тип издания заняла господствующее положение, и среди газет особое значение приобрели ежедневные общественно-политические издания. Они явились мощным социальным инструментом, при помощи которого оказывалось сильное идейное, психологическое и организационное воздействие на общественные

классы, на классовую борьбу, социально-экономическую и духовную жизнь России. Эта роль газет особенно ценилась политическими партиями¹⁷⁷.

О печати социал-демократов, и в частности «Искре», говорилось выше. Есть довольно обширная литература по большевистской печати¹⁷⁸. Теперь взглянем на некоторые другие издания: главную газету кадетской партии «Речь» и независимую, но самую влиятельную и высоко тиражную в стране в 1917 году газету «Русское слово».

«Речь» вышла в свет 23 февраля (8 марта) 1906 года. Ее редактировали П.Н.Милюков, И.В.Гессен и М.И.Ганфман. Руководствуясь решениями парижского съезда масонов и газеты «Юманите», которая претендовала на роль рупора новых сил власти, они 1 декабря 1905 года выпустили первый номер газеты «Свободный народ», но через несколько дней ее закрыли — газета напечатала манифест Петербургского Совета рабочих депутатов. Милюкова и Гессена отдали под суд, но власти не спешили вершить суд, дело затянулось, и, не теряя времени, «троица» восстановила газету под названием «Народная свобода». И опять-таки ненадолго, отмечает исследователь А.Г. Менделеев, «подвела» статья Б. Струве о московском восстании¹⁷⁹. Власти поднажали на издателя Поппера, вынудив его отказаться от услуг кадетских редакторов. Эстафету подхватил другой богатый промышленник — Ю. Б. Бок. «Троица» хотя и была редакторами де-факто, де-юре подписывал газету сначала Е. А. Бужанский, затем В. В. Водовозов и Б. О. Хоритон.

«Речь» сразу же заявила о себе как газета интеллигенции, оппозиционная правительству. Разоблачение антинародного правительства — стержень всех номеров газеты, материалов В. Азова (псевдоним Ашкинази), М. Фридмана, М. Ганфмана, А. Изгоева (псевдоним А. Ланде), М. Ф. (псевдоним Михаила Фейгельсона), Г. П. (псевдоним Григория Перетца) и других.

Газета «Речь», отмечает исследователь А. Менделеев, всегда находила что-то такое, что больно «было» по правительству, администра-

¹⁷⁷ См. подробной монографию А. Черныка «Власть и журналистика», М.2014. Электронный ресурс: <http://helpiks.org/6-39677.html>.

¹⁷⁸ См. А. Антонов-Овсеенко «Роль периодической печати в формировании общественного сознания в России в 1917 г.», Р. Овсепян «История новейшей Отечественной журналистики (февраль 1917—начало 90-х годов)» и др.

¹⁷⁹ Менделеев А.Г. «Жизнь газеты «Русское слово». М., 2001. 33 с.

ции. В том же первом номере опубликован материал «Ненароком», позаимствованный из Совета Министров, в котором говорится о правах, ограничивающих свободу печати. Милюков в шестом номере рассказывает о лейтенанте Шмидте:

«День за днем проходят для лейтенанта Шмидта и его товарищей по приговору в тяжелом, мучительном ожидании. Одинаково отрезанные от всех беззащитных, сидят эти люди теперь в своих каютах, ожидая с минуты на минуту, что отворится дверь и им скажут: "Пора идти!.."»¹⁸⁰.

1 января (14) 1908 года «Речь» констатирует: «Революция кончилась! Теперь уже для всех ясно, что она кончилась еще 17 октября 1905 года, кончилась победоносно, но затем сменилась стихийным разгулом, жестокой борьбой физических сил, и нет ничего мудреного, что сила организованная победила силу неорганизованную...». Газета разоблачает правительство Столыпина, которое посылает одну за другой карательные экспедиции для умирения народа. Тысячи и тысячи крестьян, рабочих, представителей интеллигенции замучены или расстреляны, повешены или сосланы на каторгу, пишет газета. Особенность «Речи» в том, что она не только информировала своих читателей о фактах российской жизни, но и вела своеобразную дискуссию с властью.

В феврале 1906 года министр внутренних дел И. Д. Дурново послал всем губернаторам циркуляр — особое внимание обратить на крамольную пропаганду среди населения. «Речь» тут же повела атаку на министерство. Но особенно остро она отреагировала на закрытие I Думы, пересказывала основные положения Выборгского воззвания. 22 июля 1906 года правительство закрыло «Речь», а редактора привлекло к судебной ответственности. 5 августа, однако, газета снова вышла. Правда, воинствующий тон газеты поубавился. И это естественно — партия кадетов шла во II Думу «законодательствовать, а не для того, чтобы делать в Думе революцию». Тем не менее газета всем своим содержанием оппонировала правительству, разоблачая его перед читателями. Вот характерный номер от 13 (26 декабря) 1906 года:

¹⁸⁰ Менделеев А.Г. «Жизнь газеты «Русское слово». М., 2001. 36 с.

«ПРИГОВОРЕНА К СМЕРТНОЙ КАЗНИ...

Священный Синод постановил все журналы, издающиеся при духовных академиях, подчинить предварительной цензуре.

Редактор “Зрителя” Арцыбашев приговорен к заключению в крепости на 2 года 6 месяцев.

Приостановлены газеты в Чите — “Забайкальское эхо”, в Одессе — “Студенческая жизнь”, в Пскове — “Соха”. Одесским генерал-губернатором закрыты пять профессиональных союзов.

В Харькове произведен обыск в клиниках. В Риге арестованы 40 рабочих... В Озеретском уезде на Кавказе разгромлено около 20 заводов.

Произведены нападения из Тифлиса на поезд, под Бахмутом — на имение Скрипченко...».

Хотя кадеты были против революции, но их орган — газета «Речь» — подбором материалов не успокаивала читателей, наоборот — подогревала их. В конце 1907 года «Речь» подробно освещала процесс по делу депутатов, подписавших Выборгское соглашение. Публика буквально расхватывала газету.

Большое внимание «Речь» уделяла аграрному вопросу. Она настаивала, что Указ от 9 ноября 1905 года принят в спешке, закон о земле несовершенно. Крестьяне одурачены, «опасные» и «крепкие» хозяева присваивают себе лучшие участки, а бедняки свои бросают. Деревня голодает. Неурожай охватил десятки губерний, от Казани опускается широкой полосой до Тулы и дальше. Особенно бедственное положение в Тбилиси, Ереване, Батуми, Кутаиси.

Переполнены тюрьмы. Газета сообщает, что в тюрьмах сидело в 1911 году 180 000 человек. В Елизаветинской, например, рассчитанной на 243 человека, отбывают срок 500 заключенных. Повсеместно — злоупотребление карцером — некто Батурин получил 14 суток карцера за то, что не снял шапку перед начальством. Из Иркутска пишут, что в Нерчинской каторжной тюрьме отвратительное питание, которое порождает малокровие, туберкулез. Заключенных за малейшие нарушения тюремных порядков избивали. Газета сообщала об издевательствах начальника Новочеркасской тюрьмы Югуртина над бывшим депутатом II Думы Кобяковым. Его в одном белье броси-

ли в карцер. Били так называемым барабанным боем: заключенного держат за волосы, и на него обрушивается град ударов — кто по шее, кто по печени, бьют в такт. «Речь» придавала огласке многое: писала о бегстве каторжан из тульской тюрьмы, об экзекуции — в Тобольской, волнениях — в Орловской, массовых тюремных наказаниях — в Вологодской...

Сообщения «Речи» были так серьезны, что вынуждали Главное тюремное управление принимать меры.

4 апреля 1912 года на Ленских золотых приисках расстреляны рабочие, потребовавшие от хозяев повышения зарплаты, улучшения условий труда. 7 апреля под заголовком «Кровавые события на Ленских золотых приисках» газета подробно рассказывает о происшедшем, публикуя телеграмму, которую получил член Государственной Думы Белоусов из Бодайбо.

В ней говорится: «Мы мирно ждали полного расчета и обратились к иркутским адвокатам с просьбой предъявить от нашего имени иск Ленскому товариществу ввиду нарушения последнего договора. В конце марта были присланы на прииски ротмистр Трещенко и солдаты. Наши выборные пытались вступить в переговоры с ротмистром, которому даны полномочия начальника полиции, о наших нуждах. Ротмистр затопал ногами, осыпая уполномоченных площадной бранью, и выгнал их. 3-го апреля наши выборные, якобы за неявку к судебному следователю для допроса, арестованы на основании 38 (ст. угол. судопроизводства) и препровождены в Бодайбинскую тюрьму. Между тем 10 человек даже не получили повесток о явке. Считая арест незаконным, 4 апреля мы направились к окружному инженеру Тульчинскому и к ротмистру Трещенко в Надеждинский прииск с просьбой освободить арестованных. Во время переговоров толпы с Тульчинским раздалась команда “пли”. 270 человек убито, 250 — ранено. Тульчинский уцелел чудом. После первого залпа толпа легла на землю. Тульчинский лежал среди толпы. Стреляли в убегающих и лежащих. Каждый солдат выпустил по 15 пуль. Среди раненых есть две женщины. В толпе убит стражник. Повторяем, никаких насилий мы себе не позволяли. Внесите запрос, — добивайтесь немедленного расследования

систематических незаконных действий управления Ленского товарищества... а также незаконных действий ротмистра Трещенко, который ныне ходатайствует о введении военного положения и о присылке войск из Иркутска».

«Речь» неоднократно возвращалась к событиям на приисках, и во многом благодаря прессе правительство поручило сенатору С.С.Манухину расследовать этот инцидент, отменило постановление иркутского генерал-губернатора о выселении рабочих с Ленских приисков, возбудило уголовное дело против ротмистра Трещенко. Известие о Ленском расстреле рабочих потрясло Россию, получило широкий общественный резонанс. Уже 9 апреля забастовки волной прокатились по стране. Всего же в 1912 году в революционных волнениях участвовало более 1,5 млн человек, в 1913-м – почти 2 миллиона.

В начале войны с Германией газета видела свою задачу в сплочении общественного мнения, она поддерживала правительство. Постепенно отношение к власти менялось. 1 ноября 1916 года на заседании Думы прозвучало резкое выступление лидера кадетов Милюкова, знаменитый его вопрос, что это – «Глупость или измена?». И 1 ноября «Речь» считает началом русской революции. С этого дня тон газеты стал совершенно другим – более критическим.

В феврале 1917-го «Речь» бьет во все колокола – на железной дороге саботаж, на станциях сосредоточено 150 тысяч вагонов, загроможден подвоз продовольствия к Петрограду. Газета сообщает о глубокой разрухе в хозяйстве страны. Из-за острой нехватки рабочей силы, топлива, сырья останавливались фабрики и заводы, пишут корреспонденты и о массовых выступлениях рабочих, братании солдат на фронтах. Русская революция охватила все население, мало кого оставила равнодушным, констатируют они. Хотела этого или нет, но «Речь» внесла свой весомый вклад в ее разжигание. Впрочем, как и «Русское слово».

«Русское слово» в истории России – самая тиражная (к 1917 году более 1 млн экз.) и самая влиятельная беспартийная независимая газета. Ее по праву называли «фабрикой» новостей, самой осведомленной из всех русских газет. В программе «Русского слова», принятой в 1905 году, записано:

«Мы рассматриваем задачу газеты по отношению к нашим читателям как задачу друга, сотрудника, посильного советчика

и руководителя. Мы ставим себе целью будить самосознание народа, раскрывать все глубже и глубже великие заветы Правды и звать читателей к осуществлению этих заветов, к воплощению их в окружающей нас жизни. Нужды крестьянства, нужды фабричного рабочего, нужды всех трудящихся классов будут предметом особого внимания нашей газеты... На знамени “Русского слова”: братство, мир, свободный труд, общее благо». (Позже «Русское слово» уточняет, что не разделяет целиком программы ни одной партии).

И это не просто декларация, а руководство для сотрудников «Русского слова». 9 января 1905 года расстреляна демонстрация рабочих, шедших к царю с письмом. Правительство запретило публиковать сообщения о жертвах. «Русское слово» дало материал о священнике Гапоне. Потом – официальные сообщения. Известия о расстреле мирной демонстрации 9 января вызвали волнения, и газета пишет об этом. Это возмутило чиновников Комитета по делам печати, последовало первое предупреждение редакции.

После революции 1905–1907 годов «Русское слово» писало о произволе властей, о бунтах, о кровавых усмирениях. Только за два года после революции органы цензуры усмотрели «преступное» содержание в 63 номерах «Русского слова». Но закрыть эту газету власти не отважились – она была очень авторитетной.

Пресса – влиятельное действующее лицо на политической арене, отмечает О. Платонов. Керосина в костер революции то и дело подбрасывали «Речь», «Современное слово» (издатели Гессен и Ганфман), «Биржевые ведомости» (изд. Нотович), «Всемирная панорама» и «Солнце России» (изд. “Котловкер, Коган и Городецкий”), «Огонек», «День» (изд. Кугель), «Новое время» (Рубинштейн)¹⁸¹.

Среди издателей не последним человеком был С. М. Поппер, хозяин «Биржевых ведомостей», с неизменными симпатиями к «революционной демократии». В «профессорских» «Русских ведомостях» печатались деятели различных направлений – и В.Жаботинский, и будущий творец военного коммунизма Лурье-Ларин. «С. Мельгунов отмечал, – пишет А. Солженицын, – что благоприятные выступления “Русских ведомостей” по вопросам, касающихся евреев, происходили не только во имя защиты угнетаемых, а и в силу состава

¹⁸¹ Платонов О. «Терновый венец России. Тайная история масонства». М., 2002. С. 267.

сотрудников еврейского происхождения, которые числились даже в штатах суворинского “Нового времени”, не говоря уже об “Утре России”, “России”, “Русских ведомостях”».

Деятельность издателей и публицистов не ограничивалась столичными или высокоинтеллектуальными газетами, распространялись и на другой конец популярности, например на простонародную «Копейку», читаемую каждым дворником, с четвертьмиллионным тиражом она сыграла большую роль в борьбе с антисемитскими клеветническими кампаниями. Редактором весьма влиятельной «Киевской мысли» был Иона Кугель (один из четырех братьев журналистов), а в ней встречаем и прожженного Д. Заславского, и – самое трогательное – Льва Троцкого. Крупнейшая газета Саратова издавалась Авербахом-отцом (шурина Свердлова), замечает А. Солженицын¹⁸².

Редактор «Киевлянина» Д. И. Пихно, изучавший российскую печать, писал:

«Серьезное русское общество поняло, что в такие моменты печать сила, но этой силы у него не оказалось, а она оказалась в руках его противников, которые по всей России говорили от его имени и заставляли себя читать, потому что других изданий не было, а в один день их не создать ... и общество терялось в массе лжи, в которой не могло разобраться»¹⁸³.

И даже беспартийные независимые русские газеты, как то же «Русское слово», где в подавляющем большинстве были русские сотрудники, ратовали за перемены в жизни России.

И вот грянул Февраль. Как это ни странно, но революционные события, происходившие в последние дни февраля, не нашли отражения в прессе. А все дело в том, что с 25 февраля по 5 марта в Петрограде ни одна газета, кроме «Русского инвалида», не увидела света. Да и опубликованные здесь материалы не давали представления о том, что реально происходит в городе. Нет, ни официальные власти, ни революционные запреты никаких не выносили, просто типографские работники вместе с революционными массами находились на улицах, участвовали во всевозможных митингах. Несколько иная ситуация с выпуском газет сложилась в эти дни и в Москве. Из-за того что

¹⁸² Солженицын А.И. «Двести лет вместе (1795–1995 гг.) в 2 частях». М., 2001. 426-427 с.

¹⁸³ «Киевлянин», 1905, 17 ноября.

издатели не захотели поместить сообщения о беспорядках в столице и деятельности сформированного в Петрограде Совета рабочих депутатов, а затем Временного комитета Думы, типографские рабочие отказались печатать их газеты. Исключение составило «Русское слово», возобновившее свой выход 2 марта. Остальные московские газеты появились лишь на следующий день и лишь после того, как их издатели выполнили требования печатников.

2 марта в России появилось Временное правительство. Рупором проводимой им политики стал его официальный орган «Вестник Временного правительства», который стал продолжением «Правительственного вестника» и сохранил его дореволюционную нумерацию. Он соперничал с «Известиями» Петросовета и уступал им. Материалы «Вестника Временного правительства» в марте 1917-го не содержали информации о каких-либо кардинальных переменах во внутренней и внешней политике страны.

5 марта возобновилось издание «Правды», закрытой царским правительством в июле 1914 года перед самым началом первой мировой войны. Одновременно в Москве увидел свет орган МК большевиков «Социал-демократ». Он был наиболее влиятельной после «Правды» большевистской газетой, имевшей широкую читательскую аудиторию в центральных районах страны. В мартовские дни 17-го большевистские издания вышли в Харькове, Киеве, Екатеринославе, в ряде городов Закавказья, Прибалтики, Туркестана. В течение марта появилось 16 газет большевиков, общий тираж которых составил 300 тыс. экземпляров.

5 марта 1917 года вышли и другие газеты. «Вестник Временного правительства» писал, что «Русское слово», «Речь», «Биржевые ведомости», «Новое время», «День» и др. приветствуют Временное правительство и призывают поддерживать его. В этом же номере сообщалось о том, что назначен комиссар по делам печати.

Немало потрудился для популяризации новой власти А. Керенский, занявший пост министра юстиции. Это по его инициативе при министерстве юстиции начало работать бюро печати, в задачи которого входило сообщение политических новостей и важнейших мероприятий, проводимых правительством.

С первых дней революции в печати России, по мнению Р. Овсепяна, четко обозначились три тенденции. Первую выражала буржуазная

журналистика. Она считала революцию завершённой и провозглашала дальнейший конституционный путь развития страны. Но при этом обходила стороной пути решения самых насущных вопросов, волновавших массы: о войне, мире, труде, земле. Буржуазная пресса, в том числе и кадетская, выступала за продолжение войны и совместные действия с союзниками. Вторая тенденция связана с деятельностью печати меньшевиков, эсеров, анархистов. Она призывала к содружеству с Временным правительством. Третью тенденцию выражала большевистская пресса. Она отстаивала идею перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, обвиняла меньшевиков и эсеров в соглашательстве с Временным правительством и т.д.¹⁸⁴

Все более непримиримыми становились издания большевиков и других партий. Уже в первом номере вновь вышедшей «Правды» содержится категорическое требование к Советам и другим демократическим силам не оказывать никакой поддержки Временному правительству, которое продолжает вести войну, не решает назревших социальных проблем, встало на путь завершения революции. Однако в марте, когда на короткое время ведущую роль в газете занял Л. Каменев, в ее позиции произошла смена курса. Каменев осуществил правку и сокращение присланных Лениным из-за рубежа «Писем из далека». Он одобрял взгляды меньшевиков и эсеров на то, что лозунг «Долой войну!» устарел. Каменев предлагал не прекращать военных действий без согласования с союзниками. Последующие «Письма из далека» «Правда» и вовсе не опубликовала. Однако с возвращением Ленина в Россию в начале апреля 1917-го «Правда» и др. большевистские издания вернулись к прежнему курсу.

Будучи непримиримым к инакомыслию, Ленин опубликовал в «Правде» несколько статей, отражавших его резко отрицательное отношение к поступкам меньшевиков и эсеров и публикациям их газет. Так, в апреле 1917 г. появились его статьи «Один из коренных вопросов» (Правда, 1917, 21 апреля.), «Церетели и классовая борьба» (Правда, 1917, 29 апреля) и другие, в которых он заявлял, что политика эсеров и меньшевиков — это политика прислужничества буржуазии, а Плеханова и его сторонников называл «социал-шовинистами», обвиняя в отступничестве от идей революции.

¹⁸⁴ Электронный ресурс: <http://evartist.narod.ru/text/51.htm>.

Плеханов не без оснований утверждал, что пролетариат и крестьянство не готовы к управлению государством, а поэтому не должны брать политическую власть в свои руки. Исключительный интерес в этой связи представляют его публикации в газетах «Единство» и «Наше единство», объединенные в цикл «Год на Родине»¹⁸⁵.

Во многом созвучны с утверждениями Плеханова и рассуждения М. Горького в серии статей «Несвоевременные мысли». Первая из них появилась в газете «Новая жизнь» в апреле 1917 года. Статьи-размышления Горького представляют собой своеобразную летопись революции от Февраля к Октябрю. В «Несвоевременных мыслях» он утверждал, что в современных условиях России социалистическая революция здесь преждевременна, гибельна для рабочего класса и передовой интеллигенции. Горький не соглашался с теми, кто путь к возрождению видел в перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. В этом споре главным оппонентом М. Горького был В. Ленин. Противоречия в их взглядах не уводили писателя от революции, а, наоборот, вели к более реалистическому пониманию ее задач и возможностей.

С первых дней революции противоборство двух тенденций в социалистическом движении России выражали «Правда» и «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». «Известия» резко полемизировали с «Правдой», которая в свою очередь обвиняла редакцию «Известий» в измене революции.

Но это «междусобойчики» прессы различных направлений. В целом же она подтвердила слова Наполеона, проделала большую работу, чтобы раздуть пламя революции.

И КТО ЖЕ ВЕРШИЛ РЕВОЛЮЦИЮ?

Советская историография отвечала на эти вопросы просто: революция произошла потому, что самодержавие изжило себя, довело людей до нищеты, и они восстали, свергли царя. В принципе это так, но толкование несколько упрощенное. Тут есть существенные нюансы. Одним из первых ученых попытался по горячим следам разобраться в этих самых нюансах, причинах краха Российской империи историк-эмигрант В.Иванов.

¹⁸⁵ Плеханов Г.В. «Год на Родине. От первого лица». М., 1992.

«Передовые общественные деятели, застрельщики и поджигатели бунта, приведшего к гибели России, главным и единственным виновником революционного взрыва считают “кровавый царизм”, который не допускал к управлению “живых сил страны”, не дал “министерства общественного доверия” и помешал новым благодетелям народа превратить Россию в передовую демократическую страну по лучшим образцам Запада.

Многие отделиваются общими местами, указывая на нашу неподготовленность к войне, неудачам на фронте, плохую поставку продовольственного дела, усталость народа от войны как причины, вызвавшие народное недовольство и приведшие к революции.

Начитанный до отказа, но узкий и банальный, как и всякий либерал, “маститый ученый” Струве причину революционного движения видит в интригах коварных немцев, которые “задумали и осуществили русскую революцию”», — писал он.

Иванов делает следующие выводы:

«Февральский бунт — не дело русского народа, не народное движение, а результат заговора небольшой кучки, связанной с иностранцами... У нас бунт произошел не от бедности материальной, а от нищеты духовной... Не социально-экономические причины привели Россию к революции 1917 г., а идейное и духовное банкротство интеллигенции. У народа не было ни желания, ни понимания, ни воодушевления для устройства революции»¹⁸⁶. В. Иванов сделал это заключение через полтора десятилетия после Февраля. К такому же выводу пришел А.Солженицын спустя 90 лет, уже после развала СССР, тщательно изучив архивы. «Ни в необъятной российской провинции, ни в Действующей армии никакого Февраля в феврале не произошло, ни народ, ни цвет армии не участвовали в том — а, значит, нигде, кроме Петрограда, не было предположения к восстанию. Февральская революция произошла как бы не в России, но в Петрограде,

¹⁸⁶ Иванов В.В. «Русская интеллигенция и масонство». М., 2008. 17 с.

потом и в Москве за Россию, вместо нее, а всей России объявили готовый результат. Если бы революция была стихийной и всенародной — она происходила бы повсюду, — считает он.

...К Февралю народ еще никак не утеряти монархических представлений, не был подготовлен к утере царского строя... Но и защищать монархию — ни народ, ни армия так же не оказались подготовленными...»¹⁸⁷.

Рациональное зерно в этих рассуждениях, безусловно, есть. Впрочем, Солженицыну можно кое в чем и возразить. Революции не охватывают разом всю страну. Они происходят главным образом там, где находится правительство и люди прежде всего свергают правителей, а потом уже то ли мирным путем, то ли опираясь на силу, меняют всю систему власти в стране. У любой революции есть активные массы, которые не хотят мириться с существующим строем, и есть пассивные (болото), как есть и защитники этого строя. И далеко не весь народ, да еще в такой огромной стране, как Российская Империя, одинаково наэлектризован. И тот же Солженицын чуть позже приходит к выводу:

«Если в Феврале было мало крови и насилия и массы еще не раскатались, — то все это ждало впереди: и вся кровь, и все насилие, и захват народных масс, и сотрясение народной жизни. Революции бывают и медленные... Наша революция разгуливалась от месяца к месяцу Семнадцатого года...»¹⁸⁸.

В революции, как отмечалось выше, пружин было много, и на массы воздействовала каждая по-своему. Особенно усердствовали агенты влияния извне. Но все же главная пружина — это состояние общественного Сознания или, по выражению Солженицына, — Поля. Нет ни одного исторического Действия, которому бы не предшествовало известное состояние Сознания человека. В феврале 1917-го общественное Сознание населения Российской Империи было практически единым в необходимости перемен в стране. Многие и многие десятилетия в разных слоях общества муссиро-

¹⁸⁷ «Российская газета», 2007, №40.

¹⁸⁸ Там же.

валась идея о перемене державного строя, который тормозил развитие страны. Эта мысль пронизывала и подчиняла головы многих людей, хоть сколь-нибудь просвещенных, думающих о завтрашнем дне. Она почти полностью владела интеллигенцией, пронизывала (хотя и не все) государственно-чиновничьи, военные круги, рабочие, в меньшей мере — крестьянские массы. Это пронизывающее влияние год от года росло, охватывало новые слои населения, особенно усилилось в годы войны внушениями, что существующая власть совершенно не выполняет национальной задачи, неспособна довести войну до победного конца, что при этом режиме в России вообще невозможно дальше жить. Посмотрите, царя в этом убеждают не только пресса и агитаторы разных политических партий, но и родной брат Михаил Николаевич, Председатель Государственной думы Родзянко, депутаты, начальник Генерального штаба Алексеев, командующие фронтами Действующей армии, многие офицеры. Призывают Николая II отречься от престола высокопоставленные сановники, чиновно-бюрократический аппарат министерств и ведомств.

«Российская империя пала жертвой не каких-то непреодолимых объективных обстоятельств, а нескольких разрушительных потоков, которые сошлись в двух точках — на улицах столицы, где произошел бунт запасных батальонов, и в Ставке, — считает политолог В.Никонов. — Все эти потоки носили форму мало скрывааемых заговоров, которые вынашивались в думских, аристократических, земских и социалистических кругах и затронули армейскую верхушку. Свою антиправительственную деятельность в военное время эти круги объясняли стремлением спасти страну от прогерманских изменников в лице императрицы Александры Федоровны и распутинского кружка. Но за последние 90 лет самых тщательных поисков никто не нашел ни одного свидетельства предательских дел или замыслов (при всей отвратительности фигуры Распутина). А самодержавия не было с 1906 года, когда в результате принятия Основных Законов Россия стала дуалистической конституционной монархией.

Революцию подготовила группа элиты — олигархической и интеллигентской — воспользовавшаяся трудностями войны для

установления собственной власти, при этом не понимавшая природы власти и той страны, которой намеревалась управлять»¹⁸⁹.

При этом В.Никонов считает, что мировоззрение интеллигенции в основе своей было если не западничеством, то космополитичным и беспочвенным, некритически позаимствованным у французских просветителей XVIII века и немецких материалистов XIX века. Западные абстрактные теории, интересные только самим философам, в России становились руководством к действию. Именно из интеллигенции в основном складывались все политические партии и движения¹⁹⁰.

И историк В.Иванов считает, что интеллигенция сыграла заглавную роль в революции, добавляя, что при этом она находилась под влиянием масонов.

«Эта интеллигенция в продолжение последних двухсот с лишком лет связала свою судьбу идеологически преимущественно с масонством, с тем кругом идей, которые так ярко, выразительно, соблазнительно, систематично проповедовало это течение европейской мысли. И может быть, нигде, как в России, роль масонства не оказалась столь губительной, столь страшной, потому что европейское общество не могло отдаться этим идеям с той честностью, страстностью, верой и горячностью неопита, с которой отдалась этому течению наша интеллигенция»¹⁹¹.

Пролетариат, крестьянство, по мнению В.Никонова, В.Иванова, некоторых других исследователей играли в революции роль массовок, причем не на главной сцене. Даже в рядах РСДРП(б), которая носила название рабочей партии, рабочих было меньше половины.

Февральская революция рукотворная. Свою лепту в разжигание ее внесли Николай II и его окружение, правительство, Государственная Дума, политические партии, евреи, масоны, пресса. Определить, кто больше, а кто меньше, невозможно, но вклад есть всех. Но то были дрожжи. Вершили же революцию, бесспорно, народные массы. Другой вопрос – широкие это были массы или не очень большие.

¹⁸⁹ «Известия», 2007, №40.

¹⁹⁰ «Российская газета», 2007, № 54.

¹⁹¹ Иванов В.В. «Русская интеллигенция и масонство. От Петра I и до наших дней». М., 2008. 12 с.

В данном случае в феврале революция была не столь масштабной, но свершилась-то она при одобрении или молчаливом согласии большинства. Что же касается вождей Февраля, то ярко выраженной одной личности как таковой не было. У каждой политической партии имелись свои лидеры. Одни очень известные, другие менее, а третьи вскоре и вовсе забыты.

Если народ окрестил «Чучелом революции» Родзянко, то некоторые историки тем же именем называют и А. Ф. Керенского, который подсунил Родзянке и привел в помещение Государственной Думы Нахамкеса и Гиммера, а в их лице Петроградский Совет рабочих депутатов, которого еще в тот момент де-юре не существовало. Керенский самостийно, вопреки решению Временного комитета Думы, вошел вместе с Чхеидзе в руководство этого Совета. И, как помнит читатель, уже 1 марта ЦИК Петроградского совета издал приказ №1, которым взял власть на себя. Впрочем, Керенский личность неоднозначная. Десятилетий не хватило, чтобы дать ответ, кем был он для России: «душою революции» (В.М.Чернов), «мессией», «народным вождем» (А.И.Куприн), «поэтом демократии» (Н.Н.Суханов)? Или же ее «злым гением» (Ю.Готье), «русским Бонапартом» (В.И.Ленин), «маленьким Наполеоном, у которого вскружилась голова» (Дж.Бьюкенен), «Гамлетом» (А.И.Шингарев), «Геростратом-разрушителем» (Пуришкевич). Сам А.Ф.Керенский пишет:

«Я находился в самом центре событий, изменивших ход российской истории, в математическом центре, видя революцию скорее целиком, чем в деталях, переживая ее как единый уникальный акт борьбы за освобождение и спасение России, а не как ряд отдельных эпизодов внутренней партийной и классовой борьбы. Меня с товарищами в Думе считали главной движущей силой событий»¹⁹².

Политикой Керенский занялся рано, в юности занимался журналистикой, писал для «Буревестника», бюллетеня социалистов-революционеров, в декабре 1905-го был даже арестован по подозрению в участии в их Боевой организации, но скоро отпустили на свободу. Адвокатская деятельность помогла попасть в Государственную Думу, где возглавил группу трудовиков.

¹⁹² Керенский А.Ф. «Русская революция. 1917». М., 2005. 18 с.

С думской трибуны Керенский произносил зажигательные речи, как правило, остро критиковал правительство, при этом обострял речь до крайностей, за что неоднократно лишался слова, тем самым увеличивая свою популярность. Осенью 1912 года вступил также в масонскую ложу, почти сразу же вошел в состав ее «Верховного Совета», руководившего деятельностью масонской организации «Великий Восток народов России», что оказало решающее значение на его политическую судьбу.

15 февраля 1917 года Керенский обратился к депутатам с речью, которую позже будут цитировать многие газеты, а царица посоветует царю повесить его на первом же фонаре.

«Страна уже в хаосе, — говорил Керенский. — Мы переживаем небывалую в исторические времена, в жизни нашей родины смуту. Смуту, перед которой время 1612 года кажется детскими сказочками!.. Посмотрите, господа, на этот хаос, посмотрите, что делала власть?.. Разве эти «тени», эти марионетки, которые приходят сюда для того, чтобы уйти, разве это — реальная власть?...(...) Поняли ли вы, что исторической задачей русского народа в настоящий момент является задача уничтожения средневекового режима немедленно и во что бы то ни стало героическими личными жертвами тех людей, которые это исповедуют и хотят этого...»¹⁹³.

Как в Думе, так и позже во Временном правительстве, Керенский проявлял бешеную активность: входил во всевозможные комиссии и комитеты, выступал с речами, ездил по заводам и фабрикам, солдатским казармам, занимался охраной Таврического дворца, писал и редактировал резолюции Петроградского Совета рабочих и депутатов. Для усиления значимости своей фигуры в дни революции вступил в наиболее популярную тогда и многочисленную партию эсеров. Когда началась революция, сумел войти и во Временное правительство, где на первых порах получил портфель министра юстиции. Впрочем, о деятельности Керенского во Временном правительстве разговор впереди. Да и не он был главным действующим лицом Февраля.

Февральский бунт не дело русского народа, не народное движение, а результат заговора небольшой кучки, связанной с зарубежным за-

¹⁹³ Цит. по Керенский А.Ф. «Дневник политика». М., 2007. 14-15 с.

кулисьем, делает вывод известный русский историк, эмигрировавший из России, В.Ф.Иванов. Начальником же у Керенского в России, в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов – органе, претендующем на власть, был Николай Семенович Чхеидзе.

Чхеидзе – потомственный дворянин, учился в Новороссийском университете, затем в Харьковском ветеринарном институте, но из обоих исключен за политическую неблагонадежность и высшего образования не получил. Стоял у истоков социал-демократического движения в Грузии, избирался гласным Батумской городской Думы. После 1903 года – меньшевик.

В III Думу избран в Тифлисе, его чуть было не лишили мандата за то, что воспользовался якобы поддельным квартирным цензом. Правда, Дума не признала обвинения, и Чхеидзе стал депутатом. Известность получил, во-первых, за скандал вокруг депутатского мандата, а, во-вторых, в начале 1914 года призывал ввести в стране республиканский строй. За подстрекание к революции его попытались привлечь к уголовной ответственности, но поскольку дело носило явно политический характер и было направлено не только лично против Чхеидзе, а касалось всей Думы, депутаты защитили коллегу.

По протекции масонов оказался среди лидеров Февральской революции, вначале вошел в состав Временного комитета Думы и одновременно с Керенским сумел пробраться в руководство Исполкома Петросовета.

Кредо Чхеидзе – объединение всех социал-демократических сил, но он был против дальнейшего развития революции. С большевиками порвал в июле 1917-го. В сентябре большинство Петросовета проголосовало против нахождения его во главе организации, и он вместе с президиумом ушел в отставку. Уехал в Грузию, участвовал в создании суверенных государств в Закавказье. В 1921 году, когда Красная Армия пришла в Грузию, бежал за границу, видимо, к своим хозяевам, но стал им не нужен и покончил жизнь самоубийством.

Заметный след в истории России оставил Александр Иванович Гучков – выходец из именитой московской купеческой семьи, получил диплом Московского университета. Слушал лекции в Берлине и Гельдейберге. В поисках смысла жизни истины участвовал в англо-бурской войне 1899–1902 годов на стороне буров, раненым попал в плен, а освободившись, ринулся в Македонию, где началось вос-

стане против турок. Человек, не знающий страха, во время русско-японской войны 1904–1905 годов, будучи уполномоченным Красного Креста, не оставил раненых, брошенных на произвол судьбы командованием в Мукдене, вместе с ними попал в плен к японцам и, перенеся все тяготы и невзгоды, дождался освобождения. Защищая честь и достоинство, шесть раз дрался на дуэлях.

Иные современники, а вслед за ними и некоторые историки приклеивают Гучкову ярлык авантюриста, но это не совсем так. Гучков — натура мятушаяся. Неоднозначная, честолюбивая и ... расчетливая — себе на уме, ведь в жилах купеческая и еврейская (по матери) кровь. Он оказался очень удачливым предпринимателем, стал директором Московского учетного банка, участник других коммерческих проектов. К 1917 году чуть ли не миллионер, его состояние оценивалось в 600 тысяч рублей. Тех еще, виттевских, червонцев, которые за границей котировались выше долларов и фунтов стерлингов!

Общественно-политическую деятельность начал в 1903 году, принимал участие в работе Московской городской думы, с 1907 года ее гласный. С началом первой революции в России попал под влияние масонов, взялся за основание партии октябристов, чтобы разрушить самодержавие изнутри. Его партия с самого начала сотрудничала с правительством. Гучков даже рассматривался в качестве министра в кабинет Витте. Активно поддерживал Александр Иванович и столыпинские реформы. В III Думе возглавлял комитет по обороне, затем его избрали Председателем Государственной Думы.

Взялся было пробить «законодательную пробку» в Госсовете. Но наткнулся на противодействие Николая II. Человек не робкого десятка, Гучков не остановился и пошел на обострение с царем и его окружением. Их противостояние началось еще 27 мая 1908 года. Выступая в Думе при обсуждении бюджета, Гучков заявил, что главным препятствием для восстановления военной мощи России, сильно ослабевшей после русско-японской войны, является участие царской семьи в управлении армией и флотом...

Гучков знал, что рано или поздно царь вспомнит об этом факте, он обид не забывал, но Александра Ивановича это особо не волновало, он действовал, как считал нужным. И со своим протеже, Столыпиным, вскоре разошелся, усилил критику кабинета министров за отказ от реформ. В марте 1911 и вовсе подал в отставку в знак протеста, что

Столыпин нарушил порядок прохождения законопроекта о введении земства в Западных губерниях через Думу, распустив ее на три дня, и ввел закон в действие своим указом. Столыпин тянул с отставкой почти неделю, пытаясь уговорить Гучкова, но тот остался непреклонен.

После смерти Столыпина Гучков организовал мощную кампанию против верховной власти, обвиняя ее в игнорировании нужд народа, намекая на причастность окружения царя к убийству премьера.

«Для этой банды, – говорил он 15 ноября 1911 года, выступая в Думе, – существуют только соображения личной карьеры и интересы личного благополучия... Это были крупные бандиты, но с подкладкой мелких чиновников. Когда они увидели, что их распознали, что им наступили на хвост, что стали подстригать им когти, стали проверять их ресторанные счета, они предоставили событиям идти своим ходом... Власть в плену своих слуг – и каких слуг!».

Гучков одним из первых заметил появление на политической арене темной личности – Г.Е.Распутина и повел с ним непримиримую борьбу. Не побоялся вступить в конфликт и с военным министром Сухомлиновым, обвинив его в организации слежки за офицерским корпусом. Конфликт этот несколько пригасила дуэль Гучкова с жандармским полковником Мясоедовым, приятелем Сухомлинова.

В 1913 году Гучков окончательно перешел в оппозицию к правительству, вызвав раскол в рядах октябристов. Перед Февральской революцией выступал за укрепление монархии, затем находился в центре организации переворота по свержению Николая II с престола, сговорившись с генералом Крымовым. Однако отчасти из-за болезни Гучкова и его отъезда на лечение в Кисловодск план не удалось реализовать. Так или иначе, Гучков добился своего – принял отречение Николая II от престола.

Став военным министром Временного правительства, взялся за демократизацию армии, отменил все титулы и звания, ввел обращение к солдатам на «Вы», разрешил участвовать военнослужащим в политических организациях, сместил большинство высшего командного состава, заменив молодыми. Стоял за всемерное укрепление воинской дисциплины и осудил приказ №1 Петросовета, узаконивший власть солдатских комитетов в армии. И хотя Гучков делал все, что было в его

силах для сохранения Вооруженных сил России, ему это не удалось. Увидев бесплодность своих попыток, добровольно ушел с поста военного министра, тем самым породив кризис Временного правительства. В конце 17-го принял участие в организации Добровольческой армии, позже эмигрировал и до конца жизни (1936 г.) оставался непримиримым врагом большевистского руководства в Советской России.

Как видим, лидеров Февраля было несколько. Но ни Ленин, ни Родзянко, ни Керенский, ни Чхеидзе, ни Гучков не вожди Февральской революции, хотя каждый из них внес вклад, и не малый вклад, в свержение самодержавия. Одного же общепризнанного вождя не было. Но и революция, по существу, только-только разгоралась. И на последующих ее этапах появятся вожди.

МОНОГРАФИЯ
в 2-х частях

Черняк А.В.

Журналистика и революции в России

Часть I

© Академия медиаиндустрии

© Редакционно-издательский отдел

Редактор: *Д.А. Сребницкая*
Верстка и дизайн: *Ю.С. Головки*

Подписано в печать 03.09.2017 г. Тираж – 250 экз.

Объем – 13,6 п.л. Формат – 60х84/16.

РИО «Академии медиаиндустрии», Москва, ул. Октябрьская, 105.